

*Ранняя
Осень*

ОДНА

*тридцати
пяти*

Быть тридцать второй в списке претенденток на руку и сердце принца — не беда. Сезон сватовства, интриги, традиционные наряды — забавно. Но покушение на принца, тюрьма и страсть самого опасного человека в мире — это совсем не то, чего я ждала от путешествия в Хегейское королевство. Оказаться в гуще интриг и стать поводом для кровавой войны за престол — то еще развлечение, скажу я вам.

Елена Романова

Одна из тридцати пяти

— Вас уже третьи сутки везут во дворец? Вы не выспались? Вы устали? Знайте: это только начало пути! Впереди самый нудный месяц вашей жизни. Уверяю.

— Джина, ну хватит уже! Можно подумать, ты едешь не во дворец, а в монастырь. Представь только: пышный прием, принц, и много очень полезных и важных знакомств. И никаких тебе сборов урожая, засухи, ураганов, нашествий саранчи и прочей ерунды, которую мы ежедневно видим в Хоупсе.

— И никакой свободы, Элина, никакой вольности, прогулок под луной и купаний в речке.

— Никаких простуд после купания, и никаких репейных колючек в волосах, которые я, учти, больше не стану распутывать. Выстригу и все тут. Будешь лысая.

Элина мыслит узко, честное слово.

Карета его величества, любезно высланная за нами, была стара, как сам Хоупс, из которого мы обе — я и Элина Эртон — ехали в высший свет Хегейского королевства. Следует рассказать вам о Хоупсе, ибо не далее, как в двух милях от столицы, никто и слыхом не слыхивал о нашей деревушке. А, между тем, три столетия назад там обосновался знатный род обнищавшей аристократической семьи. Собственно, это и есть эль-Берссо. Да, именно так: с двумя "сс". Для большей солидности. А я Джина эль-Берссо. Звучит как марка вина. Но, что самое ужасное: мое имя заканчивается на пресловутое и совершенно не аристократическое "ина". С такими окончаниями в именах обычно ходили простолюдинки. Мой же отец решил, что меня будут звать "Джина". То ли имя понравилось, то ли он так хотел выпить джина, что слуга принял его слова за наречение, и вскоре меня так и записали в церковных свитках.

О моем существовании в королевстве мало кто догадывался, пока принцу Эдмунду Первому не стукнуло двадцать два, и его батюшка специальным королевским указом не соизволил обязать отпрыска найти себе невесту. Заметьте, скорейшим образом. Эдмунд был молод, горяч, красив и безумно не желал жениться. Какие слухи ходили в Хоупсе по поводу этого молодого человека и рассказать стыдно. Мое имя каким-то чудом всплыло в списке, и в Хоупсе совершенно неожиданно появился глашатай, который искал меня, путешествуя по окрестностям деревни.

Не буду хвалиться, дабы не исказить истории, пригласили, да не меня одну. К слову, я была тридцать второй кандидаткой в списке из тридцати пяти.

Мы с Элиной высунулись из окна кареты, чтобы рассмотреть приближающийся дворец. Он, как полагалось, утопал в зелени и пронзал шпилями и башенками небо. Наша карета двигалась медленно, скрипя старыми осями, и мы могли разглядеть величие королевского пристанища со всех сторон. Естественно, мы обе мысленно сравнивали Хегей с Хоупсом, и очень быстро пришли к выводу, что сравнивать их бесполезно так же, как и сравнивать алмаз с гнилой картошкой.

— Джина эль-Бердо! — выкрикнул герольд, когда я соизволила соскочить на землю. — эль-Бедра! Эль... — смутился и затих.

Две девочки-близняшки в одинаковых платьицах с вышивками герба моего древнейшего рода нехотя выпрямились и вяло побросали в нас лепестки цветов. Тоже уже повядших. Мы не стали никого задерживать, переместившись во дворец. Нам приготовили комнаты над

кухнями. Прямо скажем, места для неудачников. Но я относилась к этому по-философски. Будь я принцем, мне бы тоже не было дела до тридцать второй кандидатки мне в жены. Кроме того, убранство комнат было неплохим. Да, что уж там: в Хоупсе такая роскошь не снилась даже наместникам короля, поэтому мы с Элиной тоже не очень-то оскорбились.

Следует особо отметить ужин, которым мы питались в первый вечер после нашего прибытия. Он был красив, но когда мы приступили к делу, то пришли в недоумение. Либо нас решили посадить на диету, либо у королей принято по вечерам любоваться едой, а не есть ее. Нам с компаньонкой, ложась по кроватям, следовало уповать лишь на завтрак, который просто обязан быть съедобным.

— Вот ведь зараза, — прошипел в ночи голос Элины, — есть хочу до поросычьего визга.

— Леди Эртон, — целомудренно заметила я, — воспитанные девушки не позволяют себе таких выражений.

Тихое гуканье совы за окном прервало наш диалог, и мы некоторое время пялились на желтый диск луны.

— Я бы сейчас съела тех сдобных булочек, которые готовит наша кухарка, — застонала Элина.

— Уймись, иначе я кину в тебя башмаком. Дай отвлечься, — вздохнула я, представляя, что бегу по колышущемуся полю в родной деревушке... а навстречу бежит кухарка с булочками... — Что б тебя, Элина! Надо было съесть хотя бы тех моллюсков, что лежали на подносе.

— И пахли кислым молоком?

— Их вымачивали в вине, — напомнила я слова лакея, который принес ужин в комнату, и спустила на пол ноги.

— Ты куда? — встрепелась подруга, сбрасывая одеяло. — Это тебе не Хоупс, Джина. Здесь нельзя разгуливать по ночам в одних только сорочках.

— А что ты скажешь, если я принесу с кухни толстую, сочную баранью ногу? А?

Мы обе видели это угощение через окно, когда проходили под ним сегодня утром.

— Что это испортит мою прелестную фигуру, — кисло улыбнулась компаньонка.

— Что это не даст нам умереть с голоду.

— Ты бьешь по самому больному, — надулась она, набрасывая на плечи одеяло, — я не могу устоять против баранины.

— Тогда сиди тихо и жди, когда я вернусь, — я подошла к окну и, растворив его, глянула вниз. — Кажется, там никого нет. Дай-ка мне край одеяла, я хочу спуститься.

Элина раскрыла рот, взирая на меня, как на ненормальную. Что ж, я привыкла к этому взгляду.

— Джина, ты хочешь вылезти в окно, спуститься по одеялу, чтобы украсть с королевской кухни баранью ногу?!

Я вскарабкалась на подоконник, почувствовав, как прохладный ночной ветер зарылся в волосы. Намечалось очередное приключение!

— Держи крепко, — приказала подруге, а сама юркнула вниз и повисла, запоздало понимая, что идея по похищению ноги была прескверной. Если бы подумать об этом прежде, чем упасть в колючий куст шиповника...

— Йееееей! — мой писк потонул в тишине, и гуканье совы возобновилось с новой силой, будто она только и ждала моей отмашки.

— Ты жива? — вверху возникла голова Элины. — Терпи, Джина, и думай о бараньей

ноге! — подбодрила меня.

Напрасно. Сейчас я думала только о своей ноге и других частях тела, которые особенно сильно пострадали от шипов. Даже есть как-то расхотелось.

Я проковыляла к окнам кухни, заметив, что одно из них забыли закрыть, и я при своей небольшой комплекции чудесно туда пролезу. Вторая плохая идея за один вечер.

"Думай о бараньей ноге, думай о ноге, думай о баране и его ноге... ооо, черт!" Я ввалилась в кухню, распластавшись на полу. Передо мной покачивался котелок, а за ним простирались столы с накрытыми белой материей яствами. Это был рай. Я едва не взвизгнула, но вовремя опомнилась, заметив, что у приоткрытой двери зажегся огонек. Вот и попалась. Если меня здесь заметят, то завтра на королевском столе появиться новое блюдо — Джина из рода эль-Берссо с яблоком во рту. И поделом.

— Говори, — приказным тоном прогремел голос.

Клянусь, я бы выложила всю подноготную своей жизни, повинуюсь той невероятной властности и самоуверенности, которая крылась в этом голосе, но меня опередили.

— Я могу ошибаться...

— У меня нет времени. Говори.

— Приказ, ваше сиятельство. Приказ об убийстве наследного принца.

— Это все? — ни капли удивления.

— Все.

— Учти, если сведения покинут эти стены, я найду тебя, отрежу язык и заставлю его сожрать. Ясно?

Мне совершенно перехотелось есть. Скажу больше, все, что меня волновало — как выбраться с кухни. Окно, из которого я имела честь выпасть, было довольно высоко. Уйти я могла только самым обычным способом — воспользовавшись дверью. Но за дверью — обладатель ужасного голоса, который запросто заставит меня съесть собственные уши за то, что я ими только что услышала.

Я решила дожидаться, пока двое мужчин (а судя по голосу, это были мужчины), наконец, уйдут. Притаившись за дверью, я не могла отказать себе в возможности послушать, о чем еще они могут говорить.

— Передай записку королеве, — распорядился властный голос, — но не говори, что она была зашифрована. Пусть над этим ломают головы ее шпионы.

— Да, ваше сиятельство.

— Можешь идти.

Раздались шаги, свидетельствующие о том, что говорившие разошлись в разные стороны. Собственно, этого я и ждала. Аккуратно приоткрыв дверь, огляделась и засемила по коридору. Когда преодолевала поворот, ведущий к лестнице и выходу, за спиной раздалось грозное: «Стой!», и я со всего деру помчалась вперед, выскочила за дверь и захлопнула ее, оставив преследователя надолго возиться с замком.

Одеяло все еще свисало из окна, и я дернула за него, едва не скинув прикорнувшую с другой стороны Элину.

— Где нога? — прошипела она.

— К черту ногу! Поднимай! — и я уцепилась обеими руками за одеяло и повисла в надежде, что Элина обретет суперсилу и втащит меня в окно, как пушинку.

— Сдурела? — удивленно раскрыла рот компаньонка.

Я скривилась, но услышав, что мой преследователь перешел от стука в дверь, к мощным

ударам, стала быстро карабкаться вверх. Меня постигла неудача, когда я почти дотянулась до протянутой руки Элины — сорочка (у скромных девиц сорочка должна быть не короче щиколоток) зацепилась за все тот же несносный куст шиповника.

— Ну чего ты возишься? — недоумевала подруга, слыша треск расплзающейся ткани и глухие удары плеча о дверь.

Когда я все-таки влетела внутрь, расставшись с куском ночной сорочки и повалив компаньонку, поняла, что так просто это приключение не сойдет мне с рук. И как потом объяснить все это страже? Сказать, что мы обе страдаем от приступов ночного обжорства?

Мы втянули одеяло в комнату, затворили окно и рухнули на койки, слыша, что дверь внизу, наконец, поддалась. До нас донеслись тревожные шаги под окнами, грозное сопение и приглушенная ругань.

Я понимала, что даже самый глупый стражник догадается, в чем тут дело. Кроме того, преследователь меня видел. Со спины и с распущенными волосами, но видел же. А как быть с куском сорочки, болтающимся на ветке шиповника?

Через четверть часа мы с Элиной поняли, что врываться к нам никто не собирается. Я немного успокоилась и смогла трезво оценить ситуацию. Представьте себе, заговор во дворце! Покушение на принца Эдмунда Первого. В самый разгар его "предсвадебной компании". Кому-то это очень выгодно. Король еще жив, но болен, а, следовательно, совсем скоро Эдмунд вступит в права. А что касается меня, то, если мой преследователь окажется расторопным, я окажусь в кабинете начальника тайной канцелярии, а потом в тюрьме. А там даже моллюски, вымоченные в кислом вине, покажутся мне редким деликатесом.

Элине лучше ничего не знать. Тем более, она уже беззаботно посापывает, думая, что меня засекли повара, когда я раздирала зубами баранину.

Утро в Хегее выдалось солнечным и светлым. Измученная бессонницей и мрачными думами, я решила спастись в маленькой молельне. Еще не появились распорядители и леди-наставницы, поэтому я смогла беспрепятственно выскользнуть из комнаты. Но, знала, то, к чему меня готовили — всевозможные приемы, прогулки, торжественные обеды, скоро поглотят мою вольную беспечную жизнь.

— Тебе было сказано, как действовать!

Я оторопело подняла голову, едва ли поняв, откуда доносится голос.

— Я сам решу, как мне действовать.

— Учти, Эдмунд, ты не король...

— Это вопрос времени.

— ... и ты будешь выполнять то, что я велю.

Тот факт, что я опять услышала разговор, который слышать не должна, меня ужасно опечалил. Если мужчины зайдут в молельню, то мне не отделаться порванной сорочкой. Сбежать отсюда просто невозможно, если только я не пролезу в узкое окошко под потолком и не растворюсь в воздухе.

— У меня лучшая стража и лучшие шпионы, — между тем продолжалась беседа.

— Поздравляю.

— Полагаю, разговор окончен? — мягкий, бархатистый голос принца был очень приятен на слух. — Я тороплюсь.

— Как угодно.

Принц удалился, ловко чеканя шаг. А другие шаги, твердые и решительные раздались на входе, и я затаила дыхание.

Не напрасно. Передо мной возник суровый хмурый мужчина. Широкий разворот плеч: черный, вопреки светскому этикету, дублет с высоким воротом, на поясе ножны с кинжалом. Росту в этом человеке было не меньше шести футов. Мой взор медленно заскользил по нему, снизу вверх, пока не добрался до откровенно пугающего лица. Жесткая линия губ, свирепо раздувающиеся ноздри, темные вьющиеся волосы, откиннутые со лба, густые брови и пронзительные карие глаза. Взгляд — холодный, оценивающий и надменный — как взгляд хищника, вышедшего на след добычи.

— Я молилась, — ляпнула я невпопад.

Думаю, этот мужчина меньше всего ожидал меня здесь увидеть, однако на его лице не дрогнул ни один мускул.

— Я так и знал, — это, конечно, сарказм, но в тот момент я меньше всего об этом думала.

— Это ведь не запрещено?

На губах человека, который пугал меня не только голосом, но и внешним видом, обозначилась легкая игривая усмешка.

— Молиться? — он медленно двинулся ко мне, а я так же медленно отступила. — Конечно, нет.

— Отлично. Я как раз закончила, и мне уже пора.

Я абсолютно не знала, как себя вести с этим человеком. Пожалуй, лучший выход — провалиться сквозь землю.

— Вы кое-что забыли, — произнес он и протянул руку. На его запястье была повязана тряпочка, в которой я очень быстро узнала часть моей сорочки, и густо покраснела. И не только из-за того, что мужчина повязал ее себе на руку, как трофей, но и потому, что мне было чертовски сложно сказать:

— Это не мое.

— Естественно, — снова дьявольская улыбка, заставляющая мое естество сжаться в комок. — И сейчас вы очутились здесь совершенно случайно? И, разумеется, ничего не слышали?

— Кто? Я? Да вы что, я с детства туга на оба уха.

Мужчина облокотился на алтарь, глядя на меня тяжелым магнетическим взглядом.

— Мне действительно пора, — вымолвила я сипло, — а то столько дел, столько дел... Всего доброго...

Мне оставался всего маленький шаг, чтобы выйти из молельни, но вдруг незнакомец выставил руку, уперев ладонь в стену.

— Позвольте вас проводить... леди, — от этого металлического голоса, полного затаенной угрозы, меня пробрало до костей.

Я медленно подняла голову. Никогда — о, боже — не видела таких глаз и не испытывала того смертельного страха, что вызывал его жуткий нечеловеческий взгляд.

— Не беспокойтесь, — воздуха не хватало в легких, — я дойду сама...

— Ну что вы, мне не сложно, — произнес мужчина, хватая меня за локоть.

Это движение вышло у него так ловко, что я едва успела ахнуть от боли и возмущения.

— Что вы делаете?

— Отдаю дань манерам.

Это чудовище еще и шутить умеет. Цены ему нет!

Он потащил меня на улицу, действуя с такой холодной безразличностью, что я выпалила, выдергивая руку из его стальной хватки:

— Да кто вы такой? Я никуда с вами не пойду!

— Что ж, можешь звать на помощь, — хмыкнул незнакомец, резковато дергая меня за локоть.

Быть мне не Джиной эль-Берссо, если этот самоуверенный мужчина не Райт Берингер первый советник и начальник тайной канцелярии при принце Эдмунде Первом. Я многое слышала о нем и, увы, только плохое. Посему сопротивляться было делом бессмысленным.

— Я пойду сама, — заявила я сквозь стиснутые зубы. — И отдайте мне кусок моей сорочки!

Мужчина медленно разжал пальцы и посмотрел на меня лукаво:

— Так значит, она ваша?

— А чья же еще? — проговорила, следуя за советником без должного энтузиазма. — Неужели будете судить меня за то, что я ворвалась ночью на кухню, умирая с голоду?

— Никто не собирается вас судить. Обойдемся без суда.

Вот и доигралась леди эль-Берссо. Баранья нога определенно этого не стоила.

Я думала об этом и после того, как меня заперли в камере. И через два часа после того, как лорд Берингер безмолвно меня покинул. Оставалось только одно — ждать, что будет дальше.

Темница была маленькой и сырой. Я старалась не обращать внимание на соседнюю камеру, где началось какое-то движение и послышалось кряхтение. Неожиданно к прутьям

решетки прижалось лицо. Старое, морщинистое и грязное. Два блестящих темных глаза уткнулись в меня немигающим долгим и жутким взглядом.

— Воды, — проскрипело это создание.

Передав странной старухе миску, я спросила:

— Давно вы здесь?

— Здесь? Нет, — отозвалась она, — большую часть срока я провела в темнице в Деллор-хай.

— Большую часть срока? — медленно повторила я.

— Около пятнадцати лет.

Ого! Надеюсь, меня не ждет подобное будущее? Что нужно было сотворить женщине, чтобы ее упекли на такой длительный срок за решетку?

— Я знаю один секрет, — произнесла она, хватаясь за прутья, — страшный секрет королевского рода.

Меня окатило лавиной холодных мурашек.

— Это очень страшный секрет. Я никому не должна рассказывать его, — старуха окинула меня тревожным взглядом и юркнула в темноту.

Если меня оставят здесь на ночь, то Элина поднимет на уши весь дворец. Вряд ли это будет на пользу лорду-начальнику тайной канцелярии. Хотя, что с ним станется? Берингер обладал безграничной властью.

— Беги отсюда, беги, — донесся до меня тоненький голосочек ненормальной старухи. — Спасайся... — она умолкла, а в темнице раздались голоса и скрежет засовов.

Думаю, это по мою душу. Первым делом я увидела стражников, которые поставили напротив зарешеченной дверцы стул, и только затем человека, который опустился на этот стул и закинул ногу на ногу. Ему поднесли огниво, он закурил, затем снял перчатки и, тяжело вздохнув, оглядел меня.

Лорд-начальник во всей красе. Теперь в его взгляде появилось что-то еще: расслабленная уверенность в том, что я трепещу и полностью раздавлена.

— Ты уже познакомилась со своей сокамерницей, Джина?

Он перешел на «ты» на удивление быстро.

— Да, познакомилась.

— Значит, понимаешь, что все, касающееся королевской семьи — очень серьезно.

До меня донесся запах табака, исходивший от его сигары. Он сжимал ее в пальцах, и она казалось невероятно маленькой, такой выглядела бы и моя шея, если бы лорду-начальнику вздумалось ее свернуть.

— Я и раньше это знала. Еще до знакомства с этой... госпожой.

— Очень похвально.

— Благодарю.

Ему показалось, что я ерничаю и недостаточно серьезно воспринимаю происходящее, потому он спросил:

— Ты понимаешь, что можешь остаться здесь на всю жизнь?

— Вы прекрасно это продемонстрировали.

Он что-то искал в моем взгляде... Может, панику и желание разрыдаться?

— И как ты смотришь на такую перспективу?

— А моллюсками здесь кормить не будут?

Рука с сигарой замерла у губ, и мужчина вскинул брови. Думаю, мой вопрос немного

вывел его из равновесия.

— Здесь особенно не заморачиваются по поводу питания, — ответил мужчина, — и, честно говоря, баранину здесь тоже не подают.

Я залилась краской. Лорду-начальнику известно о бараньей ноге. Неужели Элина сдалась под натиском этого изверга?

— Так значит, вы все выяснили?

— Выяснил что?

— Что я не специально подслушала ваш разговор на кухне.

— Получается, случайно?

— Да.

— Случайно обошла двух стражников, влезла в окно? Случайно прокралась мимо охраны у молельни, спряталась внутри?

Чем больше он говорил, тем больше пугающего холода было в его низком рычащем голосе, и от этого сердце в моей груди билось втрое чаще.

— Охраны? Да не было там никакой охраны.

— Со зрением тоже беда, да?

— Это у ваших охранников со зрением беда.

— Вот значит как, — мужчина докурил, бросил окурочок на пол, а сам победно сложил на груди руки, — значит, они попросту тебя не заметили. Так получается?

— Может быть и так. Мне откуда знать?

— Выходит, вы с компаньонкой вовсе не сговорились, придумав дурацкую историю с бараньей ногой?

— И почему это история дурацкая? Мы просто захотели есть.

— Нельзя было вызвать лакея?

— Лакея? Ну, знаете! Мы не каждый день попадаем во дворец и понятия не имели, как тут все устроено. В Хоупсе, чтобы поесть, не нужно вызывать лакея. Согласна, наше решение не очень... не очень разумное. Но за это не сажают в темницу. Честное слово, произошло недоразумение.

Лицо у этого человека стало таким, будто я призналась в королевской измене, — снисходительным и довольным.

— Послушай, Джина, — медленно произнес он, — все это выглядит очень забавно и глупо. Согласен, вы обе вполне могли додуматься до того, чтобы украсть еду с королевской кухни, но я, все-таки, ожидал большего от претендентки в королевы, пусть она и занимает тридцать второе место в списке. Так вот, с этого дня я не спущу с тебя глаз, и будет лучше, если ты избавишься от дурной привычки брать чужое. В противном случае, я превращу твою жизнь в ад и не думаю, что это очень расстроит принца.

Со мной никогда не говорили вот так: предельно откровенно и хладнокровно. И я оценила.

— Я поняла, милорд.

— Рад, что ты оказалась такой понятливой, — поднимаясь со стула, бросил мужчина. — Надеюсь, в этих стенах мы видимся последний раз.

Со своей стороны я надеялась, что не увижу его никогда. И к стенам это не имеет никакого отношения.

После истории с бараньей ногой, нелепых объяснений с Элиной и того злосчастного утра, когда я познакомилась с Райтом Берингером прошло всего два дня. И я поняла, что корону, руку и сердце принца никто не собирается отдавать без боя.

— Спину ровнее, дорогая, — легкий шлепок веера по лопаткам, — подбородок выше, взгляд долу.

Мы с остальными девушками двигались друг за другом, но внимание мадам Жизель было приковано к самой неумелой ученице — ко мне.

— На приеме во дворце будет много именитых гостей, леди, — прохаживаясь взад-вперед и сложив за поясницу руки, говорила наставница, — и вы должны знать, как следует себя вести. Держите осанку, леди!

Чтобы понять, кто такая мадам Жизель, достаточно пары черт: строгий пучок, запудренные морщинки в уголках глаз и властность во взгляде.

— Скромность и целомудрие, — чеканя слова, говорила она, — достоинство, изысканность и сдержанность. Та из вас, которая обладает этими качествами, имеет все шансы на корону.

И даже тридцать вторая в списке? Не смешите меня.

— А теперь вальс, — прикрыв ресницы, лукаво произнесла она, — вам, мои дорогие, нужно найти партнера. У вас пять минут.

Девушки с криками бросились с крытой и обросшей виноградными листьями, веранды. А я растерялась.

— Леди эль-Берссо, вам непонятен приказ? — обратилась ко мне наставница. — Приличных кавалеров сейчас расхватывают. В полдень здесь с огнем никого не сыщешь.

Какое, черт побери, несчастье. Но усмирив гонор, я все-таки поплелась по парку, выискивая потенциальных жертв. Все-таки близится зима, а в Хоупсе морозы особо лютые, посему я должна здесь всем понравиться.

В королевском парке было безлюдно. Белоснежные мраморные лавочки, фонтаны, изумительные клумбы — было чем полюбоваться. Парк был огромен, как весь Хоупс, и ухожен, как сады Эдема. Я двигалась мимо скульптур, некоторые из которых были весьма фривольны и изображали обнаженных атлетов или юных дев с оголенной грудью, и все, о чем я могла думать — интересно, каково жить в такой роскоши?

Я прошла под аркой, украшенной живыми розами, и оказалась на широкой аллее с вычурными подстриженными клумбами. И только сейчас заметила процессию из слуг, во главе которой — кто бы мог подумать — шествовал лорд-начальник с каким-то светловолосым спутником. Все мое внимание сфокусировалось на Райте, выбросив из поля зрения излишнее. Этот мужчина, словно демон, был одет во все черное. И плевать ему на светский этикет, манеры и прочую чепуху. Напыщенный индюк!

— Советник, куда смотрят твои стражники? — донесся до меня голос светловолосого незнакомца, обряженного в темно-бордовый бархатный камзол.

Вся процессия остановилась.

— У этой дамы талант оказываться не в том месте, не в то время, — мрачно отозвался Райт, и от звука его голоса мое сердце пустилось вскачь.

— Так значит, Жизель опять испытывает претенденток? — молодой мужчина в красном

внимательно меня рассматривал.

— За это вы ей неплохо платите, ваше высочество.

Высочество?!

Пока принц обменивался репликами с советником, а я ловила на себе взгляды откровенно недоумевающих слуг, краска стыда заливала лицо. Я всю жизнь безвылазно прожила в Хоупсе и видела монарших особ только на гравюрах — мне простительно!

Эдмунд был принцем в лучших традициях жанра — высокий, утонченный, молодой красавец с гривой светлых длинных волос. По сравнению с ним Райт — грубое хищное чудовище, вытесанное из камня.

— И что за испытание на этот раз? — коротко хохотнул принц, не спеша разглядывая рюши на лифе моего платья.

Я — слава Всевышнему — сообразила присесть в реверансе и смущенно выдавить:

— Найти партнера... по танцам.

Принц жестом повелел мне распрямиться, приказав назвать имя.

— Джина, ваше высочество.

— Джина, — повторил наследник, нахмутив изящные брови, — странное имя для аристократки.

— Когда я представляюсь, многие думают, что я просто хочу выпить, — пошутила я и рассмеялась, но увидев недоумение на лицах присутствующих, умолкла.

— Да, это интересно. Что ж, Джина, пойдете, я с вами станцюю.

Удивление отразилось не только на моем лице, но и на хмуром лице лорда Берингера. Однако никто из нас не проронил ни слова.

Когда Жизель и претендентки увидели моего спутника, разом стихли и окаменели. Стоит отдать девушкам должное — они действительно нашли партнеров для вальса, которых появление наследника тоже превратило в каменных истуканов.

— Ваше высочество, — нашла наставница, и все вокруг опустились в грациозных реверансах и поклонах.

Взгляд принца — не лишенный избалованности и разнузданности — заскользил по девушкам, коих он увидел впервые.

— Райт, — поманил он рукой советника, который даже не шелохнулся, — выбери кого-нибудь для танца.

Вальс и лорд-начальник были не совместимы, как лед и пламя. И все же я надеялась, что он не посмеет нарушить приказ. Впрочем, надеялась до фразы: «я не танцую», вынудившей Эдмунда обернуться.

— Тогда завтра отправишься на виселицу!

— В котором часу? У меня на завтра заседания совета, — невозмутимо проговорил Райт.

— Не испытывай мое терпение!

Райт — о, безумец, — облокотился на перила беседки, подавляя скучающий зевок. Взгляд принца сделался свирепым.

— Послушай, советник, я упеку тебя за решетку! Ты забыл, кому служишь?!

Я предвкушала, что сейчас лорд-начальник грохнется на колени с мольбой дать ему прощение.

— Я служу Хегею и призван защищать наследного принца, — лениво ответил он, — но я не обязан выполнять любую его прихоть.

И вот сейчас я рассчитывала, что советника схватит стража, а завтра я увижу его голову на одной из дворцовых пик. Но вместо этого, напряжение сломило Эдмунда, и он, нервно рассмеявшись, протянул мне руку. Разговор был окончен, но это ничуть не вернуло хладнокровия наследнику, который резко притянул меня, чтобы, наконец, исполнить обещанное — потанцевать.

Дыхание застряло в горле. Мне никогда не приходилось находиться так близко к человеку, в чьих жилах текла кровь королей. И я была бы полна романтических иллюзий, если бы не откровенный, изучающий, пристальный взгляд Райта.

— Старина, ты не танцуешь из-за ноги, верно? — ведя меня в танце, бросил принц своему мрачному советнику. — Стесняешься хромоты?

Если бы принц обратил на меня свой светлый лучезарный взор, я возможно бы поддалась чарам, но, увы, внимание наследника было всецело отдано Райту.

— Если это вас успокоит, то: да, — ответил тот равнодушно.

И его лицо было так цинично-спокойно, что я вымолвила тихо:

— Лорд-начальник просто не умеет танцевать.

Эдмунд остановился так резко, что я неожиданно вторглась в его личное пространство, вскинула голову.

— Лорд-начальник? — рассмеялся он, глядя на меня задорно, — Райт, ты слышал, как эта дама тебя назвала? Слышал?

— Все от первого до последнего слова.

— И что ты об этом думаешь?

— Что леди эль-Берссо, наверно, виднее.

— Готова дать за это четвертак, — аккуратно ввернула шутку.

Кое-кого моя шутка задела — Райт запустил руку в карман и перекинул мне монету.

— Считайте, что выиграла.

Эта победа не принесла мне ни капли удовольствия. Напротив, я почувствовала, что мне позволили взять над собой верх. На время.

— Вы всегда так легко сдаетесь, ваше сиятельство? — спросила, сжимая в кулаке монету.

Эдмунд скрыл улыбку, но кто-то из его свиты был не так сдержан, обронив смешок и заставив лорда-начальника нахмуриться. Однако принц разрядил ситуацию:

— Что ж дамы, вы разбавили мою скучную прогулку этим великолепным танцем. Благодарю. Леди Джина, вы очаровательны. Думаю, на завтрашнем полонезе вам достанется партнер, достойный вас, — и он весело глянул на Райта.

«Даже не думай, — гласил ответный взгляд советника».

* * *

Подготовка к балу началась в четыре утра.

— Ваши манеры должны быть безупречны. Вас будут оценивать, разглядывать, испытывать. Вы должны быть негибачемы, и не забываем улыбаться. Всегда улыбаться, что бы ни случилось.

Адель, двадцать восьмая в списке, легонько толкнула меня в бок, и я оторвала голову от стола.

— О, благодарю, — шепнула ей.

— Покажите, что вы умны и незаурядны, — декламировала наставница, — говорите лишь тогда, когда к вам обращаются. Скромность превыше всего.

Да, да, этого я еще дома наслушалась. Сейчас для меня сон превыше всего.

— Леди эль-Берссо, вы не выспались?

Взгляды девушек обратились ко мне, и я неопределенно пожала плечами. Конечно, я не спала. Более того, вообще не знаю, смогу ли спать, избегая встречаться в сновидениях с Райтом, и не просыпаться в холодном поту.

— Будьте внимательнее, — строго сказала наставница и склонилась ко мне: — учтите, ваша случайная встреча с принцем — еще ничего не значит.

Не сомневаюсь. Эдмунд был больше увлечен соревнованием в красноречии со своим советником, чем мной.

— У вас, претендентки, есть время, чтобы подготовиться к выходу в свет. Постарайтесь произвести впечатление на короля и молодого принца.

Король был болен, но накануне нас облетела радостная новость — монарх будет присутствовать на балу.

После проповеди Жизель меня ждал скупой завтрак в общей столовой.

— Я тридцать пятая, — сказала мне девушка, присаживаясь за столик слева от меня, — справа Камилла, тридцать четвертая. Мы близняшки, я — Сибилла. Нас вчера не было на занятиях, но говорят, ты пригласила на танец самого принца.

— Расскажешь, когда об этом напишут в газетах, — я безразлично ковыряла в тарелке.

— Какой он... ну, принц... а?

— Избалованный, — бросила с ходу.

— Те пять девушек искренне тебя презирают, — выдала Сибилла, кивая куда-то в сторону, — одна из них Розетта, первая в списке. Говорят, она и станет супругой Эдмунда.

— Ну, ну...

— Она красивая, и ее отец отвалил целое состояние, чтобы она потеснила вот ту брюнетку, Брианну. Они вроде как подруги, но за спиной такого говорят друг о друге...

— Рада за них...

— Сейчас они кусают локти, потому что тридцать вторая заполучила первый танец с принцем.

Я вскинула голову, поочередно оглядывая девушек — одинаково рыжих с веснушками и бесцветными бровями.

— Черт побери, вы что близняшки? — изумилась я, смутно припоминая, что говорила мне одна из них. — Ах, да... точно. Значит, тридцать четвертая и тридцать пятая. Ага...

Я принялась за еду, а девушки изумленно на меня глядели, начиная понимать, что меня совершенно не интересуют гонка за королевскую корону.

— Поддай-ка сливки э..., Камилла.

— Я — Сибилла, у меня синяя лента в волосах, у Камиллы — всегда белая.

— Вы что хотите, чтобы я запомнила еще и это? — размешивая крепкий чай, цинично вымолвила я. — И чтобы сразу развеять недопонимание между нами: круг моих интересов несколько шире, чем примитивная жажда надеть себе на голову корону.

— Сибилла, вообще, настоящая мужланка, — сообщила мне Камилла, за что получила от сестры тычок под ребра. — И мы не такие дуры, чтобы рассчитывать на главный приз. Мы надеемся на нужные знакомства. Сибилла увлекается науками, но ей ни за что не поступить

в университет, так как девушек туда не принимают. А у нее уже есть много полезных изобретений.

— Да ладно? — рассмеялась я, но натолкнувшись на раздосадованный взгляд Сибиллы, поправилась: — В смысле, это очень здорово. Верю, что у тебя все получится.

— А я, — продолжила Камилла, — найду здесь своего рыцаря. Ну того, кто окажется мне по вкусу.

— Брак по любви среди аристократов — утопия, — невесело усмехнулась я. — Тем не менее, удачи.

— А ты чего бы хотела?

Поесть, наконец, по-человечески.

— Для начала, пережить сегодняшний день. В перспективе, вернуться домой. Тоже неплохо, правда?

— На твоём месте я бы всерьёз подумала о борьбе за трон, — сказала Сибилла, пряча улыбку за краем чашки.

Я пожала плечами.

— Хотя здесь до сердечных дел принца многим есть дело, — проговорила она, указывая на девушек за соседним столиком, — и это не только претендентки. Принц и глазом не успеет моргнуть, как его женят на той, которая придется ко двору. И к дьяволу все манеры и подготовку.

— А вы мне определенно нравитесь, — улыбнулась я, салютуя чашкой чая.

— Но есть одно немаловажное обстоятельство, — понизив голос, произнесла Камилла, и ее сестра согласно прикрыла веки: — Цепной пес, советник Берингер.

— Дьявол во плоти, — подсказала Сибилла.

— Бесчувственный кусок чертового айсберга.

— ...Жестокий палач...

— ...Хладнокровный змей...

Мой смешок оборвал хоровод этих, безусловно подходящих, эпитетов.

— Король пригласил его перед состязательным сезоном, и Берингер соизволил оставить командование восточным направлением у границ Мейхета и прибыл во дворец весь из себя... — сообщила Сибилла.

В Мейхете сейчас было беспокойно, это понимали все, даже далекие от политики леди.

— Король безмерно доверяет ему, — подхватила другая сестра, и мне пришлось повернуться к ней, — доверяет больше, чем собственному сыну. За плечами этого демона вся армия, при дворе с ним приходится считаться.

— ... и он не позволит никому давить на Эдмунда, — заговорила снова Сибилла, — он даже никого к нему не подпускает.

— С Берингером не просто совладать, — вклинилась Камилла, — он презирает женщин. С тех пор, как застал свою благоверную с любовником в их родовом гнездышке.

— Шутишь? — ложка едва не выпала из моей руки.

— Не-а, — покачала головой Камилла и хитро прищурилась, — у него были все права остаться вдовцом, но он отправил ее в монастырь.

— Говорят, — протянула Сибилла, опустив подбородок в ладошки, — он ее безумно любил.

После этих признаний я стала бояться Райта еще больше, и пусть мне на полонезе достанется хоть сам черт, только бы не лорд Берингер.

Подготовка к балу — это настоящая мука. Элина сотворила чудо, соорудив прическу из моих непослушных темно-каштановых волос и снабдив ее должным количеством перьев, нитей жемчуга и искусственных бабочек, но я чувствовала, что упаду в обморок, стоит увидеть Райта.

Мой наряд был продуман до последней мелочи. Впервые я надела традиционное для претенденток платье из шелковой парчи бордового цвета с золотыми нитями по лифу, с декольте в форме каре, украшенным кружевами, которое сшили еще в Хоупсе. Под платьем была шемиза из хлопка, нижняя юбка, панье овальной формы, корсет, чулки на подвязках. И, само собой, во всем этом было ужасно жарко.

— Не крутись, Джина. Оно того стоит. Ты выглядишь, как королева.

— Надеюсь, прическа не сползет мне на лоб, когда я буду делать эти бесчисленные реверансы, — прошипела я раздраженно.

— Грациозно придержишь ее рукой.

Черт бы побрал эти многовековые традиции. Я чувствовала себя глупо, но утешало одно: в костюмах будут все, включая самого короля.

На первом балу с претенденткой должна быть компаньонка и, судя по всему, Элине происходящее доставляло удовольствие.

В день бала дворец преобразился. Здесь не увидеть четких линий и форм, присущих пристанищу суровых королей, все обрело мягкие вальяжные очертания. Даже стража в доспехах — мрачная и ошетилившаяся — казалась романтической атрибутикой.

Распахнув от изумления рты, мы с Элиной шествовали по коридору в сопровождении личного церемониймейстера, штата лакеев и герольда. По ковровым дорожкам носились шуты в золотистых масках, лилась и лилась музыка...

— Святые небеса... — прошептала компаньонка, когда мы подошли к огромным дверям.

Перед нами толпились ряды таких же претенденток со свитой. Хранитель традиций, сверяя списки, объявлял очередное имя, и гигантские двери распахивались, оглушая гомоном голосов, смехом, звуками менестрелей. За входом в бескрайний бальный зал, украшенный живыми цветами, источающими сладковатый мятный дурман, таился настоящий дворцовый мир, который мне едва довелось узнать.

Двери в очередной раз открылись, и меня ослепил свет. Легкие наполнились пряным воздухом, сердце заклокотало, в ушах послышался звон. С балкона открывался прекрасный вид на сосредоточение драгоценностей, хрусталя, золота и королевской парчи по несколько золотых лир за дюйм. Внизу у подножия лестницы уже толпились люди — именитые гости с родословными длиною в несколько миль и ветвистыми фамильными древами. И эти надменные, напыщенные и лощенные дамы и господа обратили на меня внимание, когда я на негнущихся ногах подошла к центру площадки, от которой в залу вела широкая белоснежная лестница.

— Леди Джина Эль-Берссо! — объявил церемониймейстер, и раздались фанфары.

Сердце ускорило ритм. Мой герольд с флагом дома эль-Берссо принялся живенько спускаться по ступеням. Все остальные шли позади, придавая моей дрожащей персоне хоть какой-то солидности.

— Помни правила, — зашипела мне в спину Элина.

«Выражение лица должно быть веселым и любезным». Я тотчас оскалилась, шаг за шагом преодолевая ступени и чувствуя раскачивание прически.

Слишком много людей... как много. Столько я не видела даже на главной площади в Хоупсе во время деревенских гуляний.

«Дама в обществе должна порхать с легкостью бабочки».

Дыхание участилось, я старалась не сбиться с шагу. Распорядитель делал мне какие-то знаки. Нужно было пройти через весь зал к тронным ложам, чтобы приветствовать монарха и наследного принца.

Вокруг слишком много оценивающих глаз. Веера порхали с быстротой крыльев бабочки, кавалеры улыбались, слуги мерно передвигались среди всего этого безобразия.

«Настоящая леди всегда выглядит безупречно». Даже если ей чертовски неловко, а щеки горят от смущения.

Элина двигалась за мной, гордо неся на бархатной подушке герб нашего дома. Сегодня это ее почетная миссия.

«Перед взором монарха нужно остановиться, почтительно склонив голову».

Ах, вот он король! Стою и люблюсь. Мужчина преклонных лет, седовласый и мужественный, находящийся здесь, невзирая на тяжелую болезнь, сумевший обуздать боль. В нем столько силы и могущества, которые не нашли отражения в Эдмунде, что я с удивлением перевожу взгляд на принца, который с удвоенным любопытством смотрит на меня. И тут что-то кольнуло в груди: у трона Эдмунда стоит лорд Берингер в превосходном парадном камзоле глубокого темно-бордового цвета. Сердце резко рвется. А ведь Райт далеко не смазливый юнец. Нет, он мужчина — суровый, рассудительный, практичный. В его голове всегда усиленная работа — кажется, он обдумывает каждое свое движение.

— Джина, — хнычет за спиной компаньонка, — реверанс! Сделай этот дурацкий реверанс...

И поклониться? Ему?! Он ведь смотрит... так, будто предвкушает это.

Распорядитель бала хватается за голову, дергает за рукав лакея, топчет ногой.

— Джина, сделай реверанс! — уже приказывает Элина, шипя в самое ухо.

Взгляд Райта приковывает меня к полу, требуя: «Поклонись! Преклони колени, женщина!»

«Дама должна угождать кавалеру, быть скромной и почтительной».

Не в этот раз. Я просто не могу.

Король делает нетерпеливое движение рукой, подзывая советника к себе.

В зале, кажется, заминка. Музыканты неприлично тянут каждую ноту, чтобы вереница из претенденток не врезалась мне в спину.

— Ре-ве-ранс! — дергает меня за юбку Элина.

Райт наклоняется и что-то шепчет королю, однако, смотрит на меня. Смотрит этими чудовищными глазами, которым я не желаю подчиниться.

И в следующую секунду музыка обрывается, и в зале повисает тишина — король поднялся. Шуршание юбок и щелканье каблуков подтвердило мои опасения — абсолютно все преклонили колени. И тут-то до меня дошло... С нелепой поспешностью я приседаю в нижайшем поклоне, а откуда-то сверху раздается смех, а затем и невообразимо усталый голос:

— Как твое имя, дитя? — и в мужском голосе, таком сильном и могущественном,

проскальзывает нежность.

— Джина... из рода Эль-Берссо...

Король подошел настолько близко, что я увидела мысы его сапог.

— Вот как? — его рука повелевает мне подняться. — Что ж, Джина из рода Эль-Берссо, неужели лорд Берингер так напугал вас?

— Что?... Я... Ваше величество...

— Ну, ну... вы глядели на него так, будто вам явился ангел.

Или сам черт.

— Кому выпало счастье танцевать с вами первый танец? — все так же протяжно спрашивает монарх.

Элина за моей спиной тихо стонет, кусая ногти.

Я перевела взгляд на Райта, на этого напыщенного индюка, который одарил меня хищной улыбкой.

Король проследил за этим немым обменом любезностями.

— Лорд Берингер позволит мне похитить у него столь юное и великолепное создание?

— Ваше величество, — поклонился Райт, а подумал, наверно: «Рад угодить».

Король предложил мне свою руку и любезно повел в зал, закончив, таким образом, приветствие претенденток, оставив тех, кто «не успел» метаться в недоумении.

— Сейчас из меня не лучший танцор, — тихо шепнул мне король, видя, что меня колотит дрожь.

Музыка грянула.

В этот момент вокруг нас царила настоящая суматоха. Распорядитель судорожно расставлял пары по залу. Но это ничуть не заботило монарха.

— Как поживает ваш отец, леди Джина? — спросил мой кавалер.

— Прекрасно.

— Вы очень похожи на мать.

— Благодарю.

Шаг, еще шаг, поворот.

— В вас, безусловно, есть отличительная черта всех Редельтонов, леди — гордость и непреклонность.

Редельтон — девичья фамилия моей матери.

— Вы так хорошо знали леди Эль-Берссо?

— Вашу матушку? Безусловно. Много лет назад она приезжала сюда. Еще до вашего рождения, — король вдруг поморщился и сбился, — жаль, ее уже нет в живых. Ну вот, старые раны не дают мне покоя.

Два шага. Поворот корпуса. Смена партнеров.

Я оказалась в чужих объятиях, ощутила парфюм, чарующий, пряный, изысканный, а затем подняла голову.

— Лорд? — прошептала одними лишь губами.

Райт танцует! Это было бы забавным, если бы он соизволил делать это с кем-нибудь другим. И этот грубиян был весьма предсказуем — его объятия напоминали железные тиски. И он не имел никакого понятия о манерах — притянул меня близко, почти к самой груди.

— Снимаю перед вами шляпу, Джина, — его хриплый, тихий шепот заставил меня дышать чаще, — это представление было на редкость занимательным.

Наши руки соприкасались, и перчатки не помогли мне избежать тепла его пальцев.

— И кто это придумал? Вы? Или ломали над этим голову всем Хоупсом?

Близко, опасно близко... Я чувствую его дыхание на своей коже.

— Это была импровизация, если вас так интересует.

Мои слова, полные негодования, вынудили его сощурить темные глаза. Конечно, такому взрослому и властному человеку вряд ли понравятся хамоватые деревенские простушки.

— Эта импровизация помогла вам продвинуться в списке, — добавил советник язвительно, — готовы на все, чтобы получить корону?

— Это не ваше дело...

Поворот, два шага, поворот... Смена партнеров.

Я снова напротив его величества, выделяю сложные «па». Безумно жарко, локоны прилипают к шее. Я спиной чувствую взгляд Райта, и это заставляет меня танцевать усерднее и дарить королю улыбки. Я обхожу вокруг него, почти сталкиваясь на траектории этого круга с Берингером. Мы обмениваемся ядовитыми ухмылками.

«Настоящая леди не должна выказывать своего недовольствия партнером».

Мы с Берингером снова оказываемся напротив. Это обжигает. Смотрим друг другу в глаза, отчего мое сердце убийственно колотится. Его ладонь совершенно естественно опускается на мою талию. В этом жесте не было пошлости или намека на симпатию. С таким же успехом, Райт мог обхватить рукоять своего меча. Но мне захотелось освободиться.

Мы разошлись. Его ладонь скользнула по моей спине, разрывая прикосновение.

Король и Райт — в них гораздо больше схожих черт, чем между монархом и Эдмундом, который не пожелал танцевать, а стоял, облокотившись локтем на спинку собственного трона. На его губах застыла усмешка.

— Благодарю за танец, — произнес король, делая поклон.

Полонез не закончился, но монарх пожелал удалиться. Музыка стихла, и присутствующие проводили своего побледневшего и морщившегося от боли повелителя поклонами на разнообразный лад. А я так и осталась в центре зала, превращаясь в букашку под столь многогранной гаммой взглядов, что захотелось исчезнуть.

— На что еще способна Джина эль-Берссо, чтобы заполучить корону?

Я нервно сглотнула, понимая, что Берингер стоит у меня за спиной.

«Дама должна уметь поддержать любой разговор».

Я придала лицу невозмутимость и повернулась.

— Ах, вы об этом? Ну... у меня в арсенале еще много чего, не сомневайтесь.

Он и не сомневался.

Музыка заиграла вновь, но мы оба не сдвинулись с места. Расходиться вот так, не расставив все точки над «и» не позволяла гордость, а танцевать очередной танец с ним, значит прилюдно выразить ему благосклонность.

— Боюсь, вы можете вызвать у принца интерес иного рода, — произнес мужчина.

— Признайтесь, Берингер, — довольно фамильярно проговорила я, поддавшись какому-то странному сумасшествию, — вас страшит мысль, что принц освободится от вашей навязчивой опеки.

— А вы решили ему в этом помочь? — кажется, наш милый разговор перестал нравиться Райту.

— А почему бы и нет?

— Готовы продать ради короны?

— Очень выгодные условия, считаю, — выпалила я из вредности, — ваша жизнь стоит

куда дешевле.

Это была та самая точка над «и», которую ждали мы оба.

Советник усмехнулся, и, забыв о поклоне и иных элементарных проявлениях вежливости, покинул зал. А меня терзало лишь одно желание — воды, дайте пить... умираю...

Элина подросла вовремя, усадив меня на софу возле огромного цветка в горшке, где я с удовольствием замаскировалась бы под занавеску, но меня окружили тридцать четвертая и тридцать пятая, как же там... Камилла и Сибилла. У обеих прически выше моей на десять дюймов, ей богу. У обеих довольные до неприличия лица. Я возвела глаза к потолку, подумав: «Когда же все это закончится?»

* * *

Увы, это было только начало. Скоро я убедилась, насколько губительно оно для моей репутации.

Произошедшее на первом балу приковало ко мне внимание не только придворной знати и пышущих ядом претенденток, но и молодого принца. Не знаю, чем руководствовался сиятельный господин, когда посылал ко мне лакея с письмом следующего содержания: «Желаю видеть вас в своих покоях, леди Джина, сегодня в полночь».

Элина посчитала это хорошим знаком и заметалась по комнате, вываливая на постель мои кружевные сорочки и выбирая в какой из них я пойду на свидание к Эдмунду. Пока она сомневалась между персиковой и нежно-молочной, я села в кресло и обхватила руками голову.

— Элина, ты же понимаешь, зачем он меня позвал, — произнесла я сквозь стиснутые зубы. — И этому не дано случиться ни сегодня, ни в другой день, никогда. Понятно?

Нет, ей было не понятно. Не поведя бровью, компаньонка отбросила одну сорочку, придирчиво оглядывая другую и кивая собственным мыслям.

— Ты меня слышишь, Элина? Я сказала, что ноги моей не будет в его спальне и эту, — я махнула на сорочку, — вещицу я не надену под страхом смерти.

— Не будь такой занудой, Джина, — отозвалась подруга, — ты без пяти минут королева, а переживаешь из-за ерунды.

Я нервно рассмеялась, приводя ее в недоумение.

— Королева? Думаешь, меня в его спальне ждет священник с кольцами?

— Я не маленькая, — спокойно отреагировала подруга, — и уже давно в курсе, что происходит в супружеской постели. Но разве это не первый шаг к долгим и крепким отношениям?

— Звучит оптимистично, но ты заблуждаешься, — невесело хмыкнула я, вынимая из прически бабочек и бросая их в кресло, — кроме того, я его почти не знаю, и от одной мысли, что... что... в общем, меня передергивает.

— Уверена, все не так страшно. Представь, что он твой муж.

Ее заявление вырвало из моего горла хриплый смешок. Я откинулась на спинку кресла, вообразив на мгновение, что Эдмунд склоняется надо мной, сложив губы для поцелуя...

— Нет, не могу, — резко села, — это слишком. Принц, конечно, красив, но...

— Ты с детства знала, что твой брак не будет по любви, — перебила меня Элина, — не

хочешь же ты остаться в Хоупсе до конца жизни?

— Очень даже хочу, — отозвалась я, вздыхая.

— Твой брак должен оправдать ожидания лорда эль-Берссо, поэтому...

Еще один тяжелый вздох из моего кресла.

— ... поэтому надевай сорочку!

— Ни за что.

— Если ты этого не сделаешь, навлечешь гнев его высочества.

Интересно, как часто принцу отказывают? И находятся ли сумасшедшие, которые отклоняют приглашения подобного рода?

— Ты прекрасно знаешь, по какой причине мы приехали, — напомнила Элина. — Твой отец нуждается в помощи. Люди в Хоупсе не переживут следующую зиму.

— Сегодня ночью Эдмунд будет меньше всего думать о проблемах моего отца. Что бы просить его о чем-то, нужна более твердая почва под ногами.

— Но если ты ему откажешь... Джина, я боюсь думать о том, что будет с нашим домом. Каждую зиму там умирают люди... много-много людей...

Я взглянула на сорочку, затем на Элину, которая состряпала просяще-требовательное выражение лица.

— У меня есть идея, — поднявшись, я подошла к зеркалу, — но, видит Бог, я делаю это ради Хоупса.

Пожалуй, я не знала, что хуже: оказаться в постели принца или перед дверью лорда Берингера. Если первого я страшилась, то от второго приходила в дикий ужас. Преодолев колоссальное расстояние от одного крыла в другое и наткнувшись несколько раз на представителей дворцовой знати, я была повержена мыслью, что сейчас все свершится. А именно — тот момент, когда я буду умолять бесчувственного и расчетливого Райта о помощи. Лакей, который проводил меня до покоев советника, понятливо удалился. Думаю, на утро высший свет Хегейского королевства будет трепаться о моем грехопадении.

Первым делом я встретилась с немолодым камердинером лорда, который увидев меня, уточнил дважды, что мне нужен именно Райт. Признаться, я надеялась, что апартаменты, отведенные начальнику тайной канцелярии, не будут настолько скупы в убранстве. Ничего помпезного или утонченного, напротив добротная мебель из красного дерева в традиционных темно-зеленых тонах. Позолоты совсем немного — лишь отделка стола, массивного и прочного. Свет от лампы, которую оставил камердинер, мерцал на складках ламбрекенов, освещая лишь малую часть пространства, но и этого мне хватило, чтобы понять, насколько хладнокровен был лорд Берингер. Хладнокровен и рассудителен в любой мелочи. Его вкус, его желания, его характер можно было проследить в каждой детали.

— Удивлен, — короткая реплика хриплого голоса, в котором масса оттенков.

Оказаться с Райтом в одной комнате было хуже, чем в клетке с тигром. Но все же я решилась.

— Добрый вечер... то есть ночи... я хотела... мне...

Черт, черт, черт! Воздух закончился в легких прежде, чем я смогла сказать, зачем, собственно, явилась.

Райт смотрел на меня так, будто я пришла признаться в убийстве. Наконец, он шелохнулся, прошагал к столу и привычно занял свое место.

— Слушаю, Джина.

Это каменное лицо, которое навело на меня ужас, было напрочь лишено эмоций. Он

действительно хотел узнать, что мне нужно, а я — жуткая трусиха — не могла сказать ни слова, пока он так смотрел.

— Вы ошиблись комнатой? — усмехнулся мужчина, заставив меня чувствовать себя ничтожеством.

— Вы должны... — я заикалась, не в силах ничего с этим сделать, — должны помочь мне с одной проблемой.

Райта эта новость не впечатлила.

— Решай свои проблемы сама, — произнес он ледяным тоном, — у тебя это прекрасно получается.

— Все очень серьезно, — я по-дурацки проковыляла к его столу, положив перед ним записку от принца. — Прочтите.

Берингер скривился, но все-таки раскрыл письмо, пробежался тяжелым хмурым взглядом по тексту послания, затем поднял взгляд на меня.

— И что ты хочешь? — довольно грубо спросил он. — Чтобы я проводил тебя до его покоев?

Я впала в ступор. И на что надеялась? Что человек без сердца и сострадания, спасет даму от бесчестия?

— Лорд Берингер, вы понимаете, что... я не могу ... вы же советник... вы...

По губам Райта скользнула неприятная усмешка.

— Ты пришла сюда за советом?

Черт бы его побрал! К нему я пойду за подобным советом в последнюю очередь!

— Я хочу, чтобы вы помогли мне... туда не пойти.

— Не пойти? — пожалуй, он удивился. — Почему?

— Потому что это не совсем то, чего я хочу... то есть совсем не то...

Райт устало взглянул на часы.

— Джина, если честно, я не очень хорошо разбираюсь в вопросах такого рода, — сказал он безучастно, — но, по-моему, это, как раз то, чего ты так добивалась. Разве нет?

— Нет.

— Ну что ж, мне жаль, — он поднялся, демонстрируя, что разговор окончен.

— Вы просто уйдете? — вскипела я. — А что со мной? Вы же понимаете, что мой отказ оскорбит принца.

— Да, и что? — Берингер взял со стола лампу, намекая, что мне стоит убираться ко всем чертям.

— И вы не поможете?

— Уверен, ты справишься.

— Но я не знаю как! — отчаяние придало мне плохо сдерживаемой злости.

Райт снова взглянул на часы, затем поставил лампу обратно и приказал мне:

— Сядь, — дождавшись, когда я покорно выполню это указание, он положил передо мной лист бумаги: — Пиши. «Ваше высочество...»

Я схватилась за перо, обмакнула в чернила и с готовностью склонилась над бумагой.

— Готово. Что дальше?

— «К сожалению, я не могу», — диктовал Райт, глядя, как старательно я вывожу буквы, — Джина, у тебя в Хоупсе была гувернантка? — усмехнулся он.

— Не ваше дело, — отчеканила я. — Что дальше?

— Пиши: «принять ваше благосклонное предложение...»

Райт стоял надо мной, внимательно разглядывая и вызывая целую волну мучительного стыда.

— Отлично, — произнес он, — теперь гораздо лучше.

— Я стараюсь, — выдавила сквозь зубы. — Что дальше?

— «потому что...»

— Потому что, — повторила я.

— «у меня дьявольски»

— ...дьявольски, — повторила, записывая.

— «болит голова».

— ... болит го... Что? — я задрала подбородок, чтобы увидеть лицо советника, лицо, святящееся торжеством. — Вы издеваетесь? Вы что? Вы?

— По-моему, хорошее оправдание. Не находишь? — эта ухмылка больно ранила мою гордость.

Я была барышней не робкого десятка, но Берингер... этот человек действовал на меня поразительным образом. Я была не в силах противостоять ему, как не смог бы противостоять жалкий человечешко разъяренной стихии.

— Вы еще пожалеете, — вымолвила я, вставая и разрывая бумагу.

Он не ответил. Улыбнулся, как наивному ребенку, с толикой злорадного превосходства.

— Обещаю, лорд Берингер! — зашипела я, понимая, что слишком ничтожна, чтобы хоть как-то навредить ему.

Райт забрал лампу и скрылся за дверью, давая понять, что думает так же.

И вот теперь мне ничего не оставалось, кроме как покориться воле принца. Но даже в этом случае я не собиралась сдаваться легко.

Меня удручала мысль, что этой злополучной ночью я была дважды замечена по пути в покои совершенно разных мужчин. Что ж, можно распрощаться с добрым именем эль-Берссо, оно пало жертвой ужасающих обстоятельств.

Почти пробило полночь. Знакомый лакей вел меня в покои принца, и с каждым шагом приближалась катастрофа. С собой я захватила вино, щедро сдобренное снотворным. Эликсир богов, после которого любвеобильный Эдмунд уснет сном праведника. А что? Я спасалась, как могла.

Меня удивило, что принц не прислал к положенному сроку своих людей, чтобы меня провели по секретным ходам, какими пользуются все монаршие особы. Все-таки забота о моей репутации не должна быть лишь моей головной болью. Правда, все вопросы, касающиеся этой самой репутации, я надеялась уладить бутылкой отличного вина. Если не подействует снотворное, то обязательно подействует сама бутылка, обрушенная на голову. Хотя вряд ли я когда-нибудь решусь ударить Эдмунда.

У входа в его апартаменты меня ожидала длительная заминка. О деликатности здесь слухом не слыхивали, поэтому в стане королевских гвардейцев возник целый переполох. Меня представили капитану, а затем и главному прево короля, начальнику стражи, которые тактично покашливали в кулак и пожимали плечами. В результате совещания было решено оставить меня перед дверью, дабы с проблемой разобрался обер-камергер, ведающий королевскими покоем. Тот, в свою очередь, отвел меня ко входу в спальню принца. Помня о слухах о жадности Эдмунда до девичьего тела, я изумлялась, как здесь не довели до автоматизма всю процедуру приглашения очередных пассий.

Когда дверь открылась, и на меня уставился принц, я едва устояла на ногах. Вид у него

был такой, будто он никак не рассчитывал меня здесь увидеть.

— Леди Джина? — довольно искренне удивился он, хлопая глазами.

Женский смех из глубин его спальни стал для меня настоящим сюрпризом.

— Ваше высочество, — вымолвила я, бледнея от постигшей меня догадки. — Я... я...

— Что-то случилось?

Выглядел он так, будто я застигла его на месте преступления. Хотя, говоря откровенно, стыдно было только мне.

— Ооо, — протянула растерянно, — ничего, просто... я...

— Да?

— Я...

— Говорите, в чем дело?

— Хожу во сне, — краска смущения залила лицо, — с детства, да, — под недоверчивым взглядом принца я будто уменьшалась в росте, — так что, со мной бывает всякое, ага. Так что, прошу извинить... не хотела помешать... я... в общем, пойду, — мой голос превратился в мышинный писк, и я почти бегом кинулась в коридор.

Эдмунд почесал затылок и захлопнул дверь.

Пожалуй, это было самое кратковременное свидание в моей жизни!

От услуг лакея, который хотел проводить меня обратно, я с достоинством отказалась. С достоинством, на которое смогла отважиться, после посещения покоев Эдмунда.

Идя по темным коридорам, я ненавидела даже не того, кто обладал незаурядным чувством юмора, подсовывая мне липовую записку, а собственную глупость. Подумать только, я поверила, что принц пригласил меня к себе на ночь, и хуже того, пошла к Берингеру просить о помощи.

— Джина эль-Берссо, — неприятный женский голос заставил отвлечься от размышлений.

У моих покоев дожидались две женщины и трое мужчин.

— Как прошла встреча с принцем? — язвительный голос принадлежал пышнотелой и эффектной Брианне, которая с наслаждением отметила сковавшую мои черты ярость.

Розетта, которая тоже оказала мне честь своим визитом, молча разглядывала меня, считая ниже своего достоинства вступать в разговор. Трое мужчин оказались слугами: два лакея и один телохранитель. Последний надолго приковал к себе внимание: высокий, стройный брюнет с длинными темными волосами, собранными в хвост. Одежда на нем была форменная — клан темных ветров. Смертоносные убийцы... Думаю, этому экземпляру чертовски сильно хотелось свернуть шею своей же капризной и напыщенной хозяйке.

— Доброй ночи, дамы, — произнесла я с плохо разыгранной любезностью, — что случилось?

А случилось вот что: две леди из обеспеченных семей древнего рода слишком сильно хотели получить корону.

— Мы пришли предупредить вас кое о чем, — произнесла Брианна, лукаво переглядываясь с подругой, — и надеемся на ваше понимание. Дело в том, леди Джина, что репутацию женщины можно испортить очень легко, а восстановить сложно.

— О, вот оно что, — повела я плечом, — учту. И кстати, я очень рада, что вы почтили меня своим присутствием. В качестве благодарности, — я протянула бутылку вина, — и надеюсь, что мы станем добрыми друзьями.

Розетта сделала характерный жест, и один из лакеев взял из моих рук презент.

— Мы рады, что вы настолько понятливы, — усмехнулась Брианна. — Доброй ночи.

Благоухая духами, они прошли мимо. Следом потянулись мужчины. Да уж, приятных и сладких снов, дамы... Я усмехнулась и постучала в дверь покоев, зная, что Элина еще не спит.

Месть была сладким, но, увы, последним блюдом на сегодня.

— Как ты быстро, — изумилась компаньонка, запираясь изнутри на засовы и поворачиваясь, — ты передумала?

— И да, и нет, — произнесла я, скидывая плащ, — сложно сказать. Короче, у Эдмунда возникли срочные дела, и мы отложили эту часть нашего знакомства на неопределенное время.

— Ты лжешь, Джина, — компаньонка скептически скрестила на груди руки.

— Клянусь, так все и было. А теперь давай спать. И кстати, мне на завтра нужно самое скромное платье из всех, что есть.

Пора бы затеять самую полномасштабную операцию по спасению подмоченной репутации из всех, что видел Хегейский свет.

Аарон медленно сел в кресло, беря бокал и делая круговые движения, наблюдая темно-вишневыми глазами за тем, как закручивается красная густая жидкость.

— Ты видел ее? — раздался по-обычному безучастный голос Берингера.

Глухой полутемный кабинет советника располагал к беседе.

— Да. Она хорошенькая... Ты не думал, что теперь ей может угрожать опасность?

Взгляд Райта переместился на Аарона, и в этом взгляде читалось предостережение.

— Я говорю не о Розетте, — усмехнулся телохранитель, делая глоток вина и с наслаждением выдыхая, — ее я могу контролировать сам. Дело в человеке, который охотиться на Эдмунда.

— С тем, кто охотиться на Эдмунда, я разберусь. С девчонкой ничего не случится, она под присмотром.

— Она с характером.

— Я знаю.

— И?

Берингер поднялся с кресла и подошел к окну, заложив за спину руки.

— И она часто сует нос не в свое дело. Я несколько раз ее проверил, ее комнату обыскивали дважды — ничего. Просто девчонка из Хоупса, тридцать вторая в дурацком списке Эдмунда. Но никто другой так не подходит на роль убийцы, как эта безумная из рода эль-Берссо.

— Поэтому ты устроил ей целое испытание?

— Однажды ей удалось пройти мимо стражи и услышать то, чего ей слышать не следовало. Пришлось наказать.

— Не слишком ли жестоко? Ты мог сказать ей, что письмо — это проделки претенденток.

— Хочу убедиться окончательно, что девчонка абсолютно невиновна.

— Шутишь? — краешек губ Аарона стремительно пополз вверх. — Ты убедился в этом и не раз. Просто она тебя зацепила, Райт.

Берингер обернулся, обжигая собеседника тяжелым взглядом.

— Я не выношу таких женщин, Аарон. И ты это прекрасно знаешь.

— Таких? — телохранитель поставил бокал и поддался вперед, не отрывая взора от лица Берингера. — Это каких «таких»? Может таких, как Стелла?

— Моя жена? Как мило, что ты о ней не забываешь, — произнес хрипло и угрожающе холодно. — И мне не даешь забыть.

— Не думаешь, что эта девчонка может быть другой?

— Нет, не думаю, — мрачно произнес Райт. — Сделай одолжение — смени тему.

Аарон поднялся, лениво почесывая подбородок.

— Только не заставляй меня приглядывать еще и за ней. Наш уговор распространялся лишь на одну капризную женщину. Впрочем, Розетта стоит сотни таких, как твоя простушка из Хоупса. И пока я вынужден терпеть ее и изображать из себя покорного раба и готового на все телохранителя, прошу: уладь все свои недопонимания с леди эль-Берссо, иначе ваша обоюдная ненависть может дорого обойтись нам обоим.

— Я никогда не смешиваю личное и работу, — проговорил Берингер, снова

отворачиваясь к окну, — и не думаю, что теперь Джина подойдет ко мне ближе, чем на милю. Она считает меня мерзавцем, и меня это вполне устраивает. Во всяком случае, это не твоя головная боль, Аарон. Все, что мне от тебя нужно — информация.

— Буду надеяться, что скоро наше сотрудничество подойдет к концу. Ты же выполнишь свою часть сделки? Отпустишь меня?

Берингер усмехнулся.

— Но кое-что тебе придется для меня сделать, — заявил он с уверенностью, которая заставила наемника из клана темных ветров понервничать. — А после можешь катиться хоть к самому дьяволу.

— Всегда ценил твою прямолинейность, — язвительно отозвался телохранитель, направляясь к двери.

После того, как за Аароном захлопнулась дверь, Берингер долго не отходил от окна, глядя на зачинающееся в сердцевине горизонта утро. Наемник был прав в том, что касалось своевольной девчонки из Хоупса. Негоже взрослому мужчине, который был в браке, тягаться с юной леди только по той причине, что она его чертовски раздражает. Слишком много в ней черт, схожих с чертами Стеллы. Слишком много того, что он презирал в женщинах. И слишком много притягательности и природного женского очарования!

Но эта очаровательная молодая женщина все-таки пошла к Эдмунду. И захватила бутылку вина, чтобы разрядить обстановку и весело провести время. Недолго она горевала о своем возможном бесчестии, когда на горизонте замаячил шанс надеть на голову корону.

В дверь покоев постучали и, не дожидаясь реакции хозяина, в комнату влетел Аарон.

— Пришлось вернуться, — кратко бросил он на вопросительный взгляд Берингера, — вот смотри, — и поставил на стол бутылку.

— Не с кем выпить?

— В вино подмешано снотворное. Доза такая, что хватило бы усыпить половину Хегея.

— Хочешь сказать, что это то самое вино, которое взяла с собой Джина в покои Эдмунда? — тихо рассмеялся советник, приходя к мысли, что ситуация все-таки вышла из-под контроля.

И как эта семнадцатилетняя девчонка с такой легкостью обставляет человека, для которого охрана наследника — цель всей гребаной жизни?

— Тебе это кажется смешным, Райт? — наемник недоуменно выгнул бровь.

Недолго думая, Берингер схватил бутылку и, пройдя мимо Аарона к выходу, бросил через плечо:

— Возвращайся к себе.

Мысль, заставившая его — рассудительного человека — броситься в покои девушки, была сама по себе преступлением. Хотел он увидеть ее? Да. Увидеть страх в ее глазах? Да. И это то самое обстоятельство, которое вопреки всему влекло его к этой девчонке. Он хотел видеть ее слабой, беззащитной, трясущейся от страха и нуждающейся в опеке. Хотя, с другой стороны, он не хотел видеть ее вообще. И желание, обуявшее его, было настолько противоречивым, что дойдя до двери ее покоев, до жалкой преграды, разделявшей их, он остановился.

— Джина, полдень, — проговорила Элина, садясь в постели и запуская руку в золотистую копну волос.

Если было бы можно проспать целый месяц, а затем попросту вернуться в Хоупс, я бы так и поступила. Но нет, мои неприятности только начинались. Едва мы с Элиной поднялись и привели себя в порядок, к нам заявился лакей с очередной запиской.

— Если это опять от принца, — скептически заявила я, толкая локтем компаньонку, читающую послание, — можешь смело отправлять его к черту.

— Это не от Эдмунда, — сказала Элина, недовольно нахмурившись, — это официальное приглашение от лорда Берингера.

— Да ладно? — хохотнула я, надеясь, что подруга шутит. Отнюдь, она была предельно серьезна. — Ты же не хочешь испортить мне настроение? — надула я губы. — Что еще нужно этому человеку?

— Чтобы ты явилась в его кабинет через час, — отдала мне записку Элина.

— Тебе не кажется, что он уделяет мне слишком много внимания? — произнесла я, чувствуя, что если еще хоть раз увижу Райта, то стану заикой.

— Это вполне объяснимо.

Да неужели? Объяснимо? Вот только я не могу взять в толк, отчего Беренгер меня возненавидел? Разве цепляется он к другим претенденткам и приглашает их на приватные встречи?

— Ты можешь отклонить приглашение, — подсказала Элина.

Отклонить приглашение мужчины, с которым танцевала на балу или начальника тайной канцелярии и первого советника наследного принца? Это все-таки разные вещи. Хотя в записке нигде не указано, что меня вызывают на допрос.

— Неси бумагу, я напишу ответ.

Лакею, принесшему послание, пришлось дожидаться ответного письма, в котором я написала: «Уважаемый лорд Берингер, я не могу принять ваше благосклонное предложение, потому что у меня дьявольски болит голова». Изъясняясь словами самого Райта, это было хорошее оправдание.

— А теперь пора позавтракать, — сказала я слегка обескураженной Элине, которая долго уговаривала меня отказать Берингеру как-нибудь по-другому.

И хотя я понимала, что он придет в ярость, и даже очень удивиться моему маленькому бунту, не могла отказать себе в удовольствии одержать над ним крошечную победу.

Посему это трагичное утро спасало лишь одно: я проспала урок мадам Жизель, которая муштровала других девочек, но от конной прогулки, которая была запланирована на послеобеденное время, мне увильнуть не удалось. Все дело в том, что программа сезона была составлена лет тысячу назад, и ей неукоснительно следовали. Применяли не только дамские седла, замысловатые многослойные юбки и турнюры, но и парики, шляпы-треуголки с пышными перьями, хлысты, ботинки с массивными шпорами. И представьте даму, надевшую все это, взгромоздившуюся на несчастного коня и скачущую по долине? В Хоупсе я тренировалась несколько месяцев хотя бы не падать из седла вслед за своей шляпой, которую было просто невозможно удержать на голове.

Элине повезло больше: она могла не вешать на себя клише прошлых веков, но герб дома ей держать пришлось.

Выбор коней особый ритуал. В сезон самых покладистых специально привозили с юга, воспитывали, обучали, давали свыкнуться с хозяйкой. И те леди, у кого водились деньги,

могли не бояться оказаться в грязи, едва вдев ногу в стремя. Другие, включая меня, рассчитывали на счастливый случай.

Коня даме подводил вышколенный грум в традиционной форме. И этот конь был великолепен — высок, мускулист, горяч. Но, как правило, некоторые леди платили груму за то, чтобы увидеть соперниц вверх тормашками в каком-нибудь муравейнике. Поэтому иной раз лошадь могла быть с норовом.

На конной прогулке присутствовал принц — как же без него? — который мог выбрать спутницу. Выбранная им леди получала негласный титул избранницы. Нередко именно та дама, которую будущий монарх приглашал на прогулке, получала в качестве бонуса самого принца и корону. И в этот раз Эдмунд не был предсказуем — его избранницей стала Брианна, вторая в списке, покуда красавица-Розетта исходила желчью.

Огромный парк с оврагами, мостами был полон гвардейцев, внимающих каждому движению Эдмунда. Его советники, пэры, герцоги и графы разных мастей, одетые в лучшие одежды и сверкающие амулетами, брошами, цепями и кольцами, весло переговаривались, пока дамы водружались в седла в безумно тяжелых многочисленных юбках.

— Джина, грациознее, — улыбаясь, процедила компаньонка, поднимая герб дома эль-Берссо.

Обливаясь потом под колючим белоснежным париком, я балансировала в стремени, сиюсь усадить огромных размеров турнюр в злополучное седло. И, видит бог, я бы справилась с этой задачей, если бы не Розетта, оседлавшая прекрасного вороного коня. Ее хлыст застрекотал в воздухе, мой Гратион дернулся вперед и забил копытом. Грум успел подхватить меня под руки.

— Вы не ушиблись? — телохранитель Розетты, наемник, смотрел на меня сверху вниз, как на букашку.

Виновница же этого падения лишь фыркнула и, сделав знак телохранителю, пустилась вскачь. Не дождавись моего ответа, мужчина покорно последовал за ней.

— Интересно сколько она платит этому человеку, чтобы он выполнял любую ее прихоть? — поморщилась Элина.

Это интересовало меня не так сильно, как отсутствие самого чудовищного и бессердечного человека на свете — Райта Берингера. Хотя этому отсутствию стоит порадоваться.

— Джина, ты должна лучше узнать окружение Эдмунда, — будто прочитав мои мысли, произнесла компаньонка. — Садись, наконец, в седло!

Конная прогулка была неплохим шансом завести нужные знакомства, но мой Гратион этому противился, пугливо поджимая губу и дергаясь, когда к нему приближались другие лошади.

Некоторое время я безуспешно догоняла свиту принца, который занял лидирующую позицию в этих скачках и двигался к парковому мосту. Я изрядно оторвалась от Элины, чувствуя, что шляпа и парик сползают мне на спину. Свет летнего солнца мелькал через листву, ослепляя. И неожиданно мне навстречу выскочили два всадника. Гратион напугано заржал, вставая на дыбы и сбрасывая меня в кусты репейника.

— Леди эль-Берссо? — осведомился один из всадников, наблюдая, как я бултыхаюсь в шелке собственной юбки. — Послание от лорда Беренгира. Он желает видеть вас незамедлительно.

Покуда один из мужчин поднимал меня на ноги, а я портила парик, выдирая колючки,

другой рассказывал мне о том, что приглашения подобного рода отклонять не стоит. Да я и не хотела. Сейчас было как раз то самое время, когда я была наилучшим образом подготовлена к встрече — разорванный подол платья, испачканные перчатки, шляпа съехавшая на затылок, растрепанный парик.

Дворец опустел. Я шла по коридору, слыша тревожное эхо до самого кабинета Райта. Передо мной распахнулись двери, и, не замедляя шаг, я влетела внутрь, прошагала к столу, за которым в задумчивой позе сидел Берингер, облокотилась ладонями на столешницу и выпалила, сдувая со лба прядь волос:

— Какого черта вам от меня нужно?

Он с ленивой медлительностью поднял голову, его зрачки опасно сузились. Мой внешний вид его ошеломил, а больше то, что я не заикалась, не краснела, а упрямо глядела в его темные глаза.

— Присядьте, — приказал он.

Этот тон — хладнокровный, сдержанный, вдумчивый — отрезвил меня. С меня разом слетела спесь.

— Говорите, что вам нужно, — произнесла, растеряв браваду.

— Хотел принести вам свои извинения, — вдруг заявил он, — все-таки мы с вами не с того начали.

Теперь я ощутила себя настоящей идиоткой и неловко поправила парик.

— Вы серьезно?

— Абсолютно, — отозвался он, поднимаясь.

Я стала ерзать на стуле, когда он вдруг прошагал по комнате и остановился где-то за моей спиной.

— Джина, ты любишь вино?

— Ч...что?

— Надеюсь, что любишь.

— Милорд... я...

Он вдруг появился передо мной, медленно поставил на стол бутылку вина и два бокала. Видя, что именно он припас в качестве извинения, меня передернуло.

— Спасибо, конечно, но я... опаздываю, — нашлась я и затараторила: — Мне срочно нужно вернуться. Моя компаньонка ужасно волнуется, я ее знаю... Да еще этот конь безумный... — я стремительно поднялась, но услышала.

— Сядь на место!

Как гром среди ясного неба.

Райт разлил вино по бокалам, протянул один мне, а сам сел на краешек стола, задумчиво касаясь пальцами своего бокала и извлекая из хрусталя жалобные протяжные стоны.

Он был вправе держать меня рядом с собой хоть до рассвета, я бы и слова не посмела сказать против. С такими мужчинами — суровыми, опасными, властными — нельзя играть.

— Ты быстро учишься, Джина, — вдруг произнес он и взглянул на меня. Взглянул так, что душа провалилась в пятки. — Значит, голова болит?

— Действительно болела все утро, — ляпнула я в оправдание.

— Издеваешься?

— Никак нет.

Его губы изогнулись в усмешку. Клянусь честью, ему нравилось видеть меня

перепуганной до смерти. Чертов мерзавец.

— Почему не пьешь? Вино отменное. Попробуй, — это свое «попробуй» он произнес вкрадчиво и тихо, выразительно взглянув на мои губы.

— Я не сомневаюсь, что оно великолепно. Просто... у меня... я не могу пить в одиночестве.

— Неужели? — все так же тихо и спокойно.

Его пальцы, на которых красовались полоски белых шрамов, ласково провели по бокалу. Я шумно сглотнула.

— Я выпью с тобой, Джина. В честь нашего примирения.

— Замечательно, да, — произнесла я, видя, как Райт подносит бокал к своим бесстыжим, суровым губам, — только нужен тост, — останавливаю его, — что-нибудь оригинальное.

Кажется, Берингер с трудом удерживается от смеха, однако рука с бокалом опускается.

— Хорошо, девочка, будет тебе тост, — проговорил он так, что у меня кровь застыла в жилах.

— Милорд, а у вас нет другого вина?

— Другого? — переспросил он, вдруг оказываясь ближе. — А чем тебе не нравится это?

— Оно, кажется, прокисло.

Он вдруг присел передо мной на корточки, и наши лица оказались напротив. Более страшного, панически жуткого и долгого момента, никогда не было в моей жизни.

— Пей! — приказал Райт, указывая на мою трясущуюся руку, сжимающую бокал.

И — чтобы было понятно — альтернативы у меня не было.

— Милорд...

— Пей, Джина. Не испытывай мое терпение.

— Вы же знаете, что это за вино, — разом лишившись голоса, проговорила я.

— Каберне Совиньон, урожая девятьсот тридцать пятого года, конечно, — усмехнулся он. — Пей.

— Лорд Берингер, вы не можете заставлять меня пить это, — сипло пролепетала я, уловив изменение выражения пугающих темных глаз.

— И почему?

— В вине снотворное, и вы об этом прекрасно знаете.

Он долго смотрел на меня, пристально, изучающе, обжигаяще. Мое лицо пылало. Я нервно покусывала нижнюю губу, пока он вдруг не схватил бокал поверх моей руки обеими ладонями. Я ощутила тепло его прикосновения, такого же опаляющего, как и его взор.

— Милорд, — лишь тихо всхлипнула, наблюдая, как он подносит бокал ко рту и пьет.

Получается, что моя рука еще зажата в его ладонях. И все, что происходит безумно волнительно и откровенно пугающе.

— Нет, — усмехнулся Райт, — не прокисло.

Я готова потерять сознание от всего: его близости, ужаса, момента чертовой истины.

— Не хочешь рассказать правду? А, Джина? — его нахальная рука сдернула с меня парик и шляпку. Бессчетное количество шпилек обрушилось на пол. Я вздрогнула, а Райт улыбнулся. — От начала и до конца. Я весь внимание.

Биение сердца оглушало, приводя меня в смятение. Я понимала, что Райт не просто пытается разоблачить меня, он играет, и эта игра доставляет ему удовольствие.

— Вы не оставили мне выбора, — ответила сдавлено, будто каждое слово давалось мне

с трудом. Впрочем, так оно и было. — Что я еще могла сделать, чтобы избавиться от Эдмунда?

— Избавиться? — Райт хладнокровно потянул за колючку, запутавшуюся в моих волосах.

Это было больно, но я даже не посмела возмутиться.

— В переносном смысле, — ответила на невысказанный вопрос, — я хотела его усыпить, чтобы он ко мне не прикоснулся.

— В вине было столько снотворного, что он уснул бы навеки, — шепот Райта раздражал мой слух, заставлял ерзать, заливаясь горячим румянцем.

— Откуда мне знать, сколько нужно этого порошка на целую бутылку?

— Ты могла убить его, — мужчина вдруг взял меня за руку, и я спасовала — дрогнула и прокусила губу.

Он потянул за порванную на ладони перчатку. Отбросив ее в сторону, Райт рассмотрел ссадину, подул.

— Я говорю правду... боже, что вы делаете?

Он вскинул глаза.

— А на что это похоже, Джина? — спросил совершенно серьезно. — Явно не пытаю тебя. Или ты считаешь наоборот?

Да, считаю. Это самая жестокая пытка из всех, что он мог придумать. Ни один мужчина не снимал с меня перчаток. Я никогда не чувствовала ничего подобного... никогда не чувствовала прикосновений, от которых хотелось бежать на край света.

— Милорд, вы...

Он снова подул на мою руку, затем провел по ссадине кончиками пальцев.

— ... чего вы хотите?

Его взгляд был слишком красноречив. Чего он хотел? Во-первых, моего полного подчинения, покорности, страха и ужаса. Настоящего преклонения. Во-вторых, меня... целиком и без остатка.

— Запомни, Джина из рода эль-Берссо, — проговорил мужчина, поднимаясь и заставляя меня встать, — больше никаких фокусов. И держись от меня подальше. Запомнила?

Неуверенный кивок.

Райт подвел меня к двери, распахнул ее.

— И хорошего тебе дня, — ехидно произнес он, всучив мне парик и шляпку.

Дверь захлопнулась перед моим носом, и я поняла, что проиграла очередное сражение.

Каждый новый день во дворце начинался одинаково. Сперва на башнях перекрикивалась стража, а на кухнях начиналась суэта. Назойливые солнечные лучи неторопливо проникали в нашу с Элиной комнату, а за окном принимался за дело садовник, работая ножницами. Но лишь до поры до времени, ибо с каждым днем процедура пробуждения претенденток усложнялась. Несколько гувернанток и камеристка проникали в нашу обитель, ненавязчиво передвигаясь по комнате, гремя кувшинами, тазами и подносами, и мы уже не были предоставлены сами себе, как раньше. А причиной этому был особый придворный церемониал, соблюдавшийся на протяжении нескольких веков.

— Доброе утро, дамы! — голос леди Ингрэм был сухим и безучастным.

Скажу больше, эта леди была в тысячу раз хуже мадам Жизель, которая хотя бы умела улыбаться.

В обязанности Мэг Ингрэм входило распахивать шторы, впуская ослепляющий свет, поворачиваться к нам и говорить с предельной строгостью:

— Вам надлежит привести себя в порядок и спуститься в столовую комнату к девяти часам.

В это время три горничных замирали кто где и приседали в реверансе, выражая нам почтение.

Элина вскакивала на ноги, чтобы подобрать мне подходящий наряд.

Мне подносили крепкий пряный чай и ломоть горячего хлеба. Пока я ела, две горничные стояли у моей постели и ждали. Когда чашка из прозрачного фарфора пустела, они отгибали край одеяла, наблюдая, как я поднимаюсь, потягиваюсь. Мы все вместе шли в купальню, где я принимала ванну под пристальными взорами девушек. Это была самая отвратительная часть моего утра, если не считать процедуру одевания.

Камеристка следила за тем, чтобы мой корсет был затянут должным образом, чтобы горничные шнуровали, застегивали, заматывали все ровно так, как необходимо королевской претендентке. Две капли духов на ямочку шеи, по одной на запястья — образ завершен.

Представить трудно, насколько сложно мне — свободолюбивой и сумасбродной — терпеть все это. Хотя терпеть должно войти у меня в привычку, ибо мне надлежало являться в столовую ежедневно при полной помпе.

— Леди Джина из рода эль-Берссо с компаньонкой!

Высоченные двери с позолотой захлопнулись за нашими спинами. Первый гофмейстер лично вел меня к месту за столом. За длинным широким столом на пятьдесят персон! Из всех правил, крутящихся в голове, вопило лишь одно: «Не споткнись!» Я была тридцать второй, а, следовательно, вся вереница числительных от первой до моей предшественницы уже была здесь. И все леди сидели на своих массивных стульях с высокими спинками, точно вырезанные из камня. Лакеи, пажи и разносчики блюд тоже не подавали признаков жизни. В гробовой тишине отчетливо слышались мои неуверенные шаги и биение сердца.

Я поклонилась и опустила на стул с той грацией, на какую была способна, и оказалась напротив бедняжки Адель, которая, судя по всему, безуспешно боролась с дрожью. Через одну леди от нее восседала Розетта, с самоуверенным достоинством разглядывающая мое платье. Брианна заняла место рядом с Эдмундом, который расположился во главе стола. Волосы у него были распущены. Принц лениво облакачивался на локоть, подперев кулаком

щеку и лукаво улыбаясь. Он, один из всех, кто чувствовал себя абсолютно расслабленно. Хотя нет...

Совершенно невозмутимо в столовую вошел Берингер и, кажется, стало еще тише, будто мы все погрузились под воду. Он скупой поприветствовал принца, нас удостоил кивком. За столом были и другие мужчины: главный королевский распорядитель, лорд Атер де Хог, личный обер-камергер его высочества, лорд Кенвуд, военный советник короля, лорд Деквуд, но никто так не приковывал к себе взгляд, как грозный, суровый Райт Берингер.

Дождавшись всех претенденток, гофмейстер повелел разносить блюда. Мы все претендентки, лакеи и компаньонки боялись лишней раз шелохнуться. Любой звук, будь то скрежет вилки о тарелку или звон бокала, привлекал всеобщее внимание. Напряжение достигло апогея, когда принц устало вздохнул и расправил салфетку.

Невыносимо.

Если это и есть дворцовая жизнь, проще глотнуть яду. Интересно, за завтраком его подают в меню для потерявших надежду?

Тишина окружала и сдавливала, выжигала кислород в легких.

Я вскинула глаза и наткнулась на острый, как бритва, взгляд советника. Он, в отличие от меня, был способен наслаждаться пищей, что и демонстрировал. Но помимо всего: отстраненных мыслей, надменного чванства, откровенного превосходства, в его глазах читалось: «Сиди смирно, девочка. Даже не думай что-нибудь выкинуть».

Я взглянула на принца, который изредка отрывался от тарелки, чтобы удостоить ту или иную девушку короткого взгляда. Но интерес его был настолько ничтожным и пассивным, что впору бить тревогу — ни одна из девушек не могла вызвать у него даже любопытства.

— Лорд де Хог, как поживает ваш отец?

Взрыв!

Все вскинули головы, будто вынырнув на поверхность мутного озера.

Вилки замерли на полпути ко рту, челюсти перестали перемалывать пищу.

Лорд де Хог, молодой брюнет, побледнел от неожиданности.

— В добром здравии.

И теперь головы повернулись в сторону Райта, который и затеял странный разговор.

— Как вам ситуация на границе с Мейхетом?

Светская беседа, не более того. Но у всех оказалось стойкое ощущение присутствия на допросе.

— Конфликт исчерпан...

— Вам кажется? — бровь Райта изогнулась. — После завтрака я настоятельно рекомендую вам, лорд де Хог, посетить мой кабинет.

Я хорошо знала этот вкрадчивый насмешливый тон. И меня раздражало, что Берингер, черт его побери, так ловко выуживал из людей страх. И этот липкий, мерзкий страх растекался по всему залу, обволакивая каждого.

— Берингер, вам ведь не кажется, что вы можете подменить наследного принца в воспитательной беседе с его поданными, — сказал на это Эдмунд. — В любом случае, здесь не место подобным разговорам.

Райт сделал вид, что принял замечание принца к сведению, и мы опять погрузились на дно невидимого озера. До очередного вопроса:

— Лорд Кенвуд, надеюсь, ваш брат больше не хворает?

Эти, казалось бы, учтивые вопросы утягивали всех в бездну ужаса. А меня в бездну

слепой бесконтрольной ярости...

— Лорд Берингер, как поживает ваша жена?

Я вдруг осознала, что все глядят на меня. Адель выронила вилку. Из рук Брианны выпала салфетка. Гофмейстер прикрыл веки и взмолился. А до меня медленно доходило, что последний вопрос задала именно я. Мой напуганный взгляд схлестнулся с взбешенным взглядом Райта.

— То есть я имела в виду... — и осеклась, понимая, что отступить поздно.

Берингер поднялся из-за стола под удивленный ропот. И стало ясно — никто не остановит его, никто не скажет ему ни слова. Он здесь чертов хозяин, и он доведен до иступления. Как зверь, как хищник, вкусивший крови и желающий подчинения, присваивающий и беспощадный.

Он подошел ко мне, а я вжалась в спинку стула. Эдмунд был настолько ошарашен реакцией своего выдержанного советника, что мог только внимать происходящему. Райт положил ладонь на подлокотник, склонился к моему уху и прошептал:

— И вас я хочу видеть в своем кабинете, Джина. И если вы не придете, я сам лично принесу вас туда. Ясно?

Отвечая: «ясно», я смела надеяться, что его остервенелого, жаркого шепота больше никто не слышал.

* * *

Едва сдержавшись, чтобы не хлопнуть дверь, Райт быстро прошагал к окну, облокотился ладонями на подоконник, с глубоким вдохом опустил голову. Никто не вызывал в нем столько эмоций, как эта жалкая вертихвостка. Она посмела спросить его о Стелле! Да на это никто не смел отважиться, разве что Аарон, но тот был чокнутым мерзавцем. Неужели Джина не боится гнева самого мрачного и злобного из живущих на этой грешной земле мужчин? И какой реакции она ждала?

Но хуже всего, что он сам не смог сдержаться. А когда склонился к ней, захотел развернуть ее лицо к себе... припасть к нахальному рту, вытянуть из нее жизнь без остатка.

Райт выдохнул и повернулся, натываясь на девчонку.

— Ты?!

Подумать только, она — самоубийца.

Наверняка, вышла следом, стояла и смотрела на него все это время, не решаясь окликнуть. И откуда столько безрассудной смелости?

— Я хотела... — пискнула она и замолчала.

Глаза темные, щеки горят, из прически выбился каштановый локон... губы покусаны.

За секунду в нем вскипели эмоции — гнев... чертов гнев... и жажда.

— Месяц, Джина, всего месяц, — прорычал он, — это не так долго, так ведь? Ты можешь постараться вести себя примерно?

— Дело не во мне, — сказала она.

Если бы эти губы произнесли: 'Да, милорд' или то самое пресловутое 'Ясно', Райт нашел бы в себе силы уйти. Но она снова бросала ему вызов. Однако прежде чем он успел сказать что-то, она произнесла:

— Не понимаю, почему вы так ненавидите меня?

— Хочешь знать, что я чувствую, глядя на тебя?

О, смутилась. Стоит, едва дышит, но ждет. Ее очень интересует, что он чувствует.

— Так вот... когда я смотрю на тебя, Джина эль-Берссо... — он подошел вплотную, задрал ее подбородок. Вот так и следует говорить с ней — сверху вниз, когда она не смеет даже шелохнуться. — Я хочу одного — хорошенько наказать тебя.

На секунду в ее глазах вспыхивает такое смущение, что, кажется, она попытается убежать. Но нет, покорно остается, ждет, что будет дальше. Жилка на ее шее трепещет.

Райт склонился, замерев у ее губ, справляясь с желанием прикоснуться к ним.

— Можете наводить ужас на кого угодно, это у вас хорошо получается, — сглотнув, произнесла она, — но не советую приближаться ко мне ближе, чем...

Ладонь мужчины обхватила ее щеку, а большой палец легко пробежал по сомкнувшимся губам.

— Не ставь мне условия, Джина, иначе у меня возникнет желание их нарушить.

Ее губы дрогнули, и его взгляд — прожигающий, опьяненный — проследил за этим движением.

— Даже не думайте это делать! — вдруг произнесла девчонка с возмущением.

— Делать что? Ты умеешь читать мысли, Джина, или так хорошо разбираешься в моих желаниях?

Хотя разбираться в природе его желаний не было смысла — он ведь так низко склонился к ней, шепча в самые губы, удерживая за подбородок.

— Если только вы ко мне притронетесь...

— Я же сказал, — слегка раздраженно повторил он, — не ставь мне условия. И если ты думаешь, что я собираюсь поцеловать тебя, ты ошибаешься. Я женат.

— Ваше поведение буквально кричит об этом, — язвительно проговорила она, — о вашем расчудесном браке...

— Слишком много слов, Джина, но ты до сих пор не сказала главного.

— Да?

— Ага, догадайся что именно.

— И что же? — нахмурилась она. — Снизойдите до объяснения...

— Просто попроси: «Отпустите меня, милорд».

Она вспыхнула, вырвалась из его объятий и сдув назойливый локон, пошла прочь.

* * *

Я просто в толк не возьму, как все это произошло со мной? Моя гибель стала очевидна тогда, когда я поднялась из-за стола и зашагала вслед за Райтом. Один из лакеев едва заметно дернулся, но принц остановил его жестом, наблюдая, как я покидаю обеденную залу. И даже тогда, когда между мной и Берингером произошел мучительный для нас обоих диалог, когда я, наконец, осознала причину его ненависти и ощутила слабый отклик в собственном сердце, мое поражение было неоспоримым. Единственное, что я могла сделать, чтобы сохранить крупницы репутации — убраться из Хегея.

Это был выход, который придумала я, но было еще иное решение, которое любезно предложил мне Эдмунд. Всего через сорок минут после инцидента в обеденной зале, дверь в мои покои распахнулась.

— Наденьте плащ, леди, — приказал мне начальник стражи, коего я уже имела честь видеть прежде, лорд Тесор.

Мужчин было пятеро — королевские гвардейцы. И они пришли за мной, за женщиной, запятнавшей репутацию и достойной только позорного изгнания.

Я молча накинула плащ. К чему сопротивление?

— Ваша компаньонка предупреждена. Это ненадолго, — сообщил мне стражник, — наденьте капюшон, и прошу за мной.

Выбора у меня не было. Самое ужасное, что я подведу отца, и по моей милости жители Хоупса едва ли переживут зиму. И пока я еще не дошла до апартаментов принца, я полагала, что хуже уже быть не может. О, как же я ошибалась.

Помещение, в котором я оказалась, было великолепным и неплохо играло на контрасте с моим настроением «хуже некуда». Эдмунд, изящный, утонченный сидел в кресле. Перед ним на стеклянном столике стояли вазочки с пирожными.

— Вы, кажется, так и не поели, — произнес он, и я вздрогнула от неожиданности. — Оставьте нас! — приказал он страже и перевел на меня доброжелательный взгляд. — Не робейте, Джина. Присаживайтесь, давайте поговорим.

Я полагала, что именно сейчас на меня посыплется град обвинений. Но Эдмунд медлил, внимательно за мной наблюдая. Его тонкие пальцы с перстами постукивали по колену.

— Знаете, Джина, в этих стенах я почти лишен удовольствия простого человеческого общения, — вдруг сказал он, — слишком много рамок и ограничений. Я — наследник престола, но даже я вынужден подчиняться. Однако есть иная сторона медали — я могу получить многое, мне доступны некоторые радости и наслаждения этой жизни, о которых любой смертный не смеет мечтать. Правда, это так мимолетно, так скоротечно.

Он замолчал, разглядывая меня. Оценивая.

Я молча ждала, лениво переваривая информацию.

— Послушайте, Джина, я никогда не видел, чтобы мой советник приходил в иступление от одной фразы. До сегодняшнего дня я привык считать, что он никогда не выходит из себя. Он всегда предельно собран, мрачен и рассудителен. Но то, что делаете с ним вы, достойно похвалы.

Я еще не совсем понимала, одобряет или нет принц мое поведение.

— Даже такого искушенного человека, как я, вся эта ситуация весьма позабавила. Если бы я не знал Райта, то подумал бы, что он влюблен.

Да, право слово, смешно.

— Хотя любовью это назвать нельзя. Слишком рано. Берингеру нужно время, чтобы осознать это. И я думаю, что месяца вполне хватит.

Либо я плохо соображала, либо Эдмунду совершенно плевать на мою репутацию. Что-то другое волнует его.

— Вы похожи на его супругу, Стеллу. Я говорю не о внешности, а об особой женской привлекательности. Таковую, как вы, хочется оберегать, защищать, прятать от всех, как сокровище. И никак не ждешь от таких женщин, что они способны на предательство.

Меня оскорбило сравнение с леди Берингер, хотя бы потому, что предавать я никого не собиралась.

— Вы, наверно, не понимаете, зачем я пригласил вас? — усмехнулся принц. — Дело в том, что Райт был мне навязан отцом, и пока я не стану королем, я не смогу избавиться от его опеки. Впрочем, — мрачно проговорил Эдмунд, — кого я обманываю, Берингер не тот

человек, от которого можно избавиться безболезненно. В моем случае, гораздо лучше установить с ним худой мир, чем воевать. Но мне нужны гарантии, что после смерти отца, Райт останется мне верен, не настроит мою армию против, и наши интересы никогда не разойдутся.

Я недоумевала, задумчиво глядя куда-то под ноги.

— А еще я хочу, — продолжил свою речь принц, — чтобы он безумно влюбился в вас, потерял голову, лишился сна и покоя. Вы можете это устроить, леди?

Неожиданный поворот.

В какой-то момент происходящее стало казаться сном: расплывчатым, забавным, глупым. И дело было не только в словах Эдмунда, но и в ситуации, невольным заложником которой я оказалась.

Камергер его высочества поставил на прозрачную столешницу поднос с чайником и чашками и принялся разливать дымный напиток. Тонкая горячая струйка билась о хрупкое фарфоровое дно с характерным звуком. В этот момент мы с Эдмундом сидели молча, задумчиво отведя глаза. Я, прежде всего, думала о том, как тактично отказать принцу и тихому вернуться в Хоупс.

— Задавайте вопросы, Джина. Я хочу знать, что вам все понятно, — вымолвил мужчина, наклоняясь и беря в руки чашку.

Он откинулся на спинку кресла, делая глоток чая и нетерпеливо подзывая слугу — чай оказался чересчур горяч. Слуга поспешил добавить в чай холодных сливок.

— У вас есть вопросы? — вскинув изящные светлые брови, осведомился принц.

— Да, — проговорила я немного озадаченно, — главный: могу ли я отказать?

Эдмунд посмотрел на меня поверх чашки и ответил:

— Если вы захотите, то можете. Разве в моей власти заставить вас? — он отхлебнул, издал довольный стон, расслабленно положил руку на подлокотник. — Но прежде чем принимать решение, послушайте меня: более высокой платы, которою могу предложить я за это простое одолжение, сложно придумать. Посудите сами, я был бы настоящим идиотом, если бы толкнул вас в руки Берингера. Дело в том, что Райт будет послушен, если вы так и останетесь для него недоступны.

Я нахмурилась, покусывая губы. Это означало, что, исполняя волю монарха, прыгать в постель к Берингеру вовсе не обязательно.

— Он полюбит вас, Джина. И тогда из грозного Райта можно будет вить веревки. Я знаю, что бывает с ним, когда он сгорает от страсти. Так было и со Стеллой... Ваша задача, леди, заставить его любить. Я готов заплатить немалую цену — корону Хегея и роль моей спутницы жизни.

— Корону? — вздрогнула я.

По губам принца скользнула самодовольная усмешка.

— Я же не настолько глуп, чтобы отказываться от такого прекрасного рычага воздействия на собственного советника и командира моего войска, который оберегает границы Хегея. Все предельно просто, Джина, пока вы будете в моих руках, его страсть будет только расти, но он никогда не пойдет против меня, зная, что ваша жизнь зависит от моей.

— Иными словами, — подвела я итог, — я должна влюбить его в себя, а выйти за вас?

— Совершенно верно. Но меня удивляет, как хладнокровно вы реагируете на мое предложение. Вы понимаете, что я сознательно остановил свой выбор на вас, и вы станете

моей избранницей, королевой Хегея?

— Королевой Хегея, — повторила я бесцветно.

— Даю вам слово.

Я вдруг резко вздернула подбородок, заглядывая в глаза Эдмунда и замечая в них секундную растерянность.

— Я повторю свой вопрос, — мой голос остался предельно строг и сух, — могу ли я отказаться?

Кажется, принц разозлился. Он замер в кресле, будто не веря, что я готова отвергнуть его предложение. Однако он усмирил эту вспышку и ответил спокойно:

— Можете, но советую подумать о вашем отце и Хоупсе. От вашего решения зависит очень многое. Понимаете меня?

Выражаясь иными словами: «Если тебе дорога твоя жизнь и жизни близких, то ты согласишься».

— Если у меня не получится... найти с лордом Берингером общий язык?

— У вас уже получилось, — улыбнулся Эдмунд, потянувшись за пирожным. — Осталась самая малость, показать, что его чувство ответно.

— Но Райт женат.

— Знаю, но разве это станет для вас препятствием?

Я со злостью наблюдала, как Эдмунд преспокойно лакомится угощением. Заметив мой взгляд, он замер, отставил пирожное, вытер салфеткой губы.

— Леди Джина, вы, наверняка, не совсем поняли суть этой просьбы... Мне доложили, что вы неоднократно посещали кабинет Берингера. Как вы думаете, чем это может обернуться для женщины с запятнанной репутацией?

— Я отправлюсь домой? — предположила, робко вскидывая ресницы.

— О, нет, леди. Нет... — он поднялся, глядя на меня нетерпеливым, рассерженным взглядом, — прошу не разочаровывайте меня. Я слишком к вам благосклонен, чтобы думать по поводу вашего наказания. Но, если пойму, что вы так и не осознали счастья, выпавшего на вашу долю, я могу очень огорчиться.

— То есть, не смотря на ваши слова, отказаться я не могу, — констатировала факт.

— Другая на вашем месте была бы счастлива, — раздраженно ответил Эдмунд, — не находите? И прекратите уже ломать комедию. Вы поможете мне так или иначе, и я хорошо отплачу вам, — он подошел ко мне, сурово глядя сверху вниз: — так что, вы согласны?

Я не знала, что делать, или знала, но сомневалась или...

— Конечно, согласна, ваше высочество.

— Отлично. Тогда прошу держать все в тайне, пока вы не поймете, что Берингер влюблен, как мальчишка. Играйте с ним, флиртуйте, но помните, что вы будущая королева Хегея.

Играйте, флиртуйте, но помните, что не при всех. Ага.

— Конечно, ваше высочество.

— Вы определенно меня радуете, Джина, — просиял Эдмунд. — Мы с вами будем видеться по необходимости. Красная лента в ваших волосах будет требованием о срочной встрече. Вы все поняли?

— Да, мой принц.

— Отлично, — он проводил меня до дверей. — И запомните, никто не должен знать о нашем уговоре. Никто. Ни ваша компаньонка, ни даже священник на исповеди. И да

вознаградить ваше молчание.

— Разумеется.

Я вытерпела его светский поцелуй в руку. Накинула капюшон и вышла из покоев. Стража вновь вела меня по коридору, и я с досадой отметила, что это становится какой-то традицией.

Вылезая из окна ночью, я в очередной раз отметила, что покои нам с Элиной достались очень удобные. Солгав ей по поводу того, что происходило на встрече с принцем, и половину вечера усердно посвятив чисто женскому занятию — вышиванию, я ждала, когда компаньонка уснет, а затем, бесшумно растворила створку окна. Что ж, когда-то я уже проделывала подобное.

Куст шиповника был ожидаем. По периметру сада горели фонари, отбрасывая пятна желтоватого света, которые я старалась обходить стороной. Королевские гвардейцы, дежурившие у стен дворца, встретились на моем пути дважды, и оба раза я лихо прыгала за какой-нибудь куст, стараясь срастись с землей. Добравшись до нужных окон, я затаилась, лежа за кочкой, и наблюдая за стражей.

— Так-так-так, леди Джина, — хрипло, самоуверенно, с глубокими волнующими интонациями.

О, святые небеса, пусть это будет не Берингер. Кто угодно, только не он.

Я лежала, не шевелясь, надеясь, что наваждение уйдет.

— Кого вы там высматриваете?

Мне все это кажется... просто дурной сон.

— Я, конечно, получаю несомненное удовольствие, видя вас у своих ног, но все же... — почти смеясь.

Скрипнув зубами, я повернулась, заметив Райта, наслаждающегося не только моим видом, но и крепкой сигарой. Он прислонился плечом к дереву, стоя во мраке и сверкая безумными темными глазами.

— Вам это доставляет удовольствие? — выпалила я, приподнимаясь и садясь на траву.

— О, еще какое.

— Но я знаю, что порадует вас больше, чем это представление, — прошептала, отряхивая платье.

— Мм... — Берингер рывком оторвался от дерева и сделал несколько шагов мне навстречу, выходя под свет полной луны. Рука с сигарой оказалась у его порочных насмешливых губ, которые тот час зашевелились: — Удиви меня, девочка.

Я указала в сторону дворца.

— Это ваши окна? Там, напротив?

— Допустим. И?

Хотелось взвыть от досады, но я лишь сделала несколько глубоких вдохов.

— Вас порадует, если вы узнаете, что я шла именно к вам?

— Я буду на седьмом небе от счастья, — усмехнулся он, делая глубокую затяжку. Огонек сигары вспыхнул красной точкой.

— Берингер, тогда вам повезло вдвойне, ибо это еще не все.

— Дааа? — спросил он с хорошо разыгранным удивлением. — И что же тебе понадобилось от меня среди ночи?

— Что-то очень важное, о чем я меньше всего хочу говорить именно здесь.

Райт некоторое время молчал. Не знаю, о чем он думал, но прерывать его не хотелось.

— Джина, ты хочешь попасть ко мне в спальню? — как-то совсем тихо и хрипло поинтересовался мужчина.

— Именно так. Вас это смущает?

— Нисколько, если бы ни одна формальность. Я женат.

— От вас я слышу это уже дважды. Впрочем, примите мои поздравления с этим долговечным браком, милорд. В вашей спальне мне действительно кое-что нужно, но не то, о чем вы подумали.

— А вот это интересно, — отозвался Райт, выбрасывая искрящийся окурок. — И что же это «кое-что»?

Темнота, которая прятала меня от его пытливого взгляда, придавала уверенности.

— Уединение. Нам нужно поговорить.

— Поэтому ты вышла из своей комнаты не совсем традиционным способом? Мне доложили, что ты буквально вывалилась, рухнув в куст шиповника, милая.

— Надеюсь, ваши шпионы умеют хранить тайны, потому что никто не должен знать, что я пошла именно к вам.

— Опять боишься за репутацию?

— К черту репутацию, теперь на кону кое-что гораздо важнее — моя жизнь.

Я говорила с такой убежденностью, что Берингер, кажется, поверил. Он подошел, подал мне руку. Я уцепилась за его пальцы, и Райт поднял меня на ноги, с интересом разглядывая.

— По крайней мере, ты не в сорочке.

— По-вашему, я непроходимая дура? — судя по его реакции, по широкой хищной улыбке, он собирался сказать «да». — Молчите, пока вы все не испортили.

— Будешь мне приказывать?

Если бы я могла...

Услышав за спиной шаги, я резко толкнула Берингера в грудь, и мы вместе скрылись в густой темноте под нависшей над землей кроной дерева. Пожалуй, Райт не ожидал этого, а, быть может, ожидал, но не сопротивлялся, с нездоровым любопытством выслушивая мои объяснения:

— Простите, но нас никто не должен увидеть.

Когда советник хотел ответить, я закрыла его рот ладонью, прислушиваясь. Гвардейцы шли по аллейке в опасной близости от того места, где мы спрятались.

— Умоляю, помолчите...

И он стих — святые небеса! — он послушался. Его руки приподнялись вверх и опустились. Кажется, он растерялся. Грозный, мрачный, всемогущий Райт не знает, как реагировать на мое поведение!

Когда опасность миновала, я медленно убрала руку от его горячих губ, вдруг осознав всю чудовищность происходящего.

— Мне нужна ваша помощь, — сказала я, пытаюсь заключить в эти несколько слов всю суть проблемы.

— Не сомневаюсь, — произнес мужчина. — Не думаю, что ты вылезла в окно ради чего-то другого.

Это прозвучало как-то оскорбительно, но я решила пропустить колкость мимо ушей.

— Как я могу попасть в вашу спальню?

— Не уверен, что даже при моем железном терпении, это хорошая идея.

Его голос изменился — в нем появилось множество неясных полутонов, глубоких, вкрадчивых, дразнящих.

— Но мне нужно с вами поговорить. Это очень важно, и это спасет жизнь нам обоим.

— Заинтригован, — усмехнулся Райт, — но у меня есть сомнения, что в моей спальне ты будешь в безопасности, Джина.

— У вас там что... злая собака? — выпалила я, не понимая причину отказа.

Да, я действительно не понимала. Мне было всего семнадцать. Откуда мне знать, что опасность может грозить от самого Райта, жившего отшельником с тех самых пор, как он изгнал супругу.

Несмотря на мою наивность, Берингер не стал издеваться.

— Хорошо, Джина, раз ты так настаиваешь. Но говорить мы будем там, где нет кровати. Пойдет?

— Где угодно, только с вами.

Он снова молчал, а я сходила с ума, не зная, какая именно мысль посетила его голову.

— Пойдем, — мужчина схватил меня за руку и потянул за собой.

Шел он быстро, а я бежала следом. Но мне, наконец, было не страшно. Абсолютное спокойствие. Я уцепилась за его ладонь обеими руками — какие сильные и крепкие у него пальцы...

— Джина, шевелись! — ... и какой грубый несносный характер.

Мы оказались у железной решетки, за которой таился вход во дворец. Покуда нас не увидели, Райт торопливо извлек ключи.

— Никогда бы не подумал, что буду бегать от своих же стражников, — недовольно пробубнил он, открывая решетку, — одного моего слова хватит, чтобы они выполнили любой приказ и, если надо, потеряли память.

Мы стали петлять по катакомбам, пока не оказались в крыле, отведенном прислуге.

— Этим путем господу часто водят своих любовниц, поэтому на нас никто не обратит внимания, — проговорил Берингер.

Мы шли совершенно спокойно по мрачным коридорам, а затем и по извилистой лестнице, пока не достигли покоев Райта. У самой двери, мужчина отпустил мою руку.

— Вы же сказали, что мы не пойдем в вашу комнату, — прошептала я, наблюдая, как он шарит по карманам в поисках нужных ключей.

— Я сказал, что мы не пойдем в спальню, Джина, но ничего не говорил о рабочем кабинете, — и добавил так, чтобы я не услышала: — Хотя не вижу принципиальной разницы.

Опасность могла исходить не только от кровати, но и от стола, за которым Райт работал, и даже от стены...

Нас встретил камердинер со свечой в руке и с недоумением взглянул на меня, затем беспристрастно осведомился у Райта:

— Я могу быть свободен, милорд?

— Будь любезен.

Берингер грубовато втянул меня в кабинет и закрыл дверь. Некоторое время он сыпал проклятиями, зажигая свет.

— Вам чем-нибудь помочь?

— Сядь и помолчи, — последовал топорный ответ.

Когда все было готово: свечи и лампы зажжены, я сидела на стуле, Берингер нервно извлек сигару и закурил, расслабленно выдыхая. Мужчина опустился на краешек стола и впервые за то время, что мы были в кабинете — на его чертовой территории! — взглянул на меня.

— Ну что ж, Джина, рассказывай. И желательно быстрее.

Ему неприятно мое присутствие — очевидно. Он и пяти минут не может провести со мной наедине.

— Вы могли бы не курить в моем присутствии? — не знаю, право, когда обрела сверхчеловеческую смелость.

К моему изумлению, у Райта еще сохранились представления об этикете. Он затушил сигару, сложил на груди руки и выжидающе изогнул бровь.

— Мы, конечно, можем сидеть здесь до утра, Джина, — проговорил мужчина, — но у меня были планы на эту ночь.

— Свидание?

Он усмехнулся.

— Не заставляй меня повторять в третий раз, какой я хороший муж. Я говорил о сне. Но раз мы никак не можем перейти к делу, — Райт прошагал к шкафу, достал два бокала и бутылку вина, — предлагаю выпить.

— Благодарю, но я еще не в таком отчаянии, чтобы пить вместе с вами.

Думаю, мои слова его оскорбили. Советник обернулся, пронзая меня рассерженным взглядом, и я сдалась:

— Если только один бокал.

* * *

Райт не отводил от нее взгляда — девчонка, которая даже не осознает, насколько она притягательна. И насколько ненавистна сама мысль, что он не может держать себя в руках.

Еще один глоток вина... Мужчина покосился на портсигар, стиснув зубы.

— Я теряю терпение, Джина...

И это было правдой. Он стремительно терял силы к сопротивлению.

— Сколько ваша жена провела в монастыре?

Райт обескуражен. Ошеломлен.

— Какого черта ты решила, что я буду разговаривать с тобой о Стелле?

Действительно, какого черта? Может, все дело в вине?

Девчонка ерзает на стуле, теребя рукав платья. Трогательная, маленькая, но настойчивая до безумия.

— Вы можете просто ответить на вопрос? Это не так сложно. Я же не спрашиваю...

— Джина, — прорычал он предостерегающе, — давай по существу, а? Я не готов терпеть тебя здесь до утра.

Пожалуй, это было доходчиво. Однако леди из Хоупса смотрит упрямо. Вот дьявол!

— Три года, — выпалил он, — она там три года, ясно?

— Да...

— И? Что еще хочешь узнать?

— И долго еще пробудет?

— Боже, — тяжелый вдох, — ты с ума сошла? Какого, мать твою, ты устроила мне допрос?

Она вжалась в спинку стула, и Берингер понял, что кричит. Кричит на женщину. Он никогда не позволял себе крик, считая намного разумней обстоятельный разговор. Даже на

Стеллу он никогда не повышал голос, учитывая ее предательство.

— Я буду весьма благодарна, — вдруг проговорила Джина, внимательно наблюдая за мужчиной, — если узнаю, с кем именно вы ее застали. И учтите: не смейте на меня кричать. Я спрашиваю не из-за праздного любопытства.

Это было в разы лучше холодного душа. Семнадцатилетняя девчонка только что уделала взрослого мужчину. Берингер нервно потянулся к портсигару.

— Помолчи, Джина, — прорычал он, — хотя бы секунду.

— Вы ее любили?

— Черт... — он быстро закурил, сделал несколько глубоких затяжек. — Это тоже не из-за праздного любопытства?

Кровь бурлит в венах, заставляя Райта искренне презирать нахалку, но, тем не менее, эта девица необходима ему. Именно сейчас. Рядом. В опасной близости.

— Какое отношение имеет моя личная жизнь к твоим проблемам? — придал он голосу призрачного спокойствия.

— Эдмунд хочет, чтобы... — начала она довольно резко, но осеклась.

И так всегда.

— Говори, Джина, я уже на взводе.

— Он хочет, чтобы я... чтобы вы... мы...

Она жует слова, не поднимая головы. А его бесят все эти «мы, вы, я», которые она произносит своим маленьким аккуратным и безумно чувственным ртом.

— Что бы что, Джина?

— Чтобы вы в меня... то есть я вас в себя...

Господи, это выше его сил. Он затушил сигару, направляясь к остроумной девчонке, которая игрой слов довела его до крайнего бешенства. Сев напротив нее на корточки и заставив бедняжку трижды измениться в лице, он выпалил:

— Послушай меня внимательно, девочка, я, наверно, совершенно не похож на тех галантных, добродушных мальчиков, с которыми ты имела дело в своей деревенской глуши. И я не намерен терпеть тебя дольше, чем потребуется, чтобы договорить чертово предложение до конца.

— Выставите меня за дверь? — спросила она, нахмурившись.

А смог бы он?

— Так ты скажешь, наконец, зачем пришла или будешь задавать глупые вопросы и дальше?

— Прежде, чем вы продолжите вести себя, как самый последний мерзавец на свете, позвольте последний глупый вопрос, после чего я любезно откланяюсь, оставив вас в одиночестве, лорд Берингер, — выпалила она, — так вот, мой вопрос...

Он положил руки на подлокотники ее кресла, и девчонка затихла, напряглась, пугливо глядя в глаза мужчины.

— Вы можете не вторгаться в мое личное пространство? — пискнула она.

— Это и есть твой последний глупый вопрос?

— Нет, я... нет.

— Люди, которые называли меня мерзавцем, жили относительно недолго, Джина.

— Это меня не касается.

— Прими это к сведению.

— Отойдите от меня, — она сделала слабую и неуверенную попытку возмутиться.

— А если нет? — усмехнулся он. — Что будешь делать? Мы уже битый час пытаемся понять, что тебе от меня нужно, и я начинаю подозревать, что пришла ты не для того, чтобы разговаривать.

— Эдмунд сделал мне предложение! — она буквально задохнулась, говоря эту необъяснимую фразу. — Он требует, чтобы я влюбила вас в себя. Теперь вам понятно, зачем я пришла?

Райт резко поднялся, глядя на наивную соблазнительницу сверху вниз.

— Ты уверена, что поняла все правильно? — с сомнением спросил он.

— Вы считаете, фразу: «Вы станете королевой Хегея», можно истолковать как-то по-другому?

— Может ты подумала, что он сказал именно это?

— Я не подумала, он так и сказал. И что другое, скажите на милость, могла означать эта фраза?

— Что он хочет с тобой переспать, допустим, — отозвался Берингер, — это тебе в голову не приходило?

Она смертельно покраснела, но глаз не отвела.

— Нет. Он хочет на мне жениться. Но делает это не потому что ему нравлюсь я, а потому что ему жутко не нравиться вы.

— Поверь, наши отношения с принцем — это моя проблема. Единственное, что мне до сих пор непонятно: зачем ты пришла? Похвастаться?

Она медленно поднялась, сжимая кулаки в немой ярости.

— Лорд Берингер, не путайте меня со своей драгоценной супругой. Я, на самом-то деле, не в восторге от этого брака.

— Тогда у вас, — предостерегающе прохрипел он, — гораздо больше общего, чем я думал: она тоже не в восторге от своего брака.

Девчонка втянула воздух в немом порыве бессилия. Губы у нее дрожали, но она вся горела от ярости. Она сделала шаг в сторону, но мужская сильная рука схватила ее за предплечье.

— Какая нормальная женщина не захочет стать королевой? — спрашивая, Берингер внимательно глядел в ее лицо. — Иметь все? А, Джина?

— Может дело в том, — все еще трепеща от ярости, процедила та, — что я не нормальная женщина? Я не хочу быть игрушкой в вашей с ним войне из-за другой женщины. Какие вам нужны доказательства в искренности моих слов? Я бы не пришла к вам, человеку, который меня презирает, и не молила бы вас помочь, если бы у меня был другой выход! Вы единственный...

Его пальцы разжались, скользнули вверх к ее губам, ласково погладили.

Она онемела, нет, даже больше — судорожно вдохнула, хлопая ресницами.

— Нам нужно многое обсудить, Джина, если ты готова играть во взрослые игры, — костяшки его пальцев заскользили по линии ее подбородка, — пути назад уже не будет. Хочешь этого?

— Сильнее всего на свете.

— Тогда начнем.

До последнего момента я не верила, что советник передумает. Несколько раз я даже мечтала о том, как ударю его по лицу, хлопну дверью и уйду с гордо поднятой головой. Однако все вдруг переменялось. Напряженность, нервозность Райта быстро уступили сосредоточенности и здравому смыслу. Лорд-начальник снова обрел способность рассуждать вне эмоций. Хотя о том, каких усилий ему это стоило, я могла лишь догадываться.

— Эдмунд хочет, чтобы я потерял голову? — переспросил Райт, когда я подробно пересказала ему беседу с принцем.

— Да. Вы сможете изобразить нечто подобное?

Он странно усмехнулся.

— Поверь, это будет несложно.

— Нам придется проводить много времени вместе.

— Я переживу.

— Возможно, принц захочет доказательств вашей страсти, — предположила я.

— Каких? Спрыгнуть с моста?

— Подарки, знаки внимания и прочая ерунда.

— Хочешь, чтобы я дарил тебе подарки? — ему эта затея явно не нравилась.

— Это нужно мне меньше всего, но было бы странно, если бы вы этого не делали, — ввернула я аргумент, — но если вы считаете, что вам хватит таланта изображать из себя влюбленного и без подарков, я не против.

— Отлично.

— И самое главное, вы должны быстро охладеть ко мне потом. Эдмунд поймет, что наш брак не даст ему никаких преимуществ и расторгнет помолвку.

Берингер сложил на груди руки, опустил голову и тихо, но очень оскорбительно, рассмеялся.

— Как замечательно у тебя все получается, — вымолвил он, — не думаешь, что все может быть не так просто?

— Увидим, — бросила я беспечно. — Главное, мы оба заинтересованы в том, чтобы я вернулась в Хоупс.

— Ты даже представить себе не можешь как, — проговорил советник, — а теперь нам нужно вернуть тебя в покои, чтобы ни у кого и мысли не возникло, что ты была здесь со мной.

Он безмолвно протянул мне руку. Я уже знала этот жест, он означал: «Иди ко мне, женщина, и не смей спорить!» И всякий раз, когда он так делал — проявлял свою мужскую властность — я хотела сказать ему твердое и категоричное: «нет».

— С тобой придется несладко, Джина, — вымолвил Берингер, — если не хочешь мне подчиняться, нам придется пересмотреть условия нашего сотрудничества.

Я стиснула зубы, с притворной любезностью вложив руку в его ладонь.

— И с этих пор так будет всегда, — удовлетворенно отозвался Райт.

Еще чего! Но, думаю, подобный ответ изрядно подпортил бы ему настроение. А с некоторых пор состояние Берингера стало для меня более чем важно.

Мы расстались у моих покоев, успешно преодолев расстояние от его комнаты до моей. Советник пожелал мне доброй ночи, и я ответила ему тем же, понимая, что теперь в мои сны с его участием вмешаются новые краски.

Я прокралась к постели, заметив на кровати подруги неподвижную тень.

— Ну, Джина, до сих пор будешь скрывать от меня правду? — раздался провокационный вопрос Элины.

Я вздохнула, посмотрела на нее и сказала первое, что пришло на ум:

— В этом больше нет смысла. Я была на свидании.

— И кто же этот счастливец?

— Райт Берингер.

Обоюдный тяжелый вздох предвещал рассвет самого трудного дня в моей жизни.

Я протиснулась сквозь столпившихся на балконе девушек. Камилла и Сибилла тотчас обступили меня с двух сторон и, проследив, куда я смотрю, принялись сбивчиво пояснять:

— Это отряд восточного направления...

Всадники прибыли утром, посеяв в рядах претенденток настоящую панику. Девушки выскочили на балкон, чтобы понаблюдать, как статные сильные мужчины в военном обмундировании, движутся ко входу во дворец.

Всюду слышалось благоговейное: «Да, они настоящие варвары... я слышала, что мужчины на войне ведут себя, хуже дикарей...» И, наверняка, это было правдой, но меня заботило иное — для чего они здесь, и что случилось там, откуда они прибыли?

— Это люди Берингера, — сказала Камилла, — это может быть интересным.

— Думаешь, кто-то хочет выманить этого зверя из дворца? — подхватила ее мысль Сибилла.

— На кону королевская корона, почему бы и нет.

— Идея не выгорит, Берингер всегда исполняет приказы короля, даже если ему будет нужно разорваться на части.

— Хочешь сказать, что он бросит командование армией, даже если там случилось что-то серьезное? — изумилась Камилла. — Ради того, чтобы контролировать Эдмунда и процесс сватовства?

— Нет, я хочу сказать, что он один из тех, кто умеет решать проблемы по мере их поступления.

Я слушала девушек в напряженном раздумье, понимая, что баланс сил слишком шаток, чтобы я лишилась такой фигуры, как Райт. Что будет со мной, если он уедет?

— Дамы! Реверанс! — послышалось за нашими спинами.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Это была мадам Жизель, которая сопровождала ее величество Генриетту Сафскую.

Девушки присели в реверансах и умолкли, разглядывая королеву, которая, пользуясь случаем, разглядывала их. Генриетта была прекрасна. Ее пышное платье с традиционным квадратным декольте и кружевами, белоснежный парик, изящный веер были произведениями искусства за сотни и тысячи золотых лир. Королева глядела на нас, приподняв подбородок и доброжелательно изогнув бровь. Правда, доброжелательность ее была фальшивой, как и улыбка, потому что все знали, насколько бессердечной была эта женщина.

— Я вернулась из Листана, чтобы лицезреть эти прелестные создания, — проговорила она, наклоня голову в сторону нашей наставницы. — Они воистину прекрасны, но достойна королевского выбора всего одна.

Королева была высокой, стройной и, несомненно, красивой.

— Ваше величество, позвольте, я представлю вам...

Генриетта остановила Жизель взмахом веера, сделала несколько шагов навстречу, оглядела наши лица.

— Не утруждайте себя, мадам, — вымолвила она властно, — я дорожу своим временем, поэтому попрошу некоторых из этих леди навестить меня сегодня после обеда. Я говорю о леди Брианне, леди Розетте и леди Джине.

Мое имя в череде этих благородных имен? О, это нонсенс.

Объявив свою волю, королева глянула поверх наших голов на примчавшихся ко дворцу всадников, затем сделала нетерпеливый жест фрейлинам.

Катастрофы множились с необъяснимой прогрессией. А еще — я ощущала себя приманкой, марионеткой, которую сильные мира сего пытаются использовать в своих необъяснимых целях.

Перед посещением будуара королевы, я переделалась в парадное платье. Элина, которая старательно изображала из себя обиженную и отвергнутую подругу, поколдовала над прической.

— Вплети в волосы красную ленту, — сказала я, стараясь, чтобы просьба прозвучала естественно.

После обеда явились сопровождающие, дав повод думать, что меня отведут не к королеве, а бросят в темницу. Впрочем, я не знала, что из этого хуже.

Будуар Генриетты был изыскан и ярок. Золотые драпировки на постели, белые пуфы, инкрустированные камнями шкатулки и в придачу ко всему милый звонкий папильон, носящийся под ногами.

Я пришла последней. Королева сидела в кресле у окна, положив ноги на скамеечку. Рядом тихо ворковали ее фрейлины. Брианна и Розетта смущенно пили чай, сидя на софе.

— Дитя, присядь, — королева вышивала, ловко работая иглой.

Начался длинный нудный разговор ни о чем. Генриетта молчала, слушая рассказы своих фрейлин, изредка складывая губы в лукавую улыбку. Из претенденток болтала только Брианна. Мы с Розеттой переглядывались и время от времени приникали к чашкам с чаем.

— Ваше величество, к вам посетитель, — на входе показалась камеристка.

— Совершенно забыла, — отозвалась королева, — просто вылетело из головы, — и обращаясь к нам: — надеюсь, вас не смутит, юные леди, если сюда войдет мужчина?

Мы, естественно, наперебой кинулись заверять, что нисколько. И я бы ничуть не смутилась, если бы этим мужчиной оказался не лорд Берингер.

Он тоже не ожидал меня здесь увидеть. Сухо, коротко поздоровался с дамами.

— Райт! — королева протянула ему обе руки, которые мужчина с готовностью поцеловал. — Прости, я совершенно забыла, что мы договорились поболтать.

Сомневаюсь, что Райт когда-то в своей жизни хотел с кем-нибудь «поболтать».

— Я могу зайти в другой раз, — произнес он, бросая на меня мимолетный взгляд.

— Боюсь, в другой раз я буду слишком занята, — надула губы Генриетта, — если тебя не коробит присутствие юных леди, предлагаю обустроиться в кресле напротив. У меня к тебе есть разговор.

Райт был безразличен и предельно собран. Как никогда. Не смотря на кажущуюся непринужденность их общения, оба хладнокровно глядели в глаза друг друга.

— Я была в Листане, — королева сделала несколько глотков чая.

Райту тоже налили напиток, но мужчина был абсолютно неподвижен.

— Я знаю, ваше величество.

— И, конечно, знаешь, что я получила письмо от своей фрейлины.

— Да.

— Это письмо предназначалось тебе, — взмах тонких пальцев Генриетты, и к Берингеру поднесли поднос, на котором лежала записка.

Он взял, беспечно убрал в карман.

— Не прочтешь? — коварно осведомилась королева, явно ожидая от него другой реакции.

— Возможно.

— Она пишет тебе каждую неделю вот уже три года. Не время ли простить ее?

— Нет.

— О, Райт, не будь так жесток к своей супруге. Ты же знаешь, как мы дружили. Она нужна мне здесь. При дворе.

Фрейлины, слуги и претендентки внимательно слушали этот разговор. Я глядела на советника, лицо которого оставалось строгим, хладнокровным, сосредоточенным.

Зная его, я могла представить, как сложно ему было не послать ее величество к дьяволу. Может поэтому он молчал.

— Обещай хотя бы подумать. Она так несчастна. Три года в заточении — это слишком строго, — невзирая на жесткость слов, королева мягко улыбнулась, затем глянула на нас и спросила: — Вы ведь считаете так же, леди?

Какое унижение для мужчины обсуждать предательство его женщины. И как бы я ни недолюбливала Райта, я не смогла смолчать:

— Будь моя воля, она сидела бы там до седых волос.

Думаю, Генриетта добилась своего — в этой фразе она уловила ответы на все невысказанные вопросы, и хищно улыбнулась.

— Такая горячность присуща всем молодым женщинам, — сказала она, снисходительно наклоняя голову, — говорить, не подумав. Впрочем, не будем осуждать Джину за жестокосердие. Она слишком юна, чтобы понимать что-либо о браке. Правда, лорд Берингер?

Я взглянула на Райта, рассчитывая на его ответную поддержку, но он изрек:

— Вы, как обычно, правы, ваше величество.

— Так ты подумаешь над моими словами?

— После наших бесед, мне всегда есть о чем подумать, — многозначно произнес он.

Королева едва уловимо усмехнулась.

— Надеюсь, ты составишь мне компанию за ужином?

— Вы прекрасно знаете ответ, — улыбнулся Берингер хищно.

Мне казалось, что эти двое позабыли, что помимо них в комнате находятся люди. Они общались так, будто читали мысли друг друга.

— Печально, — улыбка королевы померкла, — я надеялась, мы обсудим последние сплетни.

Это было то еще издевательство.

— С удовольствием сделал бы это, если бы не конфликт в Мейхете. Но вы же прекрасно знаете об этом неприятном факте, — глаза Райта сузились, — иначе бы сюда не прибыл мой наместник.

Пальцы Генриеты вдруг с неприятным скрежетом впились в подлокотник.

— О, Райт, только не говори, что битва у границ Хегея тебя так обеспокоила? Там же круглогодично гибнут люди...

— Да, разные недоноски из сакрийцев, — выругался Берингер, явно забывая о дамах, — но меня беспокоит не это, ваше величество, а отряд хегейских гвардейцев, переодетых в обмундирование Сакры. Странно, да?

Генриетта молчала, напряженно глядя в лицо Райта.

Мы ничего не понимали, кроме того, что сейчас — перед нами — железная королева сдает позиции.

— Что ты хочешь этим сказать? — вымолвила она обескровленными губами.

— Совершенно ничего. Констатирую факт.

Королева нервно втянула воздух, затем бросила:

— Ну, все довольно. Я утомилась. Оставьте меня.

Это относилось ко всем без исключения, но Берингер продолжал невозмутимо сидеть в кресле, не спуская с королевы взгляда. Она, так же, как и я, и как многие другие, боялась этого дьявола. Всего в черном, широкоплечего, высокого, сильного.

Я вышла на парковую аллею и медленно брела к той самой беседке, в которой танцевала с Эдмундом. Мне казалось, что у всего происходящего есть вполне логическое объяснение — Райта хотят отстранить от двора любым способом, будь то война, спровоцированный мятеж или девчонка, вроде меня. Я заложила за спину руки, задумчиво шагая вперед, как вдруг врезалась в кого-то, а вернее уперлась в чью-то широкую грудь.

— И в каких облаках ты витаешь, девчонка? — спросил Берингер. — Ты чуть было все не испортила.

Я медленно подняла голову, прищуривая один глаз от назойливого солнечного света.

— Королева тоже против нас, так ведь?

Райт, кажется, выругался, бросил по сторонам обеспокоенный взгляд, затем взял меня под локоть, увел к лавочке. Пришлось сесть.

— Она хочет понять, не сговорились ли мы. Пойми, в этом случае ее план провалиться.

— Ее план?

— А ты считаешь, все это придумал Эдмунд? Принц всего лишь пешка на шахматной доске, Джина. Я поклялся защищать его. Это слово чести. Но в верности этой суке я не клялся.

Я едва не упала с лавки. Слишком резко и прямолинейно звучали его слова. Слишком даже для меня.

— Объясните мне, что происходит.

Ему не нравилось, когда я чересчур много требовала. Да, что скрывать, ему не нравилась я.

— Хочу понять, почему они все так вас ненавидят. Все, исключая короля. Если бы я могла объяснить ненависть принца его связью с вашей женой, все было бы логично. Но при чем здесь королева? Чем вы ей не угодили?

Похоже, мои «глупые» вопросы оказались еще и не к месту.

— Прими совет, Джина: не стоит играть во взрослые игры со взрослыми людьми не зная элементарных правил.

— Я не ребенок...

По его губам пробежала усмешка, утверждающая, что Райт считает иначе.

— Я не собираюсь учить тебя, как плести интриги.

Он повернул голову, и, проследив его взгляд, я увидела на аллее Элину, которая искала меня. И увидит здесь... с ним...

Я резко вскочила на ноги, подошла к Райту.

— Милорд, прошу, потерпите, это недолго. Я потом вам все объясню.

Он нахмурился, а я обвила его шею руками, прижалась щекой к мужской груди. Мое сердце в этот момент стучало невероятно громко, и Райт, бьюсь об заклад, слышал этот

вселенский набат. Я встала на цыпочки, мои пальцы скользнули ему на затылок, зарываясь в жесткие волосы. Реакция мужчины была необъяснима: он не двигался, просто мерно втягивал носом воздух. Представляю, как он зол.

— Она ушла? — шепнула я.

Райт ответил мягким, едва уловимым прикосновением к моим волосам, будто попробовав их на ощупь.

— Она ушла, милорд? — повторила я громче.

Горячая мужская ладонь, освобожденная от перчатки, легла на мою талию. Все то же самое происходило и на балу — он тоже касался меня, но... не так как сейчас.

Я отстранилась, боясь посмотреть в глаза советника, но он привычным жестом вздернул мой подбородок.

— Давай договоримся, Джина, — его глаза стали черными, как ночная мгла, — что ты никогда больше не станешь так делать.

Такие предупреждения он отдавал крайне редко. Сразу понимаешь, если нарушишь, проще покончить с собой.

Разумеется, ему было неприятно. Но я должна была убедить Элину, что мы с Берингером милуемся в парке, а не обсуждаем заговор. Пришлось чем-то пожертвовать.

— Клянусь, — заверила его.

— Это ради тебя самой.

Конечно ради меня. О ком еще он будет так беспокоиться?

* * *

Каких усилий ему стоило вынести эти объятия! Если бы знала эта девочка на грани какой катастрофы находится, бежала бы прочь. Берингер не романтик. Его звериное желание может быть опасно.

Хладнокровие?

Он забыл это слово.

— Она ушла? — раздался напуганный встревоженный голос Джины.

Он втянул носом воздух, ловя запах ее волос. Дикий мед...

Эти волосы захотелось потянуть, собрать в кулак, но Райт лишь слегка прикоснулся, ощущая их невероятную мягкость.

— Она ушла, милорд?

Какая разница? Или его девчонка способна думать о чем-то помимо их сверхчеловеческой близости. Соблазняющей близости тел.

Джина отстранилась, и, кажется, ей стало стыдно и... страшно. Снова этот страх — приманка для него. Ее губы — ловушка. Они подрагивают...

Следующую часть их диалога Райт почти не помнил.

Какого черта? Он не монах, не праведник, не давал обетов и зарок. Он просто безумно, остервенело, жадно хотел эту женщину. Всю. С непокорной душой, гибким телом, со всеми пороками и недостатками. И, похоже, королева слишком хорошо его знала, делая ставку на девицу из Хоупса. Да, Райт любил незащищенных девчонок с нором волчицы. И он хотел быть их идолом преклонения, единственным, незаменимым.

— Я вплела в волосы красную ленту, — произнесла девушка.

Ее голос, такой спокойный, сосредоточенный...

— И что?

— Красная лента — сигнал Эдмунду. Мы должны будем сегодня встретиться.

— Да? — ревность, злость, сокрушающее бессилие. — Не забудь взять вино.

Она вскинула глаза. Кажется, рассердилась.

— Берингер, у вас отвратительное чувство юмора.

— У меня много других достоинств, — парировал он.

Она покраснела. Великолепно и невинно. Да, она была невинной. Ее никто не касался.

никто не целовал эти губы. Что будет, если он поцелует их?

— После встречи с принцем, я должна буду увидеть вас, — они задвигались, ввергая его в пучину неконтролируемого желания.

— Хорошо. Это все?

— М...да, — неуверенно. — Вы торопитесь?

Черт побери, да. Еще секунда и играть в игры будет поздно.

— Я занятой человек, Джина.

— Нас должны будут застать... имею в виду...

— Я понял, — резко оборвал он. — Но, по-моему, нас только что видела твоя подружка.

— Элина? Она никому ничего не скажет. А нам нужен кто-то болтливый.

— Прислуга?

Девушка кивнула.

— Но мы должны выглядеть пристойно...

— То есть быть одетыми?

Снова ее щеки горят, но она старательно делает вид, будто разговоры об интимной стороне дела ее ничуть не смущают.

— Что ты подразумеваешь под словом «пристойно»? — коротко усмехнулся советник.

— Вы же понимаете, что изображать чувства нужно очень тонко? Придумайте что-нибудь, но никаких перегибов. Иначе наши отношения будут выглядеть недостоверно.

Райт прекрасно знал способ сделать эти отношения дьявольски достоверными.

— Это все, что ты хотела сказать, Джина?

— Теперь да.

— Отлично, — мужчина сделал несколько шагов в сторону, но ее робкий голосок остановил его.

— Милорд, ваш отряд... то, что вы говорили королеве... вы... вы не уедете в Мейхет?

Райт медленно обернулся — он просто должен был увидеть ее лицо, ее глаза в этот момент.

— Хочешь, чтобы я остался?

Девушка нетерпеливо заламывает пальцы. Понимает, что в его вопросе кроется какой-то смысл, но уловить не может.

— Ты хочешь, Джина?

— Вы ведь единственный, кто...

Снова перебивает:

— Этого достаточно.

Она краснеет, дышит часто и тяжело.

— Так вы останетесь?

— Опять глупый вопрос, Джина, — медленно произносит он, а во взгляде: «Скажи мне,

попроси меня...».

— Я хочу, чтобы вы остались со мной. Вы останетесь?

— С тобой? — он может играть словами вечно.

Райт медленно двинулся к ней — шаг за шагом. И в его взгляде было нечто такое, что заставило девушку отступить.

— Так мы договорились? — вдруг спросила она, упирая ладонь ему в грудь.

Берингер бросил взгляд вниз на ее тонкую дрожащую руку, которая стала преградой между ними. Удержаться невозможно... Его пальцы скользнули по ее запястью, мягко обхватили. Ее широко распахнутые глаза налились ужасом, дыхание оборвалось...

— Что вы де... — о, небо!

Он поднес ее ладонь к губам и поцеловал, глядя в ее глаза. Глядя хищно, дико, яростно.

— Так пойдет, Джина?

— ... ммм... ч-что?..

— Это выгядит пристойно или мне придумать что-то еще? — пока он растягивал слова, хрипло, дразняще, он ласкал подушечкой большого пальца место поцелуя.

Горячо!

— Да... в самый раз... я...

— Может нужно что-то другое?

— Нет.

— Все в порядке, Джина?

— В полном.

— Тогда увидимся ночью, — он отпустил ее руку, аккуратно убрал ей за ухо темную прядку, выбившуюся из прически. — Будешь ждать меня?

Она едва могла прошептать: «Куда ж я денусь?»

Он был настоящим извергом! Деспотом! Тираном!

Я ходила вокруг алтаря в пустой молельне, недовольно бурча. Тихие шаги на входе вынудили меня остановиться и прикусить язык.

— Не хотел вам мешать, леди, но вы, кажется, закончили молитву? — красный бархатный камзол невероятно шел лощенному молодому наследнику. Светлые волосы были собраны в высокий хвост.

— Ваше высочество, — я обернулась, исполнила реверанс.

— Мне доложили, что вы хотите меня видеть, — произнес он, вальяжно облакачиваясь плечом о косяк двери. — Вас так напугала встреча с моей матушкой?

Вопрос в лоб, но я нашла, что ответить:

— Я была опечалена тем, что вы ей ничего не рассказали, — мягко улыбнулась, прикинувшись полной идиоткой, — она пригласила меня к себе вместе с другими девушками и я...

— Леди Джина, — оборвал мою речь Эдмунд, — вам не стоит беспокоиться из-за ее величества. Я же дал вам слово. Неужели клятва наследника крови для вас ничего не значит?

— Конечно, я вам верю, — слегка потупилась, стараясь не переиграть эту «партию». — Но не лучше ли рассказать обо всем королеве?

— Вы полагаете, есть что-то, что можно скрыть от моей матери? О, леди Джина, вам многому предстоит научиться. А самое главное, вам следует научиться смирению. Если я говорю вам, что нужно делать, вы должны делать. Согласитесь, это малая цена за корону.

— Конечно, я полностью согласна.

Черт побери, он не хочет говорить о матери. Умно.

— Как обстоят дела с моим советником? — принц подошел ближе и взглянул мне в глаза.

— Кажется, он меня презирает, — ответила я предельно откровенно.

Эдмунд не сводил с меня светлых прищуренных глаз, пытаюсь понять, способна ли я на ложь.

— Леди, всему свое время. Жаль, что вы пропустили уроки мадам Жизель. Она многому бы научила вас. Хотя, убежден, что Берингер обожает невинность.

Не знаю, удалось ли мне сохранить лицо невозмутимым.

— Запомните, леди, он должен не просто возжелать вас, но и влюбиться.

Это Беринеру не грозит, уж поверьте. Впрочем, я должна была ответить: «Буду стараться, мой принц!»

— Не уверена, что способна вызвать хоть искорку желания в этом чудовище.

— Придется вам постараться, — улыбнулся Эдмунд, когда услышал это слетевшее с моих губ презрительное «чудовище».

Он кротко поклонился и вышел из молельни. А меня продолжала терзать мысль: почему молодой наследник так ненавидит Райта? Из-за женщины? Но у принца полно женщин?

Я покинула храм, направившись в сторону покоев.

Признаться, я начала привыкать к дворцу: к вычурным подъемам, молчаливым завтракам в обществе Эдмунда и претенденток, даже к Мэг Ингрэм, которая тенью ходила за мной. Мрачная камеристка, которая никогда не улыбалась, но могла сразить ядовитым

сарказмом.

— Добрый вечер, леди, — она встретила меня у покоев учтивым выражением лица.

Ее внимательный цепкий взгляд синих блестящих глаз был абсолютно холоден.

— Добрый, — процедила я сквозь зубы.

С каждым новым днем, казалось, права камеристки увеличивались, а мои безбожно уменьшались. Такими темпами, я скоро обнаружу в своих покоях третью кровать...

— Леди Джина, не угодно ли вам посмотреть драгоценности, которые привезли торговцы из Дивона? — спросила она, не меняя ни позы, ни выражения лица. — Его высочество желает сделать подарки всем претенденткам. Кроме того, каждая из леди сможет купить понравившиеся ей украшения, если так будет угодно.

Обычная традиция, которая требовала подготовки. Конечно, мне нужно будет нацепить турнюр, парик и пару лишних юбок, чтобы заполучить безделушку. И конечно, принцу не было до этого никакого дела.

— Где пропадает леди Элина? — холодно осведомилась Мэг, когда мы вошли в покои. — Вас обязательно должна сопровождать компаньонка.

К слову, леди Эртон сегодня была освобождена от обязанностей моей сопровождающей. Очень не вовремя.

— Я дала ей выходной, — сказала беспечно, кривясь, когда девушки затягивали корсет.

— Вы-ход-ной? — произнесла Мэг, не поведя даже бровью. — Очень опрометчиво, леди Джина. Придется мне самой выполнять при вас роль компаньонки.

«Если это заставит вас улыбаться, то — пожалуйста, — ехидно подумала я».

Когда за окном стемнело, и дворец окутал желтоватый свет огней, горничные, наконец, водрузили мне на голову шляпку с вуалью.

— Ваша компаньонка еще не пришла, — с укоризной заметила Мэг, и между бровей у нее залегла морщинка. — Безумие для женщины, дорожащей репутацией.

Мы вышли в коридор, где ожидала стража. Нас сопровождали в парадную залу, где должен был свершиться первый акт спектакля под названием «влюбленный Берингер» и похоронить остатки моего собственного доброго имени.

Когда мы вошли в зал, освещенный множеством свечей, ничего не предвещало катастрофы.

— Поклон, леди Джина, — инструктировала меня Мэг, пока мы шли по залу, — справа лорд Пурье, советник короля и наместник в Таросе, рядом граф Жорж Вокур, третий в очереди на престол, слева его преосвященство Виктор де Мотинье.

Бессчетное множество раз я приседала в книксене, чувствуя, что меня рассматривают, оценивают и выносят вердикт.

— Впереди королева Генриетта Сафская, — шепнула Мэг. — По левую руку от нее лорд де Хог...

Интересно, все эти «де» в фамилиях господ имеют столь же богатую смысловую нагрузку, что и мое «эль».

— По правую его высочество принц Эдмунд.

Как будто я могла не заметить утонченного высокого блондина в красном. Он улыбнулся мне краешком губ.

— Рядом лорд Берингер... Леди Джина, вы побледнели? — шепнула камеристка, и я впервые уловила в ее голосе понимающую улыбку.

Райт был тот же самый — циничный, властный, хмурый — но его внешний вид просто

потрясал. Ворот-стойка белоснежной рубахи, темно-изумрудный дублет с ромбовидным узором, гладковыбритый подбородок, уложенные волосы — он был безумно красив. Мужчина кивнул, и я ответила ему сдержанным поклоном.

— Леди, займите свое место, — строго произнесла Мэг мне на ухо.

У зоны, отведенной претенденткам, я столкнулась с Камиллой и Сибиллой, которые восторженными жестами прокомментировали мой наряд.

Рассевшись, сложив на коленях веера, претендентки ждали даров Эдмунда. К нам поспешили лакеи с ларцами, в которых таились украшения. Словно по команде, мы распахнули крышечки. А вот теперь каждая постаралась изобразить весь спектр чувств от восторга до экстаза, чтобы выразить принцу благодарность. Внутри шкатулки нас ждал браслет с розовыми топазами. Минут десять мы примеряли, расхваливали подарки и лицемерно любовались друг другом.

Затем нам позволено было подняться и прогуляться по залу. Торговцы из Дивона рассыпались между гостями, подзывая любопытных и показывая им сокровища восточных государств.

— Советую вам остерегаться епископа Мотинье, леди, — шелестела рядом Мэг.

Рядом со мной возникли рыжие близняшки, которых, несмотря на скепсис, увлекли украшения.

— Рубин в подвеске принцессы Дивона! Ты должна это увидеть, Джина! — запищала Камилла, получив веером по плечу от сестры.

— Это рубин в подвеске императрицы, — поправила ее та.

— Какая кому разница, Сил. Это стоит видеть.

И они потянули меня к низкой софе, у которой собрались девушки.

Самой яркой любительницей драгоценностей оказалась, конечно же, Генриетта. Она восседала на софе, держа на коленях подушечку, на которой сверкал рубин, имеющий форму вытянутого ромба. Подвеска из желтого золота и столь феерично ограненного камня была триумфальной.

— Мило, — коротко, сухо с лвиной долей сарказма.

Я улыбнулась, услышав эту фразу, этот низкий, рычащий голос.

— Лорд Берингер, — подняла голову Генриетта, — это все, что вы можете сказать, глядя на эту бесценную вещь?

Он пошел вперед, и все расступились, млея от его звериной энергетики.

— Позвольте? — он протянул руку, и королева недоверчиво сощурила глаза, но все же любезно отдала украшение.

— И что вы намереваетесь сделать? — спросила она.

— Купить, — отозвался советник, делая кому-то жест.

Небрежно подцепив подвеску, Райт сжал рубин в кулаке, накрепко завладев. И в этот момент непонятно откуда взявшийся человек подоспел к растерянному торговцу, который еще некоторое время пытался утверждать, что рубин императрицы собственность Дивона.

— Ей невероятно повезло, — фыркнула тихо Камилла.

— Ей? — глухо переспросила я, оборачиваясь.

— Его супруге. Уверена, он осыплет ее драгоценностями, когда она вернется и кинется ему в ноги.

И, стоя между сестрами, я опять не уловила первых признаков конца света, решившего настичь именно меня. Хотя где-то на краю подсознания, я понимала, что рубин может

достаться мне, как знак нашей с Берингером лже-симпатии. Я даже вообразила, что сейчас он подойдет, протянет мне украшение или же нет — наденет его мне на шею — и все вокруг сдохнет от зависти. Но момент истины затянулся — Райт передал подвеску своему помощнику, и тот торжественно покинул зал, оставив присутствующих корчиться в муках от банального любопытства.

Королева тоже была обескуражена. Представляю, как она возненавидела Райта за то, что он завладел вещью, которая оказалась ей по вкусу. В окружении фрейлин, Генриетта медленно поднялась с софы, плотно сжав тонкие губы.

— Лорд Берингер, стоимость этой покупки соизмерима со стоимостью одного из ваших замков в провинции, — вымолвила она тихо, но голос звенел от напряжения, — для чего столько жертв, если украшение никогда не попадет по назначению?

Знаете ли, в монастыре не носят рубиновых подвесок, подразумевала она.

Райт вдруг взглянул на меня, вынуждая мое сердце биться с невероятной скоростью. Если он заявит, что подарит рубин мне, пиши — пропало. Но этих ожидаемых слов никто так и не услышал. Хватило короткого, полного огня мужского взгляда, чтобы очевидность «назначения» подвески стала понятна каждому. Этим взглядом Берингер дал понять, кому именно принадлежит не только украшение, но и его сердце.

Тонко — ох, черт — и так пронзительно-романтично. Он купил это для меня. Он сказал всему миру о своих желаниях, но не проронил ни слова. Он признался мне в любви, но сохранил мою репутацию. И этот взгляд — пленяющий, влюбленный, жадный — этому взгляду покорилась бы любая женщина...

Королева удовлетворенно хмыкнула.

— Джина, — за моей спиной Камиллу разрывали эмоции, — ты видела, как он смотрел на тебя? Боже, да он же пожирал тебя глазами!

Да, он сделал все, как полагается. И я даже попала под его странное мужское обаяние. Если советник хотел, он хотел со страстью и... расчетом. Взаимоисключаемо? Ничуть, если мы говорим о Райте.

Протиснувшись между Сибиллой и Камиллой, которые шипели друг другу о невероятности поступка вечно хмурого лорда-начальника, я прошагала к столику с напитками. Услужливый лакей угостил меня пуншем.

— Как вам нравится сегодняшний вечер? — рядом со мной стоял епископ, Виктор де Мотинье с легкой полуулыбкой на губах.

Как мне этот вечер? Надеюсь, скоро закончится.

— Чудесно, ваше преосвященство, — вымолвила я.

— Как вам Хегей? — высокий, худощавый мужчина со светлыми волосами снова отхлебнул вина.

Хегей? О, здесь всегда что-то случается.

— Всегда мечтала побывать в столице.

— А дворец? Вам не чужды здешние нравы?

Я не позволяла себе хмуриться и кривиться из-за странных вопросов епископа. Светские беседы обязывают, знаете ли.

— Дворец прекрасен.

— А принц? Таков, каким вы представляли его? — улыбка изогнула краешек губ де Мотинье, будто он догадывался, какой ответ готов сорваться с моих губ.

— Даже лучше, — помрачнела я.

— Ваши шансы на трон весьма велики, — отстраненно заметил епископ, трансформируя эту ленивую беседу «ни о чем» во что-то весьма важное.

Однако он единственный, кто говорил ровно то, что думал.

— Полагаете? Я лишь тридцать вторая.

— Это не имеет никакого значения, дитя.

Ох, не знала я, что говорить с Виктором де Мотинье было делом нехорошим. Как не знала, что баланс сил во дворце разбит между королевой, Берингером и епископом, которые никогда и ни за что не уступят друг другу. Хотя, говоря откровенно, та беседа не была бы такой ужасающе опрометчивой, если бы не то, что случилось после. Всего несколько часов спустя...

— Вам понравился рубин? — этот вопрос вызвал прилив крови к моим щекам.

Епископ внимательно глядел на меня, а я на него. И, как ни старайся, я не смогла совладать с эмоциями.

— Супруге лорда Берингера он, несомненно, подойдет.

— Разве только ей? — его улыбка перестала быть мечтательно-холодной, превратившись в торжествующую. — А вам? Как считаете, вам подошла бы эта подвеска?

— Да, — слишком прямолинейно, но что поделать?

— А как вы находите лорда Берингера? Не слишком ли он суров и нелюдим?

— Слишком, — призналась я, — но это не умаляет его достоинств советника, как я слышала. Хотя об этом вам лучше уточнить у его высочества. Я, право слово, ничего не смыслю в политике, — и добавила улыбку: «еще вопросы?»

— Что ж, — протянул епископ, — для девицы это лишь достоинство.

На этом наша ничего незначащая беседа подошла к концу.

Значит, чудовище?

Суров и нелюдим.

Он один играет по правилам или невинная леди эль-Берссо действительно слишком далека от придворных интриг?

Значит, выходной у ее компаньонки, вездесущей леди Эртон?

А доверие? К черту?

Или все было ложью с самого начала? О, как, наверно, потешалась над ним эта маленькая дрянь!

— Ваше сиятельство, она на месте... — Саргол вежливо ждал у приоткрытой двери, как всегда предельно собран и тактичен. Он окинул невозмутимым взглядом хозяина, который сидел в кресле, согнувшись, положив кисти рук на колени.

— Плакала? Напугана? — хрипло спросил Райт, распрямляясь, сжимая между пальцами тлеющую сигару и делая глубокую затяжку.

— Эм... скорее напротив, милорд.

Тяжелый взгляд Берингера скользнул на помощника.

— Что это значит?

— Прокусила руку одному из стражников, пыталась сбежать.

Советник усмехнулся. Ловкая притворщица... Значит, не такая уж невинная овечка.

Он дотянулся до бокала виски, не глядя схватил, жадно выпил огненный напиток до самого дна. Что ж, видеть эту женщину в своих владениях, проникнутых болью и страхом, будет непросто.

Саргол зажег факел, который закадил, стоило им спуститься в подвал. У решетки стоял Аарон, лениво рассматривающий кольца, вбитые в стену, и поржавевшие цепи.

— Что ты будешь с ней делать? Пытать? — спросил он, на ходу присоединяясь к спутникам.

Кажется, наемник брезговал подобными зрелищами.

— Как пойдет, — кривая усмешка искадила и без того хищные черты лица советника.

Саргол же был молчалив. Он услужливо освещал путь, не смея высказать ни капли недовольства или несогласия по поводу действий своего господина.

— Райт, она все-таки женщина...

— Отвернешься, — грубо бросил тот.

Аарон вздохнул, поджал губы.

— Послушай, советник, ты же не можешь быть уверен...

— Послушай, наемник, — надтреснутый от гнева голос Берингера повторяло глухое эхо, — я никогда не ошибаюсь. Ни в этот раз, ясно?

Обреченный вздох Аарона гласил: «Тебе виднее».

Помощник отпер еще одну решетку, пропуская господина и его спутника внутрь помещения, где уже ждал начальник стражи.

— Ваше сиятельство, — отрапортовал он, — все, как вы приказали: без лишнего шума...

Райт безразлично взмахнул рукой, не желая тратить время на выслушивание объяснений.

— Где вы нашли ее компаньонку?

— Когда она почувствовала слезку, попыталась скрыться. Наши люди перехватили ее на постоялом дворе.

— У нее было оружие?

— Кинжал.

— Что-то еще?

— Письмо от епископа. Зашифрованное.

— Где? — и Райт властно протянул руку.

В темнице замешкались, судорожно ища конверт. Начальник стражи протянул послание Берингеру. Саргол поднес огня.

— В какой камере девчонка? — вымолвил Райт, доставая портсигар.

— В двадцать восьмой, ваше сиятельство, вы сами приказали...

— Я помню, — сжимая в зубах сигару, буркнул он, — переведите в пыточную. Кандалы не снимать.

Снова суета и суматоха всколыхнули помещение. Аарон, прижимающийся плечом к стене и подбрасывающий нож, вяло улыбнулся.

— Мы, конечно, недолго знакомы, советник, но я не узнаю прежнего хладнокровного старину-Райта. Поясни-ка мне, что ты хочешь? Прочить женщину? Мы же оба знаем, что ее ждет за измену Хегею, так зачем издеваться?

— Ты, наверно, до сих пор не понял, Аарон, — нарочито медленно вымолвил Райт, пронзая его одним из самых грозных своих взглядов, — я — чудовище... Особенно в этих стенах.

И по твердым шагам этого «чудовища» совершенно очевидно, что он питается юными девами.

Дверь в пыточную была открыта. Леди эль-Берсо усадили на стул лицом ко входу и дали изучить все, что находится в комнате. После этого шансов держать себя достойно у нее явно не осталось. Но, посмотрите-ка, она не думает рыдать, не кричит, не требует объяснений, а внимательно изучает каждый предмет, каждую деталь, будто силясь найти в окружающем хоть намек на возможный побег.

Ложбинка груди в вырезе платья вздымалась от тяжелого дыхания. Завитые волной каштановые локоны рассыпались по плечам, всклокочены на затылке, одна из шпилек запуталась и повисла у виска. На тонких щиколотках, невероятно маленьких и аккуратных, красовались оковы. Девушка подняла голову, услышав уверенные шаги советника. И ее взгляд из затравленного и напуганного быстро трансформировался в остервенело злой.

— Когда вы сказали: «увидимся ночью», — прошептала она тихо, глядя на мужчину исподлобья, — я ждала чего-то более романтического.

Ее голос не дрожал и не обрывался, а, значит, она дошла до такой степени отчаяния, что забыла про страх. Да, именно так, ведь ее привели сюда силой, поймав в дворцовых коридорах, когда она с Мэг возвращалась в покои.

Райт наблюдал за ней, любовался ею сверху вниз, видя, как от бессильной ярости подрагивает ее верхняя губа.

— Даю тебе последнюю возможность, — прошептал Райт, бросая сигару, опускаясь перед девушкой на корточки и хватая острый подбородок: — читай!

Письмо, которое некоторое время назад передал ему начальник стражи, оказалось перед ее глазами.

— Сначала объясните мне, что происх...

— Читай, — настойчиво и холодно, — пока я еще добрый.

— Вы никогда не бываете добрым, — проговорила она, глядя на лист бумаги.

— Внятно и медленно, Джина. Так, чтобы я слышал каждое слово. Поняла?

— Да, — со злостью выплюнула она, начиная: — Два стакана молока взбить и перемешать с горстью клубники или земляники... — вскинула глаза, которые бешено сверкнули: — Берингер, вы издеваетесь? Что это?

— Читай дальше, — невозмутимо произнес он.

Она бросила взгляд на бумагу, затем на него.

— Не буду я это читать. Вы с ума сошли? Какого дьявола ваши люди на меня напали?

— Не будешь? — кажется, Райт слышал только это. — Так уверена?

— Да.

— Повтори еще, — его взор неотрывно следил за ее губами.

— Хоть тысячу раз. Да! Да! Да!

Он усмехнулся, будто только и ждал проявлений ее неповиновения.

— Саргол! — позвал, повернув голову: — Веревку мне! И оставьте нас одних!

Глаза девушки расширились, она хватанула ртом воздух, закусил губу.

— Ч-что? Зачем веревка? Ми... милорд... Берингер, что вы... Райт, я...

Наблюдая за тем, как мужчина взял веревку, как стража покинула пыточную и единственная дверь перед девушкой захлопнулась, Джина всхлипнула.

— ... не надо...

— Так надо или нет, дорогая? — усмехнулся советник, заходя ей за спину. — Руки!

— Что?

— Руки за спину.

— Вы... вы что... это серьезно?

Он наклонился и прошептал ей на ухо:

— Руки за спину, я сказал.

— Вы что меня свяжите? — кажется, ее посетила пугающая догадка. — Берингер, вы мерзавец... — прошипела она, покорно исполняя приказ. — Это вам не пройдет даром. Клянусь.

Сначала к ее запястьям прикоснулись мужские ладони. Теплое, ласковое, почти благоговейное прикосновение, обжигающее кожу.

— Как давно? — горячий шепот раздался над ухом. Нет, не так... Берингер коснулся губами ее волос, приводя девушку в замешательство.

— Не понимаю, что...

— Шшш, — кончики пальцев выписывали узоры на ее обнаженных плечах. — Как давно? И сколько это стоило? Назови свою цену, Джина.

Этот проникновенный, властный, глубокий шепот и движения его рук приносили настоящую муку.

— Говори, — коротко, резко на выдохе. Хорошо, что Райт не видит ее лица.

Все его тело напряжено, каждая мышца ноет от усталости и жажды. Он уперся ладонями в спинку ее стула, нависнув на ее ухом, слыша ее прерывистое дыхание.

— Я жду, Джина. Но учти: терпение у меня не железное.

— Я ничего не понимаю. Но знаю, когда вы осознаете, какой вы жалкий кретин, будет уже поздно. Потому что я говорю правду.

— Твой отец получил несколько тысяч золотых лир, милая. Деньги от Виктора де

Мотинье.

Она вскинула голову, неплохо разыграв изумление. Главное: не смотреть в ее темные миндалевидные глаза. Райт стиснул спинку стула, наклоняясь ниже:

— Лучше бы тебе рассказать обо всем самой, Джина, потому что каждое произнесенное мною слово обойдется тебе слишком дорого.

— Прекратите, Райт! Пора бы уже понять, что я ничего не знаю ни про деньги, ни про вашу дурацкую записку.

Ее упрямство не доведет до добра, потому что Берингер умел ломать любые «преграды». И его не заботили методы.

— Скажи, когда передумаешь. Договорились? — усмехнулся он, затягивая узел на ее запястьях.

— Что вы собираетесь делать? Не будете же вы меня пытаться? Берингер?

— А что мне помешает? — закончив, он обошел стул, встав перед ней. — Ну как? Еще не передумала?

— Посудите здраво, милорд. Разве у вас есть прямые доказательства против меня? Вы посчитали, что меня могли купить задолго до моего приезда в замок. Так?

— Начинаешь соображать, — вымолвил он, обхватывая ее за плечи и поднимая на ноги.

— У вас есть записка... Это шифровка, верно? И как назло, тоже против меня. И все это связано с епископом. Так?

— Это ты мне расскажи: так или не так, — произнес Райт.

— Что еще у вас есть против меня? А? — она без робости взглянула в его глаза. — Подумайте...

— Милая, если бы я верил всем, стал бы я начальником тайной канцелярии, как думаешь?

— Но я говорю правду.

— В этих стенах я слышал подобное не раз и даже не два, — Райт склонил голову, изучая ее лицо. — Единственное, что я усвоил, что женщинам, вроде тебя, нельзя верить.

Он взял стул за спинку и переставил к стене. Теперь Джина стояла посередине комнаты: руки связаны за спиной, ноги скованны цепями. И она была такая маленькая, трогательная и напуганная.

— Берингер, прошу — поверьте мне! — зашевелились ее побледневшие губы.

— Я знаю, кому выгодна смерть Эдмунда, — произнес он, медленно ходя по кругу, — но мне нужны были исполнители. А я всегда нахожу то, что ищу. Правда, тебе все-таки удалось некоторое время морочить мне голову, и я даже поверил, что ты можешь быть не при чем.

— Я действительно не при чем.

Берингер усмехнулся.

— Вижу, тебе сложно понять, девочка, что за каждое слово, которое вылетает из этого рта, — мужчина схватил ее за подбородок, сжал пальцы, вынуждая ее губы выпятиться вперед, — придется ответить.

Она не смела вздохнуть. Цепи но ногах жалобно звякнули.

— Чего же ты молчишь, милая? — его глаза сверкали гневом. — Расскажи, как ты потешалась надо мной, изображая из себя невинную овечку. Ну же, Джина!

Вот теперь она испугалась по-настоящему. Кажется, поняла, что сейчас он безумно опасен. Сейчас Райт и в самом деле походил на цепного пса, готового вопреки ненависти и

презрению, наперекор принципам, пойти на самое настоящее преступление.

— Ты же прекрасно знаешь, что ты делаешь со мной, так ведь, маленькая лгунья? — приближая свое лицо к ее пылающему лицу, — и уверен, до недавнего времени это тебя забавляло, правда? Этакая скромная невинная девочка...

Она молчала, потому что не могла выдать ни слова. И правильно: любое ее движение, а особенно движение этого чувственного рта лишили бы его остатков самообладания.

— Я же предупреждал тебя, чтобы ты держалась от меня подальше, верно?

— Райт... — фатальная ошибка! Она не успела договорить.

Его реакция была молниеносной. Горячий грубый, почти болезненный поцелуй обжег ее губы.

* * *

Было лишь одно обстоятельство, которое заставило меня, ничем не примечательную девушку из Хоупса, только раз в жизни испытать гамму всех самых мрачных, болезненных, губительных эмоций — близость этого мужчины. Его звериный, полный пренебрежения, страсти и порока поцелуй стал для меня первым. Тем, что любая девушка должна запомнить навсегда. Райт терзал мои губы с настойчивостью изголодавшегося животного, пока я не сжала зубы. Райт отпрянул, шипя от боли.

Видя, как он подносит тыльную сторону ладони к губам, стирая кровь, я предполагала, что это и есть конец всей моей жизни. Однако, мужчина довольно резко схватил меня за руки, срезал веревку, затем присел передо мной, снимая цепи с щиколоток. А я поняла, что рыдаю — беззвучно и горько.

— Что вам еще от меня надо? — от каждого его прикосновения, я хотела сжаться в комок.

Зато теперь я свободна, но не шевелюсь, и Берингер тоже не двигается. Кажется, ему неприятны мои слезы. Более того, он просто не выносит их.

— Я не стану извиняться, — произнес он мрачно, извлекая портсигар.

— К черту ваши извинения! Уверена, вам понравилось.

— Не стану спорить, — он закурил, водя кончиком языка по прокушенной губе.

Это движение, его набухшая губа, его лицо, которое еще пылало страстью, ввергли меня в пучину ужаса.

— Что дальше? — бросила с вызовом. — Что еще сделаете, чтобы я призналась во всех смертных грехах?

— Я и так знаю все о твоих прегрешениях, — отозвался он, делая несколько торопливых затяжек и сразу туша окурок о стену узилища, — хотелось просто услышать правду от тебя, Джина. Но, видимо, каждый из нас останется при своем.

— И что же? Не будет каленого железа, кнута и щипцов?

— А надо? — он повернулся, смерив меня взглядом. — Могу устроить.

Я промолчала. Не могу долго смотреть в его глаза. Вообще, не могу смотреть на него! Ни сейчас, ни потом, никогда.

— Я свободна?

— Свободна? — переспросил он, ухмыляясь. — Нет. Измена королю и его семье карается...

— ... смертью, — вымолвила я глухо. — Тогда сделайте одолжение, лорд Берингер, зачитайте, наконец, обвинение.

Я наблюдала, как советник с присущей ему надменностью, опускается в кресло, находящееся напротив моего. Нас разделял кованый столик, на котором стояла открытая бутылка вина и два бокала. Теперь все, что происходило ранее: темный подвал, пыточная, душающий жаркий поцелуй, казалось чудовищным кошмаром. Разве это было? Хотя, признаюсь, я никогда не смогу забыть того, что сделал Райт.

— Ну что, Джина? — раздался его спокойный голос.

Страсть, которая его испепеляла, была сведена на «нет» колоссальными усилиями.

— Жду ваших обвинений.

Я понимала, насколько серьезна ситуация и критично мое положение. Я догадывалась, что у советника есть доказательства моей причастности к заговору против Эдмунда, но я не понимала, кто мог подставить меня. Может, Мэг, которая последнее время, оббивает порог моей комнаты?

— Попытка убийства наследника Хегея, — видимо, Берингер начал действовать без утаек. Да, пожалуй, так будет лучше для нас обоих.

Он облокотился на спинку кресла, склонил немного голову и приблизил бокал к губам. При этом его взгляд скользил по мне, как жгучий солнечный луч. И это было неудивительно, потому что выглядела я отвратительно. Впрочем, в этом была его вина.

— Доказательства? — спросила хрипло, зная, что они у советника есть.

— Переписка Мотинье с лордом эль-Берссо, двадцать пять тысяч лир, которые перешли во владения твоего отца после твоего отъезда, показания леди Эртон, твоей компаньонки, которые, поверь, не идут тебе на пользу, и шифровка от епископа. Что же еще? — он театрально почесал подбородок. — Ах, да, твое вездесущее поведение и снотворное в бутылке с вином, которое едва не угодило в руки принца. Но это мелочи. Настоящие доказательства я обязательно предоставлю тебе, моя дорогая, когда сюда привезут твоего отца.

— М...моего отца?

— Никак не могу обойтись без него, — усмехнулся Райт.

— Что его ждет? — выпалила я, сжимая подлокотники кресла.

Советник медленно отпил вина, издал шипящий вдох, когда алкоголь коснулся прокушенной губы. Эта метка давала нам обоим повод не забывать о случившемся.

— Его ждет встреча со мной, — коротко ответил он.

— А с мужчинами вы более словоохотливы, так ведь?

Глаза Берингера сощурились, в них снова полыхнули опасные искорки.

— Надеюсь, он тоже не прочь со мной поболтать, — произнес с сарказмом, — иначе мне придется его заставить.

— Знаете, что, — меня душил спазм страха, но я продолжала говорить: — когда вы выясните всю правду и поймете, насколько заблуждались, я уже никогда — слышите, никогда — не прощу вас.

Райта позабавили мои слова. И с какой стати я решила, что ему нужно мое прощение?

Мужчина снова наполнил бокал, устало облокотился на подлокотник, не спуская с меня глаз. И я спросила:

— Где моя компаньонка?

— Рад, что тебе это интересно. Если тебя устроит такой ответ, то она жива.

— Не устроит.

— Леди Эртон наслаждается видом одиночной камеры в темнице. За пособничество в преступлении против королевской семьи она отправится на плаху.

Я нервно сглотнула. Мысли прокручивались в голове по кругу. Я искали зацепки, пыталась понять, когда все это началось и каким образом пришло к подобной развязке. Кому выгодно убрать меня из игры? Епископу?

— Когда вы узнали?

— После истории со снотворным я отправил своих людей в Хоупс, — увидев, как мое лицо изумленно вытянулось, Райт произнес с легкой улыбкой: — Я никому не доверяю на слово, милая. Так вот, мои люди прибыли несколько часов назад с соответствующим донесением.

— А как же Элина?

— С ней было сложнее. Шифровки от епископа и раньше попадали ко мне, но сейчас они стали более конкретными. Я приставил к тебе своих людей. В частности Мэг Ингрэм.

Я слушала молча, но каждое слово оставляло рану у меня на сердце.

— Твоя компаньонка созналась, — продолжал Берингер, — она оказалась куда умнее и не стала отрицать очевидное.

— Значит, теперь меня казнят? — тихо спросила я, опуская голову и глядя на свои сжатые в кулаки руки.

— Неизбежно.

— Вы доложите принцу?

— Да.

Может, тот, кто подставил меня, добивался именно этого. Хотя кто знает, что в головах у местных интриганов?

Я старалась не принимать на веру все, что было сказано Райтом. Потому как это было слишком болезненно. Я не могла поверить в то, что меня предала Элина, что мой отец продал меня за двадцать пять тысяч, что я стала разменной монетой в войне знати.

— Хорошо, — вдруг произнесла я, — и что теперь? Вернете меня обратно за решетку?

Кабинет Райта был просто райским оплотом по сравнению с темницей. Впрочем, я знала, что поднялись мы сюда ненадолго.

— У меня есть другие варианты? — мужчина взглянул на меня так, будто я должна была сказать: «Да, спаси меня, и я буду твоей навечно!» Чушь, конечно, просто показалось.

— Меня будут судить?

— Формально, да, — произнес он, опустошая второй бокал, — по факту, нет.

— А потом?

— Отсечение головы. Благородная смерть для аристократов.

Я дрожала. Но мое состояние сейчас играло последнюю роль.

— И здесь тоже без вариантов?

— Если только выпить яд. Но отсечение головы быстрее, и не так болезненно.

Его тон — хладнокровный, спокойный, выдержанный — стирает передо мной все грани терпения. Я готова рыдать снова, но лишь чудо удерживает меня от этого позора.

— Берингер, я ни в чем не виновата. Посмотрите на меня, — говоря это, я вскинула голову, и наши взгляды соприкоснулись, — дайте мне шанс.

— Поверить? — почти оскорбленно произнес он. — Милая, как только я увидел тебя, я

понял, что тебе ни при каких обстоятельствах нельзя верить.

Я задыхалась от волнения, потому что хотела сказать:

— Я не такая, как Стелла.

— Ты именно такая. И в этом вся проблема, — отреагировал Райт деланно спокойно. —

Не стоило затевать все это, Джина. Такие игры хорошо не заканчиваются.

Молча я потянулась к наполненному бокалу, зная, что советник внимательно смотрит. Сделав несколько больших глотков, я прикрыла веки, пытаюсь совладать с дрожью и принять неизбежное: он меня ни отпустит, ни спасет, ни скажет что-то типа: «я постараюсь что-нибудь сделать», или «я что-нибудь придумаю». Берингер изначально был моим главным злейшим врагом, о котором я и не догадывалась, наивно ища в нем защитника, а может и друга. Но он не верил никому, никого не прощал, никогда ни о чем не сожалел. Он принимал решения. «Да» или «нет». И сейчас он принял очередное взвешенное решение, он однозначно и бесповоротно лишил меня всякой возможности выжить.

— Не смею вас больше задерживать, лорд Берингер, — оборонила я, полагая, что он ждет не дождется, когда меня уведут.

Его взгляд острой сталью скользнул по моему лицу.

— Считаешь, все, что происходит, доставляет мне удовольствие? Или меня радует перспектива твоей смерти? Эта гребаная ситуация хуже занозы в заднице.

С некоторых пор я стала веской фигурой на «шахматной доске». Возможно, для целей игры мне лучше сохранить жизнь. Но лишь из практических соображений.

— Я не знаю, что вас радует и что доставляет вам удовольствие, милорд. Мне лишь кажется, что мы больше не союзники.

Кажется — это слабо сказано.

Райт тихо рассмеялся, снова наполнил бокал. По-моему, он хотел хорошенько надраться, прежде чем объявить мне, что это действительно конец всему. Шансов нет.

— Джина, я хочу, чтобы ты сказала мне правду. Мы оба знаем, что так будет лучше.

— Я уже сказала вам правду.

Советник некоторое время сидел, обхватив бокал руками и глядя на мерцающие грани хрустала.

— Тогда последний вопрос, — проговорил мужчина, не поднимая головы: — Ты хочешь жить?

А был ли выбор? Мое сердце разрывалось, кричало, молило.

— А вы? — голос осип. — Захотели бы жить, если бы вас предали близкие и родные, если бы жизнь превратилась в сущий ад, если бы имя и репутация были растоптаны?

Этот вопрос вынудил его поднять на меня взгляд, полный невообразимых, переменчивых эмоций.

— Я знаю, что такое предательство, милая. И я сейчас говорю не о Стелле. Есть вещи гораздо серьезнее, чем женская неверность, поверь мне.

— Тогда не задавайте больше глупых вопросов.

Его печальная улыбка послужила ответом.

— Сейчас тебя отведут в камеру. Ты пробудешь там несколько дней. Если дело решится без твоего участия, приговор тебе зачитают, — и он бросил в сторону дверей: — Саргол! Увести.

Этот приказ стал отправной точкой в наших взаимоотношениях «палач — жертва».

— Она не лжет, — проговорил советник, облакачиваясь на спинку кресла и потирая виски.

Аарон стоял у окна, наблюдая за размеренным течением облаков по небу. Рассвет был крайне впечатляющий.

— Думаешь, ты ошибся?

— Я не ошибаюсь, — донеслось рычащее из кресла. — Это чертова катастрофа, мать ее. Эта девчонка мне нужна. Нужна живой.

Раздался звук разбившегося стекла. Аарон обернулся, видя как рука, свисающая с подлокотника, раздавила бокал, и по пальцам потекла смесь вина и крови. Но наемник даже не шелохнулся, спокойно отвел взгляд в сторону.

— Помнишь, я сказал, что у меня к тебе будет последнее задание, Аарон? — уже спокойнее проговорил Райт, разжимая ладонь. Хрусталь осыпалась на пол осколками.

— Да.

— Ты пошел на службу дому Лефер только потому, что мы предполагали, убийца, нанятый епископом, будет в числе слуг Розетты. Теперь мы знаем, что это не так. Так вот, слушай, Аарон, внимательно и запоминай: Элина Эртон была нанята епископом три года назад. Три года назад он знал, что Джина станет претенденткой на корону. Три года Мотинье ждал подходящего момента, напичкав ее дом своими шпионами.

Наемник слушал, не отрывая взгляда темно-рубиновых глаз от своего господина.

— Но Мотинье дал приказ на убийство Эдмунда не сразу. Возможно, его цель изменилась, — уже почти шептал Берингер, сжимая и разжимая пораненную осколками руку. — Бегство леди Эртон тоже было не случайным. Она будто решила бросить Джину, когда удостоверилась, что мы с ней любовники. Покупка той подвески... Проклятье...

Он сжал кулак и поморщился от боли.

— Я должен был что-то понять из всей этой болтовни? — невозмутимо поинтересовался телохранитель. — Это что увеличит срок моей повинности? Ты обещал отпустить меня...

— Заткнись, Аарон, — резко оборвал Райт, поднимаясь. — Сегодня можешь послать леди Лефер к чертовой матери. У тебя новое задание, и не переживай, оно тебе понравится.

— Вряд ли.

— Могу пообещать, что это ненадолго.

— Слышу не в первый раз, — поймав на себе грозный взгляд советника, наемник поспешил добавить: — Хорошо, не начинай... Что нужно делать?

— Во-первых, убрать «хвост», который ходит за мной уже почти два дня. Это человек королевы, поэтому сделай ей одолжение — никакой крови. Пусть этого ублюдка никогда не найдут.

— Наконец, что-то стоящее, — с сарказмом отозвался Аарон.

— Рад угодить, — бросил Райт небрежно. — Второе: мне нужен лорд де Хог. И это твое самое важное задание. Бесшумно, тихо и очень аккуратно.

— Оставить его в живых?

— Более того, ни один волосок не должен упасть с его головы. Я хочу лицезреть этого лорда в Лауртане уже завтра.

— Невыполнимо, — попробовал возразить наемник, но Райт произнес:

— Постарайся, Аарон. Я не торгуюсь, учти. Завтра я хочу его видеть, и будет чертовски плохо в первую очередь для тебя самого, если я его там не найду.

Спорить с самим дьяволом в человеческом облике — идея крайне неудачная, поэтому наемник лишь стиснул зубы.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, — вымолвил он, покидая комнату, — потому что — это не просто произвол, это объявление войны принцу и его мамаше.

— Он переживет, а его мать, надеюсь, нет, — зловеще усмехнулся советник.

* * *

Я сидела на жесткой кушетке, гордо выпрямив спину. Не раскисать!

Старалась не прислушиваться к стенаниям за соседней стеной.

Старалась не думать, что у меня всего пара дней перед казнью.

Мерно втягивала воздух носом. Вдох-выдох... вдох... выдох... Спокойствие, умиротворение, никаких неудобств. Подумаешь, я в камере, где полным-полно грызунов, многоножек, жуков и плесени. Это не так страшно. Не так страшно, говорю!

И неважно, что я до чертиков боюсь пауков, один из которых сейчас свисает с потолка. Я наблюдаю, как это безобразное многоногое создание потихоньку спускается на паутинке, и сдерживаюсь из последних сил, чтобы не вскочить и не закричать. Кто знает, может это членистоногое ползет ко мне за каким-нибудь важным делом? Съесть сидящего рядом со мной мотылька, например? И главное сейчас попросту его не замечать. Не замечать, говорю. И даже не смотреть на него.

Неосознанно дергаю плечами «брр», отпугивая сидящую у моей туфли мышь. Какого дьявола?!

Спокойствие... вдох-выдох... вдох...

Краем глаза замечаю движение многоногого убийцы, который завис напротив моего лица. «О, всевышний, лучше умереть прямо сейчас!» Зажмуриваю глаза, прислушиваясь к биению сердца и бормочу:

— Ненавижу тебя... ненавижу жалкий подонок, скотина, лицемер... надеюсь, ты узнаешь об этом, Райт... надеюсь, когда-нибудь ты окажешься на моем месте... надеюсь, — замолкаю, потому что этот поток брани ни кому не принесет пользы.

Еще несколько дыхательных упражнений, и мне удастся привести сердцебиение в норму. Я распахиваю глаза в надежде, что паук испарился, и вжимаюсь в стену.

— ...ты умрешь сегодня.

У меня сердечный приступ, честное слово. Я, кажется, брежу.

— Ч-что?

— Одевайся, — мне в руки прилетел плащ.

Не двигаюсь. Скажу больше, я разгневана, обескуражена, вымотана. Я устала от интриг, вечной недосказанности, недоверия, грязных бесчестных игр.

— Ты не слышишь меня, Джина. Я приказал тебе одеться. Или ты хочешь остаться здесь?

До меня с трудом доходило, что Берингер говорил именно со мной, и что он, вообще, сюда как-то проник. Посмотрев на дверь, поняла, что он попросту воспользовался ею, а не

прошел сквозь стену.

— Уже пора? — я не могла сопоставить две вещи: наш последний разговор и его визит. Слишком сложным и непонятым мне казался повод, заставивший его сюда прийти. — Почему так рано? Разве уже все решилось?

— Решилось. Поднимайся.

О, нет. Я не могу. Я не пойду. Черт побери, я ничего не сделала!

Покачала головой, видя, как Берингер хмурится. Правда, сейчас меня заботило лишь мое собственное благополучие, а не его недовольство.

— Милорд, я еще не готова.

— Одевай плащ, Джина, и пошли. У меня нет времени.

Чертов бесчувственный зверь.

— Я могу помолиться?

Он вскинул бровь. Удивился мерзавец.

Не дожидаясь ответа, я плюхнулась на колени, сложила руки и взглянула в облупившийся потолок. Райт замер. Растерялся изверг... Шевеля губами, я исподволь глядела на рукоять кинжала, висящего у него на поясе.

— Ты закончила? — пробубнил он, когда я прикрыла веки.

— Угу, — сделала глубокий вдох, прежде чем решиться: — Помогите мне подняться, — и протянула руку в его сторону.

Райт хоть и был человеком бессердечным, но не отказал. Он подошел, беря меня за кончики пальцев. И в этот момент я резко выхватила его кинжал.

— Назад! — процедила сквозь зубы. Терять мне было нечего.

Сказать, что советник удивился — это ничего не сказать. Его зрачки расширились, ноздри принялись раздуваться. Он, мягко говоря, обалдел от подобной выходки.

— Смело, — совладав с эмоциями, произнес мужчина. — И глупо. На что ты рассчитываешь, девочка?

Взрослый, сильный, умелый воин, который своими огромными ручищами передумил ни одного врага... на что я рассчитываю, спрашиваешь? Собственно, ни на что. Так, схожу с ума.

— Убью тебя! — выпалила я первое, что пришло на ум.

Райт усмехнулся, совершенно спокойно сложил на груди руки.

— Что ж, давай.

Бесстрашный цепной пес! Он обезвредит меня быстрее, чем я моргну. И это понятно нам обоим.

— Я не хочу умирать. Я готова бороться за свою жизнь. Пусть вот так, тщетно, глупо, но я делаю все, что могу. И если ты подойдешь... если ты сделаешь хоть шаг, клянусь, я буду биться до конца.

О, эта горячая речь его рассмешила. Я почувствовала себя жалкой, несчастной дурочкой.

— Джина, мы оба знаем, чем все может обернуться, если ты начнешь размахивать передо мной оружием. Я конечно не против, можешь поддержать, но смотри, не порежься.

Захотелось выть от отчаяния.

— Немедленно дай мне пройти! — выпалила я, полагая, что он уступит, но Райт даже не двинулся с места.

— За этой дверью полдюжины моих людей.

— Вот и отлично. Будут свидетели.

Мужчина окинул меня с головы до ног. Да, я опять тряслась, вздрагивала, нервно сдувала пряди волос, падающие на лицо. Я не была похожа на грозного убийцу, и Райт совершенно не воспринимал меня всерьез.

— Я лучше убью себя прямо сейчас, чем... меня обезглавят...

— С чего ты взяла, что я пришел за этим?

— Вы сказали, что я умру сегодня, — прокричала, глядя ему в глаза.

Он некоторое время молчал, затем сказал сквозь улыбку.

— А ты точно туга на оба уха, девочка. Я сказал: «ты уйдешь сегодня».

— ...??!

— Ты уйдешь сегодня со мной, Джина. И никто тебя не тронет, даю слово.

— м...го...пло... — жевала я слова, чувствуя, что меня покидают силы.

Райт вдруг сделал шаг вперед, но — черт — лучше бы он стоял на месте. Я была слишком напугана, озлобленна и недоверчива для таких маневров. Он не успел закрыть лицо, однако, сразу отбросил мою руку. Кинжал упал на пол, а из тонкой алой полоски на скуле советника засочилась кровь.

— Дьявол, — глухо выругался он, затем взглянул на меня, смертельно побледневшую, коснулся раны, взглянул на пальцы, окрашенные кровью. — Еще один шрам, черт бы его побрал. Это будет сложно объяснить при дворе, не находишь?

Шрам, который оставила на его лице женщина.

— Я же сказала, чтобы ты не подходил. Я предупредила...

— Да. И как я только пропустил это мимо ушей? — усмехнулся он. — Ладно, Джина, будем считать, что мы квиты, — извлек платок и прижал к ране.

Квиты? Эта царапина на щеке против шрама на сердце? Ни за что.

— Так вы признаете, что ошиблись?

— Нет. Я признаю, что слишком поспешил с выводами.

— Я свободна?

— Нет.

— Я под стражей?

— Нет.

Знал ли он сам, чего хочет от меня?

— Вы даже представить не можете, что я испытала за этот день! — сорвалась на крик. — Я успела попрощаться с жизнью! Я думала, что умру! И сейчас вы говорите, что поспешили с выводами? Вы? Говорите это мне? — я подошла к нему, резко толкнула плечом, протискиваясь к выходу и понимая, что он не смеет меня остановить. — Пусть только кто-нибудь из ваших псов посмеет снова ко мне прикоснуться, Берингер! Пусть только посмеют! Чтоб вас всех!

Я резво шла к выходу, понимая, что еще настанет тот день и час, когда этот мужчина будет молить меня о прощении.

— Даже не думай! С этих самых пор все будет по-другому.

Это я сказала Мэг, когда встретила ее в своих покоях. Женщина стояла у окна. Видимо, ждала меня.

Что-то во мне перевернулось, исчезло, испарилось, как туман. Понимание ситуации, череда событий, последствия и причины — все складывалось, как мозаика. Мой отец продал меня епископу три года назад, моя лучшая подруга Элина — хладнокровная лживая кобра, моя жизнь — игра для коронованных особ, мой удел — одиночество и месть.

— Принцу стало известно о вашем аресте, — отчеканила леди Ингрэм. — Я должна была предупредить вас...

Я подошла к окну, отдернула занавеску, наблюдая, как по дворцовому парку снуют садовники.

— О, благодарю, — холодно и ядовито оборвала ее идеально-вежливую речь, — это очень ценная информация.

— Вам нужна ванна, — почему-то отметила она беспристрастно, оглядывая мой потрепанный наряд, — я распоряжусь...

— Послушайте меня, Мэг, — мой тон не оставлял ей шансов избежать этого разговора: — Я знаю, для чего вы здесь. Не нужно делать такое удивленное лицо, мы мило побеседовали с советником по поводу вашей роли в этом спектакле. И чтобы вы знали: да, мне действительно нужна ванна, но, черт возьми, никто — больше никто! — не посмеет указывать мне, что делать. Надеюсь, вы это усвоите?

— Да, леди, — удивленно, но покорно отозвалась Мэг.

Когда ванна была наполнена, и я блаженно опустила в горячую воду, моя голова усердно работала. Не было места истерике, слезам, страху. Я стояла на волосок от гибели не только пару часов назад, но находилась в опасности до сих пор, поэтому я должна действовать. Впереди еще несколько недель сезона сватовства и никуда мне не деться из дворца. Может, не первый и не последний раз я готовилась к смерти?

Облачившись в чистое платье из светло-синей парчи с вышивкой, я изволила встретить лакея. Плевать, что конверт, предназначенный Эдмунду вскрыют, в нем было всего три слова: «Прошу о встрече».

— Не угодно ли вам отдохнуть? — поинтересовалась леди Ингрэм, видя, что я села на софу и сложила на коленях руки.

— Нет, — я полагала, что ответ принца не заставит ждать, и не ошиблась.

Хоть было раннее утро, Эдмунд был на ногах, его светлые волосы собраны в изящный высокий хвост.

— Леди Эль-Берссо, — встретил он меня улыбкой, — я слышал, что...

— Знаю, — мой небрежный реверанс вызвал гримасу изумления на породистом лице, — уверена, вам доложили, где именно я провела эту ночь, мой принц. И давайте оставим все ваши сожаления на потом, я пришла затем, чтобы расставить все точки над «и».

Эдмунд был похож на споткнувшегося котенка — недоумевающего и страшно раздосадованного. Ему не понравилось, что я нарушаю все мыслимые и немыслимые правила.

— Леди Эль-Берссо, — начал он, стараясь придать голосу твердость, — я обязательно

разберусь во всей этой истории.

— Не утруждайтесь, ваше высочество, — оборвала его не менее твердо, — я пришла не для того, чтобы пожаловаться. И не затем, чтобы закатывать вам истерику. Ни тем, ни другим я ничего не добьюсь.

Принц ровным счетом ничего не понимал, и явно хотел поинтересоваться, что же тогда мне нужно.

— Моя компаньонка находится в тюрьме, моего отца везут в Хегей, — перешла я к сути, — мое положение здесь настолько плачевно, что все наши договоренности можно считать недействительными. Я не настаиваю. Мое желание стать королевой было не больше вашего желания на мне жениться. Мы оба преследовали определенные цели. Сейчас моя цель изменилась.

Принц глядел на меня так, будто я взялась перевернуть землю. Не без доли наивного восхищения. Таким взглядом провожают отчаянного смельчака, решившего в шторм плыть против течения.

— Присядьте, думаю, разговор будет долгим, — по его губам скользнула понимающая улыбка.

И я выдохнула. Кажется, еще не все потеряно.

Мы сели друг напротив друга в глубокие кресла с красной обивкой. Красный, вообще, невероятно шел Эдмунду. Он сложил ладони, поднеся указательные пальцы к губам, и выжидающе посмотрел на меня.

— Хотите меня о чем-то попросить?

Осознание собственной власти ему очень нравилось и... очень его портило.

Конечно, он понимал, что я пришла не для того, чтобы рассказывать о своих злоключениях. Принц уже знал о них. В частности, о предательстве моего отца и о роли в покушении Элины. И он прекрасно понимал, что других поводов прийти, у меня просто нет.

— Да, хочу.

— Леди эль-Берссо, в вашем положении это не совсем уместно. У нас был уговор...

— Я помню, — коротко обронила я, не спуская с мужчины взгляда, — поэтому я пришла заключить новый. Взамен я попрошу о свидании с моей компаньонкой.

— У вас есть, что мне предложить?

Я готовилась к этому вопросу, ждала его, просчитывая наперед ходы. Все было вызывающе просто.

— Да, ваше высочество. Себя.

Он сощурил светло-серые глаза, а на губах расцвела торжествующая улыбка.

— Когда я получу это?

— Как вам будет угодно.

Эдмунд вздохнул, удобнее устроился в кресле, и я поняла, что момент истины настал.

— Вот только боюсь, — тихо, проникновенно сказала я, — это не понравится вашей матери.

Усмешка тотчас сбежала с его лица. Он недоуменно заморгал глазами.

— Не понимаю, при чем здесь...

Моя скептическая улыбка не дала ему договорить. Принц сомкнул губы, тяжело сопя от возмущения.

— Мой принц, — сказала я нарочито мягко, — вы сами говорили, что ничего не ускользает от внимания вашей матери. Мне кажется, она будет против того, чтобы я

встречалась с леди Эртон.

— Предоставьте это мне, — недовольно отчеканил мужчина.

Я опять снисходительно улыбнулась, подводя его к грани терпения.

— Ваши слова, конечно, имеют большой вес, но только не в случае с королевой, — мой намек достиг цели — Эдмунд заерзал в кресле. — Ее слово, как вашей матери, негласный закон не только для слуг, но и для будущего короля Хегея. Не угодно ли вам, сперва спросить ее дозволения?

Мои слова оскорбили его до невозможного.

— Леди эль-Берссо, я самостоятельно могу распорядиться...

— Конечно-конечно, — пропела я, — вот только ее письменное разрешение было бы весьма кстати.

Принц схватился за подлокотники, поддавшись вперед и чудовищно покраснев.

— Считаете, я не могу сам принять такое решение? Да хоть сию минуту!

— Я не хотела бы вызвать гнев ее величества.

— Ничего подобного, — раздраженно отозвался Эдмунд, — я сейчас же приглашу начальника стражи, и вас проводят.

— Уверены в этом, ваше высочество?

— Вы сомневаетесь? — его глаза вспыхнули злостью. — Я — наследник престола. Я — будущий король! — он решительно потянулся к колокольчику, позвонил и приказал незамедлительно объявившемуся слуге: — Вызвать сюда начальника стражи! — а затем обернулся ко мне и сказал почти обиженно: — Вот сейчас увидите, как они забегают.

И к его удовольствию, его слуги действительно всполошились. Начальник стражи был весьма озадачен, когда увидел меня в покоях принца. Он вошел, поклонился и уставился на Эдмунда.

— Лорд Тесор, проводите леди эль-Берссо в темницу, — надменно распорядился принц, а в глазах последнего явственно обозначилось: «Опять?» — леди хочет увидеть свою компаньонку, Элину Эртон.

На памяти начальника стражи никто еще не попадал в темницу дважды за сутки и не покидал ее так поспешно, как я. Но задавать вопросов он не стал, а перечить не посмел.

— Надеюсь, вы успеете к завтраку? — бросил мне вслед принц, когда мы с лордом Тесором шли к выходу.

— Конечно, ваше высочество, — покорно отозвалась я.

Путь до королевского подвала я преодолела сама, без принуждения, и даже с нескрываемым нетерпением. Подумать только, я жажду снова попасть туда. Впрочем, поводы и цели моего визита существенно отличаются от предыдущих.

Лорд Тесор, крепкий мужчина, который служил непосредственно Райту и был ненамного его старше, поглядывал на меня с интересом. Конечно, я понимала, что о каждом моем шаге, вздохе и взмахе ресниц доложат Берингеру, и тому явно не понравится, что вместо истерики в своей комнате, я создаю ему проблемы.

Я наблюдала, как стража бросилась к двери, как открывают засовы. Моего слуха коснулся скрип решетки. Пламя факелов зачадило...

Все было чудовищно-правдиво: ее заплаканное лицо, подрагивающие плечи, напуганный взгляд. В отличие от меня, леди Эртон давно пала духом.

— Джина, — лишь по движению ее губ я поняла, что она произносит мое имя, глядя на меня изумленно.

Я могла представить, какие страхи одолевают мою подругу, ибо всего несколько часов назад сама пребывала за решеткой. Медленно пройдя вглубь камеры, я обернулась к лорду Тесору, попросив, оставить нас. Он, разумеется, мог не подчиниться, придумать кучу аргументов, но, к моему удивлению, лишь согласно прикрыл веки.

— Джина... — снова едва слышный выдох.

Я оглядела камеру. На кушетке стояла жестяная миска с кашей — уже подали тюремный завтрак. Мой испытующий взгляд скользнул на лицо подруги.

— Расскажи мне все, Элина. Всю правду.

Она отрицательно покачала головой.

— Мне жаль... мне очень жаль... прости... — тихо всхлипнула подруга.

Мое сердце сжималось от жалости, но внешне я была невозмутима.

— Расскажи мне, — настойчиво повторила я.

— Меня убьют, да? Джина? — вместо ответа прошептала она, совершенно отчаявшись.

Да, убьют. Никто не сделает исключения ради нее или меня. Элина созналась в преступлении против королевской семьи, а значит, ничего изменить нельзя. Но это не делало меня бессердечной. Я молчала, а она тихо плакала.

Наконец, я подошла к ней, коснулась волос, и она тот час вцепилась в мою юбку напряженными побледневшими пальцами, уткнулась лицом мне в живот.

— Я должна была, Джина, — проговорила она, — у меня не было выхода... не было...

С трудом сдерживая слезы, я глядела куда-то в потолок, глядя подругу по волосам.

— Тебя заставили?

Это оправдало бы ее, и заставило бы меня приложить все усилия, чтобы спасти, но...

— Он... Виктор... купил меня десять лет назад в Шигаре... — прошелестел ее надтреснутый голос, — я была рабыней, мое имя, моя жизнь — легенда для тебя. Все было враньем с самого начала.

Она подняла голову, вглядываясь в мои глаза.

— Он ведь знал, что меня схватят, Джина. Он знал, что меня убьют, и бросил меня.

— Зачем ему убивать Эдмунда?

— Деньги и власть, — сказала, шмыгая носом, — когда король умрет, все преграды, сдерживающие Генриетту, рухнут. Виктор понимает, что власть ускользнет из его рук. Сейчас церковь вмешивается в политику, но после смерти короля, когда Эдмунд взойдет на престол...

— Ты сказала людям Берингера, что я участвовала в заговоре. Почему?

Она опустила голову, прикрыв веки.

— Виктору нужно вывести тебя из игры. Если у королевы появятся рычаги давления на советника, она станет всемогущей. Пока только его противодействие заставляет ее смиренно ждать.

— И поэтому ты предала меня?

— Пойми, Джина, мы лишь пешки... наши жизни не так важны по сравнению с общей целью. Кто такой Эдмунд — капризный, эгоистичный мальчишка, которого использует королева. Разве такой король нужен Хегею?

— Мой отец знал об этом заговоре?

— Три года назад Виктор выбрал тебя из числа прочих. О тебе практически никто не знал, если бы ни одно но: твоя мать в прошлом была здесь, во дворце. Она была фавориткой короля. Твой отец всегда был предан Хоупсу, и он понимал, что спасти город можно лишь

чем-то пожертвовав. И он пожертвовал тобой — три года мы почти не знали голода.

Я едва смогла вынести эту правду.

— Виктор рассчитал все, — продолжила компаньонка, — способствовал тому, чтобы твое имя попало в списки. Он хорошо знал твою мать и верил, что ты унаследовала ее честолюбие и хватку. Он полагал, тебе удастся расположить принца. Я должна была убить его, но так, чтобы вина пала на тебя. Но Виктор просчитался... ваши отношения с Райтом стали фатальной ошибкой.

— И вы решили подставить меня?

— На кону стояло очень многое, — произнесла подруга, избегая прямого вопроса, хотя ответ был очевиден.

Мы обе замолчали, и в этот момент нас потревожил лорд Тесор. Дверь узилища распахнулась, и начальник стражи многозначно произнес:

— Время истекло. Вы не можете здесь больше находиться.

Мой взгляд упал на лицо Элины.

— Прости... — прошептала она, хватая мою руку и прижимаясь к ней губами.

— Ты должна рассказать им всю правду, — вымолвила я, старясь, чтобы голос не дрожал.

Она покачала головой. Ее преданность епископу была поразительно крепкой и даже безрассудной. Что ж, мы обе сделали свой выбор.

Покидая камеру, я чувствовала, что оставляю там частицу себя прежней, какой мне уже никогда не быть. Впрочем, я еще не совсем понимала, что вижу леди Эртон последний раз в жизни.

* * *

Райт Берингер, всегда собранный, решительный, хладнокровный, терпел поражение за поражением. И это касалось ее — женщины, которая стала его гибелью. Она была его персональной мучительной смертью. Тот поцелуй в подвале — лишь малая часть того, что он хотел сделать с этой девчонкой.

И теперь, когда ему передали ее разговор с компаньонкой слово в слово, когда обвинения против нее рассыпались прахом, он ощутил, что еще никогда не чувствовал себя столь отвратительно.

— Все готово, милорд, — раздался голос Саргола, так некстати объявившегося в комнате.

Райт перебирал пальцами, катая по сверкающей столешнице обручальное кольцо.

— Надеюсь, все прошло гладко?

— Да, ваше сиятельство. Все указывает на Виктора Мотинье, как вы и приказали. Королевские шпионы уже перехватили якобы его шифровки.

Берингер задумчиво наблюдал, как катается по поверхности кольцо, сверкая гранями. Саргол терпеливо ждал, зная, что в этот момент его господин думает о чем-то важном.

— Что бы ты сделал, если бы вдруг оказался неправ? — вдруг спросил советник, не отвлекаясь от своего занятия.

Помощник не допускал даже мысли, что хозяин может быть в чем-то неправ, и заметил пространственно:

— Постарался бы исправить ошибку, милорд.

— А если бы последствия были необратимы? — с этими словами Берингер сжал кольцо в перевязанной бинтом ладони. Сквозь бинт быстро просочилась кровь.

Саргол явно затруднялся с ответом, и советник усмехнулся, поднял голову:

— Только самый последний идиот считает, что все в этой жизни можно изменить или исправить. Есть то, что не изменится уже никогда, — Райт устало поднялся, — но попробовать можно...

Саргол пожал плечами, и поспешил за советником к выходу.

Пока они шли, Берингер сжимал и разжимал кулак так яростно, что на пол закапала кровь. Хотя вряд ли мужчина ощущал боль. Ни от раны на щеке, ни от пореза на руке, ни от рубца на сердце.

Он всегда входил в обеденную залу последним. И наводил на всех ужас. Особенно сегодня. Да, весь его вид будто кричал о том, что он чудно провел ночь.

Принц недоуменно смерил его взглядом, когда тот невозмутимо опустился за стол.

— Лорд Берингер, вы опоздали, — заметил Эдмунд.

— Был занят, — и никаких «ах, простите меня ваше высочество».

Не поднимая головы, Райт взялся за приборы и только сейчас заметил кровь. Дамы за столом дружно ахнули, кто-то отвернулся, обмахиваясь веером, кто-то приложил к губам ладонь. И только Джина — ох, эта женщина — упрямо глядела на него, будто пытаясь понять, когда он умудрился поранить руку. Знала бы эта девчонка, что только боль способна заглушить мысли о ней.

Она с нарочитой медлительностью вытянула из кармашка платок и передала сидящей рядом девушке, кивнув в сторону Райта:

— Сделайте одолжение, — а сама изящно отправила в рот кусочек тушеной телятины.

Ее платок, который по цепочке преодолел целый круг, оказался в руках Райта.

— Надеюсь, вы умеете пользоваться этим предметом? — раздался голосок девчонки, которая даже не соизволила взглянуть на него.

Райт сжал платок в кулаке, опустил руку под стол, не спуская глаз с девушки. Она преспокойно — хотя спокойствие было лишь видимым — ела. Ее губы двигались, ее невероятно сладкие и вкусные губы, которые он успел попробовать, манили: «прикоснись».

— А где лорд де Хог? — раздался голос принца. — Я не получал доклада о его отсутствии.

Гофмейстер его величества сдержанно склонился к его уху, почтительно прошептал что-то вроде: «никаких известий не поступало сегодня от лорда де Хога», или «сейчас этот ублюдок направляется в замок вашего советника». Хотя, конечно, первое.

Райт откинулся на спинку стула. Интересно, как изменится выражение лица молодого наследника, когда он узнает, что его обожаемый лорд, любовник его непогрешимой матери, исчез из своей комнаты, будто предрассветный туман.

— Немедленно выясните, в чем дело, — раздраженно пробубнил Эдмунд, делая нетерпеливый жест.

Осталось только наблюдать за ходом представления. Очень занятно, как ответит королева? Разумеется, спустя время она поймет, что епископ не имеет к похищению ее любимца никакого отношения. Но Райт очень надеется, что будет уже безвозвратно поздно что-либо менять.

Его ледяное спокойствие во время завтрака трещало по швам. Джина эл-Берссо... нужно

быть как можно дальше от нее, чтобы не думать, не вспоминать, не ощущать вкуса отнятого у нее первого поцелуя. Глоток сладкого вина, движение языка между ее губ, покачивание завитой прядки волос от ее напряженного дыхания...

Какое же он чудовище! Одержим ею, как мальчишка. Хочет, жаждет, сходит с ума.

— Мясо сегодня особенно удалось, — проговорил Эдмунд, — правда, Райт?

— Просто восхитительное, — отозвался советник, не спуская взгляда с выбранной им «добычи».

* * *

«Если представить перед собой стену, то об нее разобьется любая неприятность, — помню, любила говорить моя кухарка в Хоупсе». Не думала, что когда-нибудь решусь проверить так ли это. Во-первых, подобные приемчики действуют в отношении любых неприятностей, кроме одной — пылающего взгляда Райта Берингера. Во-вторых, этот взгляд призывает к полному подчинению, будто говоря: «признай мою власть над собой и покорись».

Я опустила голову ниже, пытаюсь наколоть на вилку кусочек спаржи, как вдруг двери в обеденный зал распахнулись. Пришлось на секунду оторваться от трапезы, чтобы увидеть ее величество, Генриетту Сафскую в сопровождении доверенных лиц. Все сидящие в зале поняли, что завтрак окончен.

— Что-то случилось? — растерянно воскликнул принц, вскакивая со стула.

— Мне нужно срочно поговорить с лордом Берингером, — сдержанно вымолвила она, останавливаясь и оглядывая присутствующих, — дело не терпит отлагательств.

Королева была взволнована. Прямо скажем, исключительное зрелище видеть ее беспомощной и напуганной.

И потянулись часы ожидания.

Конечно, всем претенденткам позволили доесть завтрак. Но, позвольте, нас всех грызло жутчайшее любопытство, и до пищи никому не было дела.

— Говорят, королю сделалось хуже, — шепнула мне Сибилла, когда мы стояли на балконе, любуясь солнечным утром.

Эта новость навалилась сверхчеловеческой усталостью. Весь тот хаос, который зарождался в стенах дворца, сдерживала лишь одна сила — жизнь монарха. И эта сила с каждым мгновением таяла, вынуждая всех нас думать о грядущем. Но я думала еще и о том, каким образом мне отдать причитающееся Эдмунду. Мы оба знали, о чем шла речь, когда мы заключали сделку. Свою часть он выполнил — я увидела Элину. Настал мой черед... И мне нужно было срочно что-то придумать...

Вернувшись в покои, я скинула платье и, распустив волосы, юркнула в постель. Бессонная ночь очень быстро сказалаась на степени моей стойкости — стоило смежить веки, меня унес вихрь жарких сновидений. Однако сон не продлился долго.

— Леди, вставайте!

Сразу и не понять, что происходит. Меня трясут за плечи?

— В чем дело? — резко приподнявшись, я увидела взволнованное лицо камеристки. — Что случилось?

— Сейчас здесь будет принц.

— Леди Ингрэм, — снисходительно начала я, наблюдая, как всегда чопорная женщина обкусывает в панике губы. — Принц не имеет никакого права ломиться в покои к претенденткам...

Мою полную уверенности речь оборвал требовательный стук в дверь.

— Леди эль-Берссо! — раздался голос Эдмунда, и у меня кровь похолодела в жилах.

Я перевела взгляд с напряженного лица Мэг на дверь и обратно.

— Какого дьявола? — выдохнула изумленно.

Снова стук в дверь.

— Я хочу видеть вас, леди Джина!

— Придется открыть, — вымолвила я, соскакивая с кровати и направляясь за ширму.

— Я уже отправила человека за лордом Берингером, — сказала Ингрэм, подавая мне платье. — Он будет здесь с минуты на минуту.

Чтобы снова бросить меня в тюрьму?

— Леди Джина. Откройте дверь! — виновник всего этого переполоха терял терпение.

Я кивнула Мэг, предвкушая появление Эдмунда. Три поворота резного ключа, и дверь не просто распахнулась, она резко и глухо шлепнула о стену. В комнату ворвались гвардейцы, а следом вошел Эдмунд, пунцовый от злости.

— Обыскать! — приказал он, окидывая помещение оценивающим взглядом, пока не наткнулся на леди Ингрэм: — Увести отсюда эту женщину! — затем посмотрел на меня, и я уж было подумала, что меня ожидает участь Мэг, однако Эдмунд вымолвил: — Присядьте, леди эль-Берссо!

Когда я прошагала к окну, у которого стояло два изящных кресла и стол, принц огорошил:

— У меня к вам будет несколько вопросов.

Пока гвардейцы наводили беспорядок в моих вещах, и за спиной стоящего Эдмунда в воздух взлетали либо мои сорочки, либо чепцы, я медленно опустилась в кресло, внимательно слушая наследника:

— Ну как, повидались со своей компаньонкой? — Эдмунд казался не просто злым, но и уязвленным. — Как ловко вы заставили меня организовать эту встречу.

Когда я хотела ответить, он поднял вверх руку, призывая меня молчать и продолжил:

— Мне в какой-то момент показалось, что мы с вами похожи. Оба заложники ситуации, вынужденные делать то, что не хотим.

Принц нервно ходил передо мной, изредка поворачивая голову и вглядываясь в мое лицо, будто стараясь найти отклик хоть одному слову, одной его эмоции.

— Я чувствую себя пешкой, будто... — он запнулся и понизил голос, — будто вокруг творится что-то, чего я не понимаю, — остановившись, и зависнув надо мной, он сказал: — Будто все только и ждут кончины моего отца, чтобы сцепиться.

Через несколько секунд я поняла, что наследник не желает моих объяснений. Он пришел для того, чтобы высказать мне претензии, которые я молча слушала.

— И ко всему прочему, еще и вы вздумали водить меня за нос. Мы, кажется, снова заключили сделку. И я хочу получить то, что мне причитается.

Он смотрел в мои глаза, ожидая, наконец, ответа. Правильного ответа.

— Конечно, мой принц. Но зачем этот обыск? — взглянула я на гвардейцев.

— Хочу сам убедиться, что вы ничего не затеваете. Да, метод не очень изысканный, но все же...

Мы некоторое время ждали доклада капитана гвардейцев, который сообщил в итоге, что в моих покоях нет ничего, что указывало бы на заговор.

— Это еще ничего не доказывает, — Эдмунд задумчиво повернулся к окну, — я разучился верить людям... даже собственной матери.

Будуар королевы, как логово змеи — нужно держать ухо востро.

Берингер сидел в кресле напротив кресла ее величества и равнодушно наблюдал, как одна из прелестниц, юная служанка Генриетты, перебинтовывает ему руку, едва дыша от волнения. А королева в этот момент наблюдала за Райтом, весь вид которого говорил о крайнем безразличии.

— Вы были в курсе, ведь так? — тихо прошептала она, и на ее тонких губах показалась печальная поверженная улыбка.

Берингер продолжал смотреть на служанку, ничем не выдавая удивления или тревоги. Он давно научился, как именно говорить с королевой. Однако вопрос Генриетты был неожиданным — она редко говорила вот так, напрямую.

— В курсе того, что пропал лорд де Хог?

— Пропал? — тихо рассмеялась Генриетта. — Не совсем так, Райт, ты знаешь. Его похитили. И уверена, что здесь ничего не происходит без твоего ведома. Я надеюсь, ты не так глуп, чтобы быть замешанным в этой истории?

Теперь он поднял взгляд, встречаясь с проницательным взглядом этой женщины.

— Ваше величество, — с легкой полуулыбкой произнес мужчина, — если бы хоть что-то ускользнуло от меня, я бы не занимал должность начальника тайной канцелярии, верно?

В этот момент служанка закончила с перевязкой, и, поднявшись с колен, вышла из комнаты.

— Ты чудовище, Райт! — едва сдерживая эмоции, проговорила Генриетта, — тебя оправданно боятся. Но ты не знаешь, на что способна я, когда дело касается моих близких.

— Ваших фаворитов, — поправил Берингер абсолютно холодным и даже вежливым тоном, — У меня, как я помню, не было задания опекать еще и их. Мне нет дела, куда епископ мог увезти этого мальчишку и зачем.

— Он хоть жив, черт бы тебя побрал?

— Не угодно ли вам, ваше величество, задать этот вопрос Виктору де Мотинье?

— Задам, — вымолвила она со злостью, — он еще будет ползать у моих ног, Рай, помяни мое слово.

— Ваши отношения с епископом меня не касаются.

— Ты прекрасно знал, что он увозит моего фаворита. Моего!

— Лорду де Хогу не повредит небольшая прогулка, — усмехнулся Берингер, — кроме того я не проверяю всех повозок епископа.

— У тебя везде есть шпионы, Райт!

— И? Они служат мне, я королю. При чем здесь вы или ваш мальчишка?

Королева поддалась вперед, впиваясь взглядом в лицо мужчины.

— Где он?

— Не имею привычки следить за всеми вашими любовниками.

— Где он, черт возьми? Где?

Берингер равнодушно взирал на зачинающуюся истерику Генриетты и не мог скрыть улыбку удовлетворения.

— Подайте письменный запрос в мою канцелярию, — вымолвил он.

Ее зрачки расширились от изумления.

— Это переходит все границы, Райт, — голос королевы прозвучал тихо, но надрывно. —

Где он?

— Где? — Берингер изогнул бровь, чуть склонив голову. — Почему вы спрашиваете об этом у меня, а не у епископа.

— Потому что ты знаешь, — прошипела женщина, — ты всегда все знаешь.

— Подозреваете меня? — усмехнулся Райт, — что ж, имеете на это право. Но сейчас вы зря теряете время, ваше величество. Советую пустить в ход все свое обаяние, чтобы епископ пошел вам навстречу. В противном случае вы можете получить своего любовника обратно без его главного достоинства.

Генриетта вскочила на ноги, теряя самообладание.

— Где он? Где он, Райт?

Берингер тоже поднялся, нарочито спокойно изобразил светский поклон и пошел к двери, пока его не остановила фраза:

— Я уничтожу твою суку, Райт! Она будет подыхать с твоим именем на устах. Она будут просить тебя о помощи, но ты так ничего и не сможешь сделать. Обещаю!

Он медленно обернулся, пронзая взглядом трясущуюся в истерике женщину.

— Какую именно суку вы имеете в виду, никак не пойму? — неспешно выговаривая слова, спросил он.

— Не догадываешься?

— Ну... как вам сказать, — этот лед в голосе пугал невероятно, — ни одного предположения. Но, знаете, если хоть кто-то посягнет на что-то мое, я позабочусь о самой страшной каре, которую только может придумать самый изощренный мозг в этой вселенной. И я не сделаю исключения даже для женщины. Мы поняли друг друга?

Генриетта не смела ответить, ибо слова советника были правдивы. Не повезет тому, кто посмеет перейти ему дорогу.

* * *

Я не знала, когда в моих покоях появится Берингер. Просто надеялась, что Мэг не соврала, и Райт примчится на выручку.

— Я хочу доказательств вашей верности мне! — между тем говорил Эдмунд, подойдя к моему креслу. — Исполните свою часть уговора.

— Исполнить? — рассеянно проговорила, заглядывая в светлые глаза принца.

— Да, — он наклонился ниже.

Его распущенные белокурые волосы упали мне на лицо.

— Мне нужны доказательства вашей верности, Джина, — улыбнулся зловеще, — иначе я не смогу поверить. Я должен понимать, что ваша преданность будущему монарху необратима.

— Мой принц, я...

— Да, Джина, все верно, — согласился он, — одна ночь, и я буду уверен в том, что вы на моей стороне.

— Но...

— Вы сделаете это, если хотите получить мою защиту и покровительство. Я стану вашим другом. Настоящим.

Перечить ему не было смысла, потому что Эдмунд не хотел слышать «нет». Он был очень упрямым в некоторых случаях, и это был как раз тот случай.

— Но ваша мать...

— Моя мать, — перебил он, повысив голос, — печется не о моем благополучии. Я сам могу о себе позаботиться. Покуда я не могу положиться ни на советника, ни на духовного отца, ни на мать, я волен сам принимать решения. И я хочу верить, что хотя бы один человек искренне предан мне. Мы ведь сможем стать друзьями?

О, после того что он требует, мы станем больше, чем друзьями.

— Вы станете фавориткой, протее, дамой сердца, — улыбнулся принц, склоняясь еще ниже почти к самому моему носу, — называйте, как хотите. Это ведь честь, Джина. Разделить со мной ложе мечтают именитые красавицы Хегея. А я предлагаю это вам.

Ага, очень к месту. Проклятье!

Я вжалась в кресло, молча глядя в глаза наследнику. Он медленно сокращал расстояние между нами. И это, непременно, закончилось бы плохо, если бы не властный приказ Берингера, заставившись Эдмунда распрямиться.

— Кто капитан? — советник выцепил взглядом одного из гвардейцев, мысленно сдирая с него кожу: — Какого дьявола вы делаете в этой комнате? — он оглядел ворох белья на полу, распахнутые дверцы шкафа, измятую постель. — Прочь. Все вон!

Райт был зол, словно демон, вырвавшийся из преисподней. Вряд ли он хоть на долю секунды мог предположить, что Эдмунд заявит:

— Это был мой приказ.

Берингер молчал, выпроваживая вон гвардейцев. Ждал, смиренно опустив голову и уперев ладонь в стену. Желваки на его щеках ходили ходуном. Когда дверь была закрыта, и мы остались втроем, Берингер резко поднял голову:

— Ты еще здесь, Эдмунд?

Принц остолбенел, заскрежетал зубами.

— Это мой дом, советник...

— А это, — властно бросил Райт, — моя женщина. И если я сказал «все вон», это касается и твоей светлейшей задницы.

Я перестала дышать.

Райт снова ждал, а мы с принцем активно переваривали услышанное.

— Что ты сказал? — коротко сипло осведомился Эдмунд.

— Я сказал, чтобы ты убирался.

— Ты с ума сошел, советник? Я — будущий король!

— Тогда не соблаговолите ли вы покинуть эту комнату, пока я не выставил вас за дверь, — издевательски произнес Райт. — Побыстрее.

— Ты не смеешь говорить так со мной, — страшно помрачнел принц, — не смеешь...

— Если ты еще раз появишься здесь или рядом с этой женщиной, короновать в скором времени будет нечего.

— Что?

Райт усмехнулся.

— Так ты выйдешь или мне тебя вывести? Учти, Эдмунд, второе обойдется тебе дороже.

— С ума сошел... — шептал тот.

— Пожалуйся мамочке.

Губы Эдмунда дрогнули, он сорвался с места и бросился к двери. От оглушительного

хлопка я вздрогнула и перевела взгляд на Берингера, который пристально смотрел мне в лицо.

Я собрала всю решимость, чтобы сказать, сохраняя спокойствие:

— Вы вовремя.

— Как чудесно, правда, Джина? Зайди я секундой позже, и этот мальчишка вовсю целовал бы твои нахальные губы.

С трудом сохраняю хладнокровие, хотя... вся моя робость вернулась, будто пробудившись от чудовищно-властного взгляда советника.

— Как вы догадались, что нужно изобразить... ревность?

— Изобразить? — Берингер оторвался от стены. — Я могу изобразить, что угодно и когда угодно, но только не сейчас.

Продолжает разыгрывать спектакль? Блефует? Пытается напугать?

— Видишь ли, Джина, — произнес он, направляясь ко мне. — Если бы я застал вас тут секундой позже, все могло закончиться по-другому. Понимаешь?

— Нет.

— Какая недогадливая ты иногда бываешь.

Он навис надо мной так же, как Эдмунд, но от его близости мое сердце глухо, надрывно забило в груди.

— Скажи еще, что ничего не понимаешь, — шепнул Райт.

— Я ничего не понимаю.

— Какая послушная, — его ладони уперлись в подлокотники. — Придется объяснить, Джина. Слушай внимательно. Во-первых, вынужден признать кое-что: был неправ...

— Признать... кое-что... — повторила я, не смея разорвать с ним зрительный контакт. — Это ваши извинения за все?

— Нет, милая. Не за все.

— Слишком скупое, — вымолвила я.

— А как было бы достаточно? Нужно валяться в ногах или встать на колени?

— Нет таких слов и действий, которых было бы достаточно.

— Значит моего «прости» тебе не хватит?

— Нет.

— Было бы очень печально, если бы меня интересовал ответ, — произнес мужчина. — Но с тебя станется и простого «прости». Я ведь чудовище, правда?

— Именно.

Он усмехнулся.

— Тогда перейдем ко второму. Ты впуталась так, что при всем моем желании, я не смогу помочь, не заявив на тебя своих прав.

— Что? — фыркнула я, но под его взглядом умолкла.

— С этого дня, ты — моя. И даже не думай сказать на это «нет». Другого ответа, кроме: «я полностью согласна» не подразумевается. И не говори мне, что я женат, а ты претендентка на корону, я об этом не забыл.

— Я буду говорить об этом всякий раз, когда вам взбредет в голову закрыть на это глаза.

— Глупая, хочешь стать потаскухой Эдмунда?

Я вспыхнула, а Берингер продолжил:

— Это предел твоих грез, Джина, или ты так разозлилась на меня, что не смогла обратиться за помощью? Решила, что предложить себя Эдмунду за встречу с подругой,

разумно?

Я стиснула зубы, нахмурилась.

— Я не стану обращаться за помощью к человеку, который мной манипулировал.

Берингер рассмеялся, лишая меня остатков сдержанности и хладнокровия.

— Ты удивишься, Джина, но лучше всех манипулировать выходит у тебя самой. Я еще ни разу с таким желанием не плясал под чью-то дудку. Можешь гордиться этим фактом.

Он тронулся умом, наверное.

— Я? С вами? Вами...

— Да, милая. Ты мной.

— Я пытаюсь выжить!

— И ты хреново с этим справляешься. Если бы ты хотела выжить, пришла бы ко мне.

— Лучше уж умереть... — вымолвила я мрачно.

— Нет, Джина, не сейчас. Когда-нибудь, через много-много лет... Но сейчас я собираюсь сделать благое дело. Поверь, я снисхожу до такого безумия крайне редко. И сейчас тебе выпала настоящая удача.

— Оставьте меня в покое!

— Правда?

— Да! — закричала ему в лицо. — Да. Мне не нужна ваша помощь!

— Не будешь жалеть?

— Нет!

Он оттолкнулся от подлокотников, направляясь к двери.

Уходит? Я растерянно приподнялась. Это несносное чудовище уходит, предварительно доведя меня до исступления!

— Райт! — крикнула ему, вопреки бушующей гордости.

— Что, милая, уже передумала?

Я сделала несколько шагов навстречу, едва дыша от ярости и вскружившей голову решимости.

— Подойдите ко мне! Хочу, чтобы вы слышали каждое слово.

Стою, молча, ожидая его реакции, и почти теряю рассудок, когда он спокойно подходит. Мы смотрим друг другу в глаза. У меня пересыхает в горле, я судорожно облизываю губы.

— Ну, Джина? — за кажущимся спокойствием бушуют эмоции.

— Просто признайте, Райт, что я вам нравлюсь.

Удары моего сердца так громки, что, вероятно, это забавляет Берингера. А, может, и нет, ибо ухмылка слетела с его губ. Он кажется сейчас таким серьезным и напряженным, что это передается мне.

— Уверена, что уже выросла для такой правды, милая?

— Уверены, что сможете сказать правду? — теперь язвительные интонации сквозят в моем голосе. — Потому что все, что вы можете делать — жалеть себя. Вам изменила жена? А может дело в вас, Берингер? Такого мрачного, злого, бессердечного и жестокого человека сложно любить, вам не кажется?

Я задыхалась от ужаса только что произнесенных слов. Все, конец света. Апогей всему!

Но Берингер все еще сохранял видимость спокойствия, чему я могла только позавидовать.

— Во-первых, ты ничего не знаешь обо мне, девчонка. Во-вторых, ни одно из твоих

ядовитых слов никогда не сможет меня ранить.

— И все же, — выдохнула я, чувствуя, что откровенно трясусь под его взглядом.

— И все же, ты задала вопрос, и раз уж ты так хочешь получить ответ, слушай: ты вызываешь во мне самые гнусные, порой даже преступные мысли, но я еще никогда так сильно, просто мучительно-жадно не хотел женщину.

К этому я была не готова, отшатнулась, но Райт поймал меня за руку, притянул к себе.

— Ну как тебе такая правда?

— Отвратительна.

— Видишь, мы оба это понимаем.

— Отпустите...

Он разжал пальцы, и я отпрянула, потирая запястье.

— Убирайтесь из моей комнаты! Лучше стать потаскухой Эдмунда, чем вашей.

О, его взгляд помрачнел. Райт определенно рассердился.

— Не нужно кидаться словами, милая, и провоцировать меня, иначе все происходящее может закончиться здесь и сейчас весьма банально.

— Вы женаты, черт вас дерит. Как вы смеете говорить мне...

— То, что ты хотела услышать. Правду, разве нет?

Я резко пошла к двери, чтобы распахнуть ее перед заносчивым носом этого изверга, но он ловко перехватил меня за талию, пронес к пуфу, на который взгромоздил, и мы стали одного роста.

— Что? Как вы смеете! — замахнулась, но моя рука была перехвачена. — Отпусти!

— Не самое лучшее время выяснять отношения, милая, — бросил Райт перехватывая и другую мою руку, занесенную для удара, — даю тебе время подумать... ох... — я пнула его ногой, но он не разжал своей хватки, лишь опустил голову и нахмурился: — стало легче, Джина?

— Нет. Нет. Нет...

— Даю тебе время до вечера, чтобы понять, чего ты хочешь и чью предпочтешь сторону. И чьей потаскухой, черт бы тебя побрал, ты хочешь стать.

Тяжело дыша, я сдула со лба прядь волос, выбившихся из прически. А он продолжил:

— Но учти, милая, я не люблю отказов. И тебе действительно придется выбрать, потому что мне уже осточертело с тобой возиться. Я заберу тебя, и ты будешь моей. Во всех смыслах. Это понятно?

Ненависть схлынула, уступив место страху — Райт желает видеть меня своей любовницей?

— Теперь можно отпустить, Джина? — спросил он, медленно высвобождая мои руки.

Я соскочила с пуфа, прошагала к двери, распахнула и заявила:

— А теперь, лорд-начальник, катитесь к дьяволу!

Крепкая сигара... вздох, почти стон.

Райт рухнул в кресло, запрокидывая голову и делая глубокую затяжку. Он еще не успокоился — в его венах бушевал огонь.

— Вас желает видеть король, ваше сиятельство, — в кабинете гулким эхом раздался голос Саргола.

— Что ему еще от меня надо? — бесцветно отозвался советник. — Я сделал все, что он хотел.

— Думаю, это последний визит.

Еще один глубокий вдох терпкого дыма, и красный огонек сигары рассыпался искрами в пепельнице.

— Желаете переодеться перед встречей? — вежливо осведомился помощник.

Райт приподнял голову, пронзая того суровым взглядом и давая понять, что нет, не желает.

— Как скажете, милорд. Я доложу камердинеру его величества о вашем визите.

— Сделай все, как положено... — Берингер поднялся, подошел к окну, зарываясь пальцами в темные густые волосы на затылке. — Саргол, — позвал помощника, — распорядись приготовить экипаж.

— Вы уезжаете, ваше сиятельство?

— Да.

— С вами будет спутник?

— Со мной будет дама.

— Мне уведомить ее камеристку?

Райт тихо рассмеялся, затем приложил к губам стиснутые в кулак пальцы.

— Нет, — проговорил он, — я заберу ее одну.

Саргол тактично молчал, ожидая дальнейших распоряжений, но их не последовало.

— Одну, милорд? Без компаньонки?

— Ты оглох?

— Как угодно вашему сиятельству, — пролепетал помощник.

— Собери людей. Преданных мне. Начальник стражи получил инструкции?

— Да, ваше сиятельство.

— Отлично, — взмах руки, говорящий: «свободен», и Саргол юркнул за дверь. — Думаю, ты согласишься, моя девочка, — задумчиво произнес Райт, глядя в окно, — слишком многое сейчас зависит от твоего «да».

И это было совершенно рискованной, ничем не обоснованной и безумной правдой.

Райт снова сел в кресло, дожидаясь начальника стражи. Однако думать о предстоящем разговоре было дьявольски трудно. В голове снова и снова звучали слова маленькой дикарки: «Просто признайте, Райт, что я вам нравлюсь»...

— Нравишься, моя девочка? — повторил он, глядя в пустоту перед собой. — Знала бы ты, Джина эль-Берссо, что я хочу сделать с тобой в своих самых потаенных мыслях.

Стук в дверь прервал его размышления.

— Входи, Тесор, — холодно пригласил Райт, замечая краем глаза показавшегося в дверях начальника стражи.

— Вы хотели меня видеть?

— Я уезжаю, — без предисловий сказал советник, — этой ночью. Ты получил инструкции?

— Да, мой лорд.

— Сделай все быстро, — усталый взгляд окинул начальника стражи, — я имею в виду леди Эртон. Поручи это лучшему из твоих людей.

— Что сделать с телом, ваше сиятельство? Мы не успеем предупредить ее родственников.

Райт взглянул на лорда Тесора удивленно, затем покрутил в пальцах портсигар, наблюдая за бликами на серебряных гранях.

— Поверь, ей уже будет плевать. Соблюдай все законные предписания, Тесор, и этого будет достаточно. Приговор я подпишу и передам через своего помощника.

Начальник стражи покорно прикрыл веки.

— Помнишь про письмо? — спросил Райт, повернув голову и проницательно взглянув на собеседника.

— Оно окажется у королевы, как только король испустит дух, — вымолвил Тесор. — Что-то еще, мой лорд?

— Нет, — Берингер поднялся и, проходя мимо начальника стражи, опустил ладонь ему на плечо: — Береги себя... — решительной походной он покинул комнату.

* * *

Воздух в королевской опочивальне был тяжел.

Массивные пурпурные занавески скрывали сводчатые окна, оставляя узкую полосу света, в которой кружили пыльные песчинки. У постели, застланной шкурами, сидела девушка — последняя любовь монарха, которую после его смерти ждет оправданный гнев Генриетты.

— Сын? — тихо позвал король, услышав знакомые шаги.

Дрожащая рука, некогда повелевающая Хегеем, указала девушке на выход. Дама смиренно поцеловала пальцы, униженные перстнями, отложила вышивку и пошла прочь.

— Настолько доверяешь ей? — мрачно осведомился Райт.

Король заерзал в постели, пытаясь приподняться. Лакей — один из тех, в преданности которых не было сомнений — помог монарху сесть, подтолкнул подушку и встал у изголовья.

— Мне уже нечего скрывать... в тебе течет кровь Виндоров, Райт... эта кровь сильнее предубеждений и предрассудков.

Берингер усмехнулся, вставая так, чтобы видеть короля, который с трудом переводил дыхание.

— Я всего лишь бастард, и ты никогда не давал мне забыть об этом. Впрочем, я пришел не за тем, чтобы напомнить о своем происхождении.

— Ты пришел, потому что это последняя наша встреча... я умру скоро, Райт. И не смотря на треп всех этих шарлатанов, которые окружают меня, я прекрасно это знаю.

— Учти, я не проповедник и не собираюсь слушать твою исповедь.

Король долго глядел на советника, шумно втягивая застоявшийся воздух.

— Я не буду исповедоваться перед тобой, Райт.

— Прямо от сердца отлегло, — Берингер прошагал к столу, на котором лежали свежие фрукты, отщипнул ягоду винограда, закинул в рот: — Слушаю тебя. У меня мало времени.

— Ты недооцениваешь мою жену, — начал король.

— Шутишь? Ее сложно недооценить. Она хочет посадить на трон твоего сына, что, заметь, весьма справедливо с ее стороны.

— Твой брат слишком мягкотел, Райт. Им будут управлять, как марионеткой. А Генриетта развалит Хегей войной с Виктором. Мы ведь уже все обсудили, сын. Ты должен привезти сюда Уилла, потом... после моей смерти. А его мать...

— Его мать покинет келью только тогда, когда подпишет договор.

— Только не тронь ее, Райт, — вдруг произнес король, отведя взгляд, — она провела там три года...

— Поверь, у меня нет желания ее трогать. Вообще, никакого.

Берингер облокотился о стол, сложил на груди руки.

— Есть кое-что еще, Райт, — тихо вымолвил король, не глядя на сына, — покушение на Эдмунда удалось предотвратить, но Мотинье все еще безнаказан.

— Я решу эту проблему.

— Сюда привезут лорда эль-Берссо, — так же спокойно говорил монарх. — Предатель короны должен быть обезглавлен... — король задумчиво прикрыл веки: — Но я не хочу, чтобы причинили вред его дочери. Земли в Хоупсе должны остаться за семьей эль-Берссо, невзирая на то, что глава этого рода покрыл себя позором.

Берингер слушал настороженно, вдумчиво, будто от слов короля зависела его собственная жизнь. Впрочем, отчасти так и было.

— В свое время я причинил много боли леди эль-Берссо, и я очень недоволен тем, что происходит сейчас с ее дочерью.

— Джина под моим покровительством.

— Райт, — твердо и властно произнес монарх, — обеспечь ей безопасность, найди хорошего мужа и верни в Хоупс. Приданное покроет все неурядицы с ее репутацией.

— Вернуть в Хоупс? — переспросил Берингер, сведя на переносице брови. — Это не решит и части ее проблем. А насчет мужа... я подумаю.

— Ты будущий регент Хегея...

— Именно так, — бросил Райт, — не король, и моя личная жизнь — целиком и полностью моя проблема. Если захочу взять эту женщину — возьму.

— Ты уже совершал подобную ошибку, отдав предпочтение девчонке, которая никогда тебя не любила. Ждал ее несколько лет, женился и что? Женщины — это удовольствие, Райт, не больше... Но в одном ты прав: ты не король.

— Мне вполне хватает забот и без этого. Кто еще будет подтирать зад твоему светлейшему сыну? — резко ответил Берингер. — Но ты даже подумать не можешь, отец, — произнес советник, отталкиваясь от стола, направляясь к постели и склоняясь у изголовья: — что после твоей смерти, я могу запросто захватить престол, лишив тебя возможности спокойно почивать в фамильном склепе. У меня и сейчас для этого возможностей с избытком. Но хочу, чтобы отходя в мир иной, ты понимал, что я снисхожу до того, чтобы простить такого старого развратного сукиного сына.

Невзирая на грубые слова Райта, король усмехнулся:

— Твоя мать хоть и была рабыней, она произвела на свет настоящего Виндора. Но,

пойми, я никогда не посажу на трон бастарда сакрийской потаскухи, которая вскружила мне голову.

— Но другой бастард на эту роль подходит, — сощурил глаза Райт.

— Он — сын благородной хегейской женщины.

— На мой взгляд, моя мать была куда порядочнее благородной хегейской женщины. Но тебе виднее, король у нас ты, а я, заметь, не претендую на корону.

— Конечно, нет, иначе мы бы с тобой так мило не болтали, сын. Но регент — это почти король, так ведь? Если бы ты не уродился таким хитрым, коварным и рассудительным я бы сгноил тебя у границ Мейхета, но я буду честен с тобой — ты единственная моя гордость, мое продолжение...

— Рад, что на смертном одре ты это признал.

— Брось, Райт, ты всегда знал об этом. Знал, что я уважаю и ценю тебя больше Эдмунда, которого с пеленок затискали няньки. А ты рос, как сорняк. Генриетта ненавидела тебя, уничтожала, вытравила, но ты упрямо рос, невзирая ни на что.

— Значит, я должен быть благодарен тебе за это?

— Да, ты обязан питать уважение к человеку, который тебя сделал. Который не церемонился, не жалел, не ласкал. Ты вырос настоящим мужчиной.

Берингер молчал, крепко стиснув зубы и усмехаясь.

— Знаешь, — нарушив тишину, все-таки сказал он, прежде чем уйти, — я всегда знал лишь одно: мы никогда не пойдем друг друга.

* * *

Открыв бутылку вина, я уселась в ворох белья, оглядывая безобразие, которое навели гвардейцы Эдмунда. В этом хаосе я чувствовала себя так, будто все лежало на своих местах. Впрочем, пора бы давно забыть о порядке. Все, творящееся во дворце в последнее время, напоминало разруху.

Не удивлюсь, если со всего королевства в Хегей уже стягивали противоборствующие силы. Со смертью короля здесь ожидалось настоящее мракобесие.

Наполнив бокал и поставив бутылку на пол, я взглянула сквозь хрусталь на темную алую жидкость. Произнеся тост: «За короля!», я выпила вино без остатка.

Мне было смешно. Смешно сквозь боль и слезы.

Я отгоняла правду, о которой хотела бы забыть: в Хегей везут моего отца. И, говоря откровенно, вся горечь правды была в том, что мне его не спасти. Его голову могут насадить на одну из пик у стены в знак позора, которым он покрыл свой род. И от осознания этого, я теряла рассудок.

Мой взгляд упал на окно, встречая закат. Время, отведенное Берингером, истекало. Но у меня все еще не было ответа. Останься я с Эдмундом, мне придется стать его фавориткой и пройти сквозь все тернии, чтобы выжить. Останься с Райтом, я превращусь не просто в любовницу этого мрачного, грубого мужчины, а в его послушную рабыню.

Солнце почти скрылось за горизонтом, но никто из слуг не пришел, чтобы зажечь в моих покоях свечи. Оставалось догадываться о том, что ждало за порогом этой комнаты Мэг Ингрэм, которую схватили гвардейцы.

В мою дверь постучали. Я уже давно ждала этого, но все равно вздрогнула, прикрыв

отяжелевшие веки.

— Леди эль-Берссо, — раздался незнакомый голос, — я могу войти?

— Кто вы?

— Я слуга лорда Берингера. Откройте дверь.

Вот и все. Отставив бокал, я поднялась. Пугаясь в юбке, прошагала к двери, открыла, видя перед собой незнакомца. Он тотчас толкнул дверь, ловко проникая внутрь комнаты и сбивая меня с ног.

— Кто вас прислал? — тихо вымолвила я, встречая взглядом мерцание его глаз.

Мужчина молча наступал на меня, пока не пошатнулся, споткнувшись о бутылку. Раздался хруст подвернутой ноги, глухая ругань, и меня будто что-то толкнуло. Я бросилась вперед, отталкивая незнакомца, который успел полоснуть лезвием кинжала по моему предплечью. Шипя от боли, я врезалась в дверь, распахнула, выбежала в коридор, видя бездыханное тело стражника, оттащенное во мрак.

Слезы застилали взор. Я бегом бросилась по коридору в надежде на спасение. Мне и в голову не приходило, что рассчитывать на это почти не было смысла. Грубые, пахнущие кровью руки, схватили меня сзади, затыкая рот. Ледяное лезвие приникло к горлу.

— Стой! — раздалось в глухих стенах коридора.

И сразу после этого послышался топот и крики стражи. Тотчас вокруг стало бесстыдно много света.

— Стой! Не тронь ее...

Я едва дышала, ощущая во рту терпкий вкус чужой крови — мой преследователь поранил ладонь осколками разбитого бокала.

Сквозь слезы я видела стражников во главе с лордом Тесором. На лице последнего застал ужас, напряжение, нетерпение.

— Отпусти девушку, и тебе сохранят жизнь! — крикнул он.

Убийца двигался назад, увлекая меня за собой. Лезвие его кинжала так плотно прилегало к моей шее, что я почти перестала дышать. Когда мы дошли до стены, и отступать нам было некуда, в пустоши коридора за спинами стражником послышались шаги.

Райт Берингер.

Когда он появился, я дрогнула.

Его взгляд медленно, но напряженно прошелся по мне — от макушки до самых пят. Заметив кровь на моей руке, Берингер нахмурился.

— Чего ты хочешь? — спросил он у человека, за моей спиной.

Пламя факелов трепетало от сквозняка. Гвардейцы окружили нас кругом. Надо быть дураком, чтобы рассчитывать выйти из этих стен живым.

— Я отпущу девчонку, если меня никто не тронет, — прошелестел над моим ухом сиплый голос незнакомца.

— Обещаю. Тесор, — мрачно приказал Райт, воззрившись на начальника стражи.

Гвардейцы вложили мечи в ножны.

— Теперь отпусти ее.

— Сначала я выйду из дворца, — отозвался на это незнакомец, толкая меня вперед.

— Отлично, но учти, мое обещание действует только в этих стенах, — прорычал Райт, отходя в сторону и делая жест солдатам.

Мы прошли по витиеватым коридорам, оказавшись в крыле прислуги. Все это время молчали. Незнакомец держал меня за плечо, не отнимая кинжала от горла. Весь путь до

каменных ворот, поросших плющом, мы преодолели пешком, собрав значительное количество любопытных.

Лучники на стенах молча внимали происходящему, когда Берингер жестом повелел им опустить оружие.

— Я достану тебя даже в чертогах дьявола, — прошептал он, подводя к незнакомцу коня.

Убийца взгромоздился в седло, усадив и меня, пришпорил лошадь. Я обернулась, встречая метаящий молнии взгляд лорда Берингера.

Мужчина вошел в апартаменты епископа, который сидел за столом, сложив ладони.

— Рад вас видеть, лорд Берингер, — спокойно проговорил Виктор, наблюдая, как приближается советник.

Не останавливаясь, Райт подошел к столу, бросая окровавленный сверток. Его взгляд — взбешенный, подавляющий, дикий — ожег епископа.

— Что это? — по лицу последнего скользнуло беспокойство.

Епископ осторожно коснулся края мешковины, откинул в сторону, сдержав напуганный крик.

— Это... это...

— Язык, — подсказал Райт, — которым один из ваших людей сознался в преступлении.

Епископ вскинул глаза, недоверчиво вглядываясь в лицо Берингера.

— И теперь я пришел сюда, — продолжил советник, — за правдой. И у вас, ваше преосвященство, совсем мало времени, чтобы рассказать мне ее.

— Да как вы смеете, — зашипел Виктор, поднимаясь, — я наместник папы...

— Плевать я хотел на всю папскую курию. Куда твой наемник увез мою женщину?

— Не понимаю...

— Куда, епископ? — грозно оборвал Берингер. — Я не стану терять время — я вырежу твой язык и возьму его с собой, как и этот. А если это не понравится папе, я пойду на него всей своей многотысячной армией. Я сотру его с лица земли... — он ниже склонился над столом, нависая над побледневшим епископом: — поэтому ты мне скажешь, где моя женщина, и я даже позволю тебе дожить до утра, чтобы принести утреннюю молитву.

— Ты безумен, Райт! — сдавлено заговорил Виктор, нервно потирая шею. — У тебя есть армия, но в войне далеко не всегда выигрывают люди. Побеждает тот, у кого есть золото.

— Тебя оно не спасет, — усмехнулся советник, нарочито медленно вытягивая короткий меч из ножен.

— Подумай, что ты делаешь! — грудь епископа тяжело вздымалась.

— Казню предателя.

— Берингер, если ты не остановишься, начнется война!

— Она и так начнется, — убежденно произнес советник, — и первой ее жертвой будешь именно ты.

— Я позову своих людей, — отшатнулся епископ, глядя на сверкающее лезвие.

— Это тех, которых убили мои?

— Ты первым нарушил перемирие, Райт. Генриетта ополчилась против меня из-за того, что я не делал.

— Ты многое не делал, и зря. А теперь, кажется, поздно.

— Ты никогда не узнаешь, где прячут твою шлюху... — быстрое движение, звон стали...

Райт внимательно смотрел, как Мотинье захлебывается кровью, а из пореза на горле струиться кровь. Убрав меч в ножны, мужчина спокойно прошагал к двери, распахнул и приказал воинам:

— Обыскать здесь все!

Берингер достал сигары, закурил. Лорд Тесор прошагал к столу, глянул на епископа,

произнес:

— Святые небеса, ваше сиятельство, завтра же сюда двинется войско понтифика.

— Я его встречу... — небрежно отозвался Райт.

— Но король... милорд, вы...

— Я присягал королю, Тесор, но не думаю, что он доживет до утра. А если доживет, мне будет уже глубоко плевать на его желания.

— Это война?

— Да.

— Королева потребует вашу голову.

— Она и так ее жаждет. Я лишь упростил ей задачу, — произнес Берингер, затем резко спросил: — Сколько человек ты отправил за Джиной?

— Двадцать, ваше сиятельство. Мы найдем ее. Но, — сказал Тесор, бросая взгляд на мертвеца за столом, — я полагал, что его преосвященство нам в этом поможет.

— Он приказал убить ее, а не похитить, — сквозь зубы прошептал Райт, — и он понятия не имел, куда везет ее этот убудок. Если бы я мог сам поехать за ней... проклятье!

— Мои люди привезут ее в Лауртан, ваше сиятельство. Клянусь честью.

— Пусть седлают моего коня, — туша окурок о столешницу, произнес Райт.

— Но, милорд...

— Исполнять.

* * *

Сложно представить более счастливый момент, нежели, когда лезвие ножа отводят от горла и удается глотнуть, вздохнуть — сделать все то, что в другой ситуации кажется естественным и незаметным.

Ночь темна, лунный месяц потонул во чреве туч, лошадь громко дышит от резвой рыси. Я сжимаю гриву, гляжу в непроглядную темноту ночи, пытаюсь понять, что задумал мой похититель.

Черт, да ведь это ожидаемое завершение дня. Мне ли удивляться странному порядку вещей, заставившему всех и вся ополчиться против девчонки из Хоупса? Смешно, однако... Гуманнее было бы прибить меня еще в утробе матери, чем вот так издеваться.

Мы петляли по улочкам столицы. Вот, право слово, какой он — город городов Хегейского государства. Знакомство не слишком удачное, но мне не до претензий.

Похититель неожиданно натянул поводья, и мы остановились у одного из домов, двухэтажного, полного света, обвитого виноградными листьями и с проржавевшей калиткой. Мужчина спрыгнул на землю, стаскивая с седла и меня. Пихнул к калитке, сквозь которую мы прошли. В окне, на первом этаже показалась чья-то голова.

— Черт, ты притащил сюда эту женщину? — распахнулась дверь. — Ты должен был...

— Заткнись, Листан, — незнакомец больно сжал мой локоть, заставляя войти в дом.

Очутившись внутри в обществе мужчин, я с опаской огляделась. Возможностей к побегу не было, как и сострадания на лицах моих похитителей.

— Уведи ее наверх, — бросил мой похититель, скидывая куртку.

Худощавый, жилистый Листан с лысеющей головой повел меня на чердак, где меня и заперли, предупредив, чтобы я не смела раскрывать рта. Когда дверь захлопнулась, я

припала к замочной скважине, глядя на спускающегося по лестнице мужчину.

Не раскисать, не отчаиваться, не реветь!

Заметалась по комнате, разглядывая обстановку. Видимо на чердаке раньше кто-то жил: слуга, подмастерье, прежний заложник? Узкая койка у стены, рядом ширма, за ней корыто, предназначенное для умываний, грубое грязное полотенце, осколок зеркала. Мансардное окно было маленьким, зарешеченным, выхватывающим из огромного полотна кусок неба, усыпанный звездами.

Я опустила на стул — единственную роскошь в этой комнате. Закрывает глаза — детство, солнце, заботливые руки отца. Было ли это правдой? В день, когда я родилась, он решил напиться. Еще бы, я должна была стать наследником хоупских земель, а родилась сопливой девчонкой. Прекрасный повод надраться джина.

Мое имя, как вечное напоминание. Будь я какой-нибудь Гризеттой или Виолеттой, уверена, избежала бы многих проблем. И на деревенских гуляньях никогда бы не краснели и не покашливали тактично в кулак, когда бы кто-то кричал: «а не испить бы нам, братцы, джину». Катастрофически забавно, право слово...

Моя мать всегда была отстраненной, горделивой, практичной. Ее прошлое было загадкой, настоящее — однообразием. Бывшая возлюбленная короля, его фаворитка, впавшая в немилость. Король не оставил ее при дворе, упрятав в Хоупс, пропахший навозом и сеном. О, боже, лишь сейчас я понимаю, насколько в тягость все это было моей матери. Я была ей в тягость.

И я была наживкой на крючке. Как мотылек...

На чердаке не было ни канделябров, ни ламп, ни свечей. Лишь маленькое окошко под потолком, откуда лился серебристый лунный свет. Но ведь должен быть какой-то выход? Вход?

Дверь оказалась прочной, не сорвать с петель.

Тяжелых предметов, кроме самого стула, на котором я сидела, здесь отродясь не водилось. По башке стулом бить не с руки.

Ну все — меня убьют.

Рана на предплечье болела, хотя я старательно игнорировала сам факт ее наличия. Зябко передернув плечами, я поднялась, еще раз исследовав территорию. В доме должен быть дымоход. Если бы я сумела разобрать кирпичную кладку, смогла бы пролезть в шахту. Впрочем, эта идея была отмечена сразу — думается мне, хозяева дома заподозрили бы неладное, если бы на чердаке послышался шум, громче ночного храпа. Слышимость отменная, что б ее. Хотя...

Я подошла к дымоходу, прикинула ухом, напряженно слушая.

* * *

Песочные часы на каминной полке истекали песчинками.

Генриетта сидела в кресле, облокотившись о подголовник, напряженно наблюдая за этим действием.

— Мотинье мертв, — произнес ее собеседник, старый лорд де Хог, — теперь нам никогда не узнать, где прячут моего сына.

Королева молчала, не спуская с песчаных часов пустого взгляда.

— Мой брат ведет войско из Северного Кована, ваше величество. Наша семья встанет на сторону законного наследника престола, а не узурпатора в лице лорда Берингера. Когда король умрет, Эдмунд примет присягу вассалов.

Было уже далеко за полночь, но старый лорд не желал покидать покоев Генриетты.

— Лорд Пурье склонит совет выступить на стороне принца.

Королева безмолвно повернула голову, усмехнулась побледневшими губами.

— Милый друг, — устало произнесла она, — смерть епископа Мотинье стоила нам очень дорого. Понтифик, уверена, крайне раздосадован положением вещей в Хегее. Ему будет нужна голова Райта в обмен на наше спокойствие и благоденствие. Иначе правление моего сына начнется с войны. Мой муж дал слишком много власти этому — как вы выразились — узурпатору. За ним стоит весь восток. Армия воинов, ожесточенных войной с Мейхетом, жаждущих признать Райта своим хозяином. О, я слышала, все эти дикари обожают его...

— Полагаете, Берингер может разбить войско папы? — вскинул брови старый лорд. — Но тогда понтифик соберет новое. Золото никогда не заканчивается в его праведных карманах.

Генриета рассмеялась, закусил губу, устало водя пальцами по подлокотнику кресла.

— Уверяю вас, светлейший лорд, Райт об этом знает. И он знает, что я никогда не позволю уничтожить королевство и более того, королевскую власть. Если папа вторгнется сюда, я буду вынуждена обороняться.

— Но почему бы вам не объединиться против лорда Берингера?

— Потому что не напрасно я презирала Виктора. Он хотел запустить свою руку не только в казну, но и влиять на все политические решения, за которые в Хегее пока ответственен только монарх. Я не допущу вмешательства понтифика. Никогда, — Генриетта поднялась, подошла к часам и перевернула, замороженная стройным течением времени в колбе. — Лучше я откуплюсь от этого головой Райта.

— Но тогда придется пожертвовать еще и моим сыном, — проговорил старый лорд, — потому, что только Райт может знать, где его держат.

— Нужно найти его потаскуху. Эту девчонку из Хоупса.

— Считаете, Берингер обменяет ее на Атера? — с надеждой в голосе спросил лорд де Хог. — Возможно, мы должны воздействовать на этого человека по-другому. У него есть супруга...

— Которую охраняют, как зеницу ока, до самой смерти моего мужа, — произнесла королева. — Я лично много раз ездила в Листан, чтобы уничтожить эту дрянь. Но все тщетно, хоть Берингер совершенно остыл к Стелле. Ее жизнь для него ничего не значит. Уж поверьте, он не благородный рыцарь, чтобы вечно спасать ее. А король... о, он всегда питает жалость к своим бывшим любовницам. Особенно к тем, кто понес от него.

Королева снова опустила в кресло, положила ноги на скамеечку, глубоко вздыхая.

— Ваше величество, — недоуменно протянул старый лорд, — а если люди советника найдут девчонку первыми?

— У меня достаточно денег, чтобы купить даже самого верного из его воинов.

— И все же, это очень рискованно. Что будет, если леди Джина окажется у Райта?

Хитрые глаза Генриетты блеснули из-под ресниц.

— Вы, мой дорогой друг, — вымолвила она, — должны быть готовы чем-то пожертвовать. Ваша любовь к сыну мне понятна, но ваша любовь к государству — это ваш

наиважнейших долг.

— Ваше величество, вы же не бросите Атера?

— Вы даже не представляете, как больно мне будет потерять его. Мы были близкими друзьями, — отозвалась она, избегая слова «любовники», — но я в первую очередь королева, и я должна заботиться об интересах королевства. Но, светлейший лорд, жизнь вашего сына в ваших руках. Проявите рвение в поисках девчонки из Хоупса, и у нас появится шанс.

Генриетта потянулась к колокольчику, призывая камеристку и первую фрейлину.

— Да, ваше величество, — бесцветно отозвался старый лорд.

Любовь сиятельных особ — губительный эликсир, который стоит пить с осторожностью.

Королева прошла в купальню в сопровождении женщин, встала на невысокий деревянный помост, привычным движением расставив руки и дожидаясь, когда снимут все облачения. Взгляд ее оставался холодным, вдумчивым, усталым. Она, конечно, не сказала лорду де Хогу и половину правды. Епископ хотел убить ее сына, и это желание было продиктовано самим понтификом. Убийство Мотинье отличный повод вторгнуться в Хегей, чтобы разделаться с Эдмундом и посадить на трон своего ставленника. Только ведь не знают глупцы насколько плодовит был ее муж, понаделавших бастардов почти каждой своей шлюхе.

Генриетта оглядела себя в зеркало — молочная кожа, стройные длинные ноги, подтянутое тело. Неужели она больше не ощутит прикосновений юного Атера? Королева, обреченная на одиночество... Муж давно охладел к ней, предпочитая общество второсортных девиц. Она была вынуждена бороться за себя, за сына и за власть, ради которой она терпела старого извращенца двадцать семь лет.

Двери в купальню были открыты, у покоев королевы дежурил стражник. А к стенам дворца уже стекались воины, готовые в любой момент присягнуть Эдмунду. Последние вздохи короля будут ознаменоваться смехом ее торжества.

— Да будет так, — усмехнулась королева, опускаясь в горячую воду.

* * *

— Им не выйти за пределы столицы, ваше сиятельство, а здесь мы их точно найдем.

Деш Кайетан, капитан отряда городской стражи, впервые принимал у себя в доме человека, молва о котором вышла далеко за пределы Хегейского королевства. Теперь этот великан, лорд Райт Берингер, восседал за столом, грозно сдвинув брови и внимательно слушая Кайетана. На суровом лице застыла маска напряженного раздумья.

— Где их видели последний раз? — произнес этот мужчина довольно мягко, но Деш понимал, что за этим вопросом кроется требование, угроза, обещание расправы.

— У моста, милорд.

— Почему не остановили?

В комнате находился лорд Тесор, начальник стражи, но он молчал, опустив взгляд долу. Конечно, он и его люди, стоящие в дверях, понимали: спокойствие Берингера — лишь видимость.

— Не было оснований, ваше сиятельство.

Взгляд — ох, дьявол — взгляд темных, как омут, зорких цепки глаз вспорол

пространство. Деш Кайетан, прошедший войну и выдавший ни одного дикаря, вздрогнул.

— Не было оснований? — все еще мягко проговорил советник. — Кровь на ее руке? Платье благородной дамы? И этот ублюдок, который, как мне кажется, не похож на знатного джентльмена? Это все не показалось странным вашим солдатам, капитан?

— Было слишком темно...

Лорд Берингер вскинул руку, прерывая поток оправданий, готовых сорваться с губ Кайетана.

— Перевернуть все вверх дном, — холодно, властно, резко произнес Райт, — достать мне этого сукиного сына из самой преисподней.

— Да, милорд.

— Утром я хочу собственноручно вырвать из груди его сердце. И если я его не увижу, я вырву ваше, капитан. Даю слово.

Деш громко сглотнул, исполняя поклон. Сомнений в том, что советник сдержит слово, не было, посему капитана ждала бессонная ночь.

— Тесор, — мирно сказал Берингер, когда за Кайетаном захлопнулась дверь. — Я искренне надеюсь, что ее найдут. Приказ оберегать эту женщину я давал тебе. Понимаешь, что это значит?

— Да, милорд.

— Возвращайся во дворец.

— А вы? Вы должны отбыть в Лауртан.

— Только, когда найду ее.

— На кону стоит...

— Я знаю. — Резко отчеканил Райт, — и я приказал тебе вернуться во дворец. Все остальное — не твое дело.

Тесор потянулся к ручке, но сжал пальцы в кулак и обернулся:

— Ваше сиятельство, позвольте сказать: вы не имеете права рисковать всем из-за собственных интересов.

Райт не разозлился, лишь вяло усмехнулся.

— Послушай меня, — вымолвил он, скрепя на груди руки и откидываясь на спинку стула, — из-за собственных интересов не буду, обещаю. Но ради этой девчонки я заставлю вас всех рыть землю, понятно.

— Вы потеряете Хегей.

— Ни в этой жизни.

* * *

Сто пятьдесят восемь, сто пятьдесят девять...

Скрип половиц — я вздрагиваю, приподнимаюсь, напряженно вслушиваясь в каждый шорох, затем опускаюсь на постель, снова глядя в окошко моей комнатухи.

«Хочешь уснуть — сосчитай звезды на небе, — говорила моя старая нянюшка». А спать надо, без сна я не смогу убежать. Правда, отчаяние не давало мне сомкнуть глаз. Что, если мои похитители посчитают, что я нужнее им мертвой, чем живой?

Я заворочалась на койке — на неудобной, жесткой койке — вздохнула, прикрыла веки. Надеюсь, Райт вытрясет из моих похитителей всю душу, когда найдет, и надеюсь, я буду в

добром здравии и смогу на это полюбоваться.

Снова скрип половиц. Хозяин дома не спит. Значит не дурак и понимает, что идти против начальника тайной канцелярии — идея крайне неудачная. Райт найдет их, вытащит из-под земли, накажет. Он могущественный, сильный, умный... он... он самый безудержный, властный, гордый, упрямый из всех мужчин. Он обязательно найдет меня...

Боюсь его чертовски. Боюсь его близости. Но сейчас мне никто не нужен так, как он.

Перевернулась на другой бок, подогнув ноги к груди. Наивная мечтательница Джина, возомнившая, что из-за нее, простой деревенской девчонки, начальник тайной канцелярии «поднимет на уши» всю столицу. Да он уже и забыл, что такая была в его жизни...

Я прижала к губам кулак, сдерживая слезы.

Хочу, чтобы он пришел... ох, черт! Осознаю только сейчас, как хочу этого!

Внизу, на первом этаже, раздался какой-то шум, затем треск, звук разбившегося стекла и мужские крики. Я сползла на пол, забралась под кровать, зажмурилась. Было страшно, нет, было дьявольски страшно!

Послышался топот, шаги на лестнице, затем дверь затрещала от резких ударов. Я едва дышала, лежа под койкой, глядя, как дверь поддалась и раскололась надвое. Внутрь ввалились чьи-то ноги — уйма солдатских ботинок.

— Ее здесь нет! — послышался разочарованный стон. — Ваше сиятельство!

Его шаги были степенными и тяжелыми. Только теперь я заметила, что Берингер чуть задерживал в шаге правую ногу. Вспомнилось, что принц говорил о его хромоте. Но, едва бы я заметила это, если бы не лежала под кроватью.

— Прикажете обыскать подвал? — спросил кто-то.

— Не стоит. Оставьте меня, — раздался голос, от которого мое сердце буквально выпрыгнуло из груди.

На мгновение повисла пауза. Носы солдатских ботинок Райта обратились в мою сторону, и я приподнялась и выглянула из-под койки с самым глупым видом на свете. Хотелось плакать, а может мне хотелось прижаться к этому сильному мужчине?

Его взор ожег меня. Советник поднял меня на руки, сел на кровать, притянул к себе на колени, молча оглядел. В его руках, в опаляющей близости от его тела я чувствовала себя на удивление спокойно.

— Кто-нибудь из них тебя обидел? — спросил мужчина, — кто-нибудь из них к тебе прикасался? — в его взгляде, полном тревоги, промелькнуло что-то болезненное. — Девочка моя... — какой же ласковый у него был голос.

Он никогда не говорил со мной так, с такой заботой, нежностью. Я уткнулась лицом в его шею, вцепилась рукам в его куртку и разрыдалась.

— Джина, — сказал он, наконец, — больше никто и никогда не посмеет тронуть тебя. Ты — моя. Всех, кто обидел тебя, я заставлю умыться кровью. Клянусь собственной жизнью, это правда.

Он с легкостью поднял меня и пошел к лестнице, держа на руках мою дрожащую, всхлипывающую фигуру, не смеющую сказать ни слова, тем более возразить.

Густая свободная ночь, полная умиротворения встретила нас. Райт посадил меня на лошадь, а сам бросил в сторону: «Сжечь!» На недоуменный вопрос одного из воинов: «А что делать с преступниками?», отозвался довольно резко: «Я же сказал — сжечь!» И в этом голосе, в этом тоне не было ни капли сомнения и сострадания.

Когда он вскочил в седло, притянул меня к себе, я вымолвила:

— Вы их убьете?

— Да, — спокойно отозвался мужчина, обвивая руками мою талию.

— Они могут быть вам полезны...

Райт усмехнулся.

— Нет, не могут, — бескомпромиссно и предельно серьезно. — Их ждет смерть в любом случае, так зачем оттягивать неизбежное?

Лорд Берингер был человеком, которого воспитала война. И который никогда не шел на компромиссы.

* * *

Мир в серой дымке тумана представлялся принцу Эдмунду безумно радужным. Он оглаживал бархат кожи одной из своих постоянных фавориток, глядя в потолок и смакуя густой наркотический дурман. Неторопливый взгляд обратился на другую фигурку — спящая служанка, которая стала невольным участником их любовных игр — она заслужила пару золотых лир.

Камердинер еще не появился, чтобы разбудить наследника, но утренний свет уже пробивался сквозь пурпурные занавески. Эдмунд напряженно слушал — слушал каждый шорох. Он ждал, когда забьет колокол, возвещающий о смерти старого маразматика, коим он считал своего отца. Ненавидел люто, всем сердцем, как только может ненавидеть человек, но уважал. Уважал за многое: за воспоминания, как отец въезжает на коне в городские ворота, как осыпают его лепестками цветов, как чествует его народ, как перед ним склоняются враги. А ненавидел за одно: отец никогда не любил его. Бастард, сын иноземной шлюхи получил во стократ больше, чем законный наследник. Отец ненавидел тягу Эдмунда к красному, его белокурые длинные волосы, бледную кожу и тонкие ладони. В таких ладонях не держался меч или лук, зато такими руками можно было ласкать юных прелестниц.

Эдмунд снова затянулся, прищурив глаза, расслабленно поигрывая рыжим локоном своей любовницы. Он желал стать королем, он был рожден для этого. А Райт всегда был его тенью. Старшим братом, который относился со снисхождением и жалостью к младшему, будто Эдмунд был калекой. И не смотря на презрение и ненависть, которую питал к нему принц, Райт был безупречным старшим братом. Выдержанным, спокойным, терпимым. Пока король не отправил его к границам Мейхета. Эдмунд всегда хотел знать — почему? Может королю доставляла удовольствие мысль, что он растит чудовище, способное безжалостно убивать народ, в жилах которого течет такая же кровь, как и кровь Райта?

— Поднимайся! — двери распахнулись, королева быстро шла к постели сына.

За ней уже суежилась целая свора его камердинеров, лакеев, и утренних лордов, исполняющих священный долг, предписанный традициями — облачение будущего короля.

— Вставай, Эдмунд!

Фаворитки принца зашевелились, натягивая одеяло.

Генриетта не замечала их. Она всегда делала вид, что не замечает его любовниц, будто они были сором, который можно попросту стряхнуть с постели.

— Он что, наконец, сдох? — выронив сигару, усмехнулся Эдмунд.

Королева дрогнула, сдвинув брови.

Свита из слуг и лордов привычно «оглохла», покуда царственное дитя, наглотавшись

дыма, болтало лишнее.

— Он — твой король, Эдмунд, — довольно вяло отозвалась мать, — и он призывает тебя к смертному ложу. Он хочет испустить дух и назвать наследника.

Она подняла с простыней сигару, бросила на пол и прижала ногой.

— Опиум, — произнесла, скривившись, — ты должен позаботиться о себе, а не губить, Эдмунд!

— Я — король. Хочу — курю. Хочу — трахаюсь, — бросил, поднимаясь и запуская руку в волосы, — а хочу — женюсь. И ты мне не указ.

Королева приподняла подбородок, терпеливо слушая слова своего драгоценного отпрыска. Терпеливо, потому как он действительно должен был стать королем.

— Ты прекрасно знаешь, что я — твой верный и единственный союзник во всем. И истинный король должен уметь прислушиваться к тем, кто его любит.

Эдмунд усмехнулся, сел, почесывая подбородок. Мать никогда не любила его, лгала, притворялась — да, но любви в этом ни грамма. Он всегда был лишь ее козырем в войнском отце, ее шансом на корону и власть.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Что я должен делать?

— Что ты не должен делать, — тактично поправила его Генриетта, — не должен делать глупостей. Проявлять своеволие, которое может помешать.

Она указала проснувшимся девушкам на дверь. Ни одной эмоции не промелькнуло на ее лице. О, она как обычно беспристрастно-хладнокровна в вопросах пагубных увлечений сына. Конечно, Генриетта позволит ему творить все, что угодно, лишь бы это не помешало его короновать.

Эдмунд поднялся с постели, расслабленно пошел в комнату для купаний. Обнаженный, высокий, тонкий, он бы казался аристократическим идиолом, если бы в этом теле было не так мало духа. Опустившись в ванну, он ждал, когда один из слуг приступит к омовению, а другой займется волосами.

— Что ты делаешь? — изумилась королева, войдя следом, без должного смущения наблюдая за сыном. — Твой отец ждет.

— Я ждал этого момента всю жизнь, — лениво пробубнил наследник, — теперь его черед.

Генриетта поджала губы, но промолчала. Как приятен момент, когда даже такая властная ядовитая змея уступает, усмирив гордость.

Эдмунд вальяжно откинулся на бортик, чувствуя, как горячие струи воды побежали по груди. Много лет его самоцелью была слепая ненависть к Райту. И теперь он не станет терпеть его, уничтожит, раздавит, заставит страдать. За всю ту боль, что он чувствовал ежесекундно, за нелюбовь родителей, за постоянную опеку... за зависть, которую чувствует слабый к сильному.

— Ты должен пойти немедленно, — произнесла Генриетта, присев рядом, положив руку на бортик. — Это важно, Эдмунд. Не время капризничать.

Он стиснул зубы.

— Когда он умрет, ты созовешь совет?

— Да.

— А как же сезон сватовства?

— Выбери одну из... милый. Первую или вторую из списка. Разве это столь важно?

— Отец хотел, чтобы я женился, — протянул принц, — и я женюсь, мама. Я выберу одну из, как ты и сказала. Тридцать вторую.

Генриета поднялась на ноги, распрямилась, изумленно глядя на сына.

— Я знаю, как заставить Райта страдать, и для этого совершенно необязательно жениться на этой дряни. Разве ты не понял, Эдмунд, что наш прошлый план провалился?

— Этот план был самым лучшим, — ответил принц, — я заполучу его женщину. Он этого не вынесет.

— Райт вытесан из камня, он вынесет все, что угодно. А ты навек свяжешь себя с его потаскушкой.

— И буду видеть, как он медленно истязает себя, — мечтательно улыбнулся Эдмунд. — Как он будет умолять отдать ее обратно. И как будет служить мне, словно пес, пока она будет в моих руках.

Королева усмехнулась, присела рядом с сыном, погладила его светлые волосы.

— Ты воистину Виндор, — прошептала сладко. — И как настоящий Виндор, ты должен быть практичен и дальновиден, мой мальчик. Де Хог — очень важная фигура сейчас, и его сын нуждается в нашей помощи. Мы должны обменять на него девчонку, когда ее привезут сюда.

— Значит, жизнь твоего любовника волнует тебя больше, чем жизнь сына?

— Я мыслю куда масштабнее...

Эдмунд неожиданно поднялся — ему на плечи набросили халат. Он повернулся к матери, бросил:

— И так было всегда, мама. Ты всегда ставила власть превыше всего.

Щелкнув пальцами камердинеру, наследник вернулся в спальню.

— Ваше сиятельство, — произнес лекарь, осматривая мою руку, — рану нужно обработать и зашить.

Фамильный замок Лауртан, куда мы прибыли, впечатлял своим готическим убранством. Огромная спальня с внушительной кроватью под балдахином, свечи, пылающий камин были частью, а может и продолжением моего кошмара.

— Зашить? — переспросила я, переводя взгляд на Берингера. — То есть...

— То есть — зашить, — ответил он, отталкиваясь от камина и подходя к постели, на которой я сидела, — это почти не больно, Джина.

Для него может быть.

— Оставьте нас на минуту, — произнес он лекарю.

Сидя на постели перед советником, я чувствовала себя беззащитной. Я чувствовала себя принадлежащей ему.

— Я не хочу, — произнесла, рассчитывая на понимание.

— Хорошо, не будем, но тогда рана загноится, — Райт сел напротив, заглядывая мне в глаза, — а это гораздо больнее.

— Не знаю, смогу ли.

— Сможешь.

Его уверенность в мои силы могла польстить, если бы дело обстояло не так серьезно.

— Это единственный вариант?

— Да.

— Хорошо, — дрожащей рукой откинула волосы за плечи, — я готова.

Перед тем, как открыть дверь, Берингер наполнил бокал густым темным виски и поднес мне.

— Вышей, будет легче.

— Целый бокал?

— Целый бокал, — подтвердил он. — Ты же смелая девочка, Джина. Верю, справишься.

Обхватила бокал ладонями и приникла губами, пока не осушила последний глоток. В желудок ворвалось тепло, я приложила к губам кулак, сдерживая стон.

— Сейчас уже будет хорошо, — сказал Райт, внимательно за мной наблюдая.

— ... гадость... черт...

— Приляг.

Я опрокинулась на подушки.

— Зовите своего лекаря, пусть шьет и дело с концом.

Райт рассмеялся, а я напряглась, потому что его смех действовал на меня, будто сигнал тревоги. И дело было не в том, что я опасалась его, как грозного и жесткого начальника тайной канцелярии, я боялась его, как страстного властного мужчину, хищника, зверя. Когда он приближался, вся кровь бросалась мне в лицо, билась в висках, сдавливала горло. И Райт это прекрасно знал. Ему нравилось видеть во мне слабую, напуганную девчонку.

— Милорд, что будет потом? Мы уедем во дворец? — всеми силами я делала вид, что его близость не вызывает во мне никакой реакции.

Он спокойно сидел рядом, смотрел своими черными глазами в мои глаза. Смотрел совсем не так, как прежде.

— Нет, Джина, мы больше не поедem во дворец.

— Но как же Элина... мой отец?

— Леди Эртон казнили сегодня на рассвете, — сообщил мне Берингер, — твоего отца привезут сюда.

Я приподнялась, на мгновение лишившись дара речи.

— ...казнили... — повторила, наконец, опуская голову и лоя губами раскаленный воздух, — по вашему приказу?

— По закону Хегея.

— По вашему приказу, черт вас дерит? — резко вскинув глаза, я презрительно скривила губы.

— По моему приказу, — не стал отрицать он, — я лишь ускорил исполнение приговора. Это было необходимо. Надеюсь, ты не станешь читать мне нотации за то, как я делаю свою работу?

Этим ответом он перечеркнул всю ту нежность, которая едва зародилась между нами.

— Я не доставлю вам удовольствия, лорд Берингер, и не стану плакать. Единственное, о чем я вас попрошу: позовите лекаря и оставьте нас наедине, — выпалила я рассерженно.

Райт не сдвинулся с места, властно задрал мой подбородок, заглядывая в глаза, полные слез.

— Думаешь, мне нравится видеть, как ты плачешь, Джина? — произнес он мрачно. — Или ты считаешь, что я железный?

Посмотрите-ка, как его задела мои слова! Это чудовище способно чувствовать, оказывается.

— Меня вы спасли тоже по долгу службы? — вырвалось у меня.

— Удивительно, какой наивной дурочкой ты хочешь казаться, — грубо бросил он. — Или ты действительно не понимаешь, почему я приехал. Кажется, мы с тобой уже выяснили вопрос моего к тебе отношения.

— Да, — запальчиво заговорила в ответ, — значит, спасали меня ради одного — уложить в постель!

Райт усмехнулся:

— Какой крепкий, мать его, виски...

— Где ваш дурацкий лекарь? — досадливо протянула я, избегая развивать опасную тему.

Райт молча вышел из комнаты, а я ощутила, что «держать лицо» мне больше не по силам. Рухнула в постель, уткнувшись в подушку и заглушая сдавленные рыдания.

* * *

Джина эль Берссо — персональная мучительная агония лорда Берингера. Единственный раз в жизни он желал пойти против всех, включая себя самого.

— Моя часть сделки исполнена? — осведомился Аарон, помешивая вино в бокале.

Райт опустил в кресло, закурил. Когда-то Аарон был нанят убить Берингера, но был пойман. И теперь, после двухлетней службы, советник готов дать ему свободу.

Не дожидаясь ответа, наемник продолжил:

— Не скажешь, сколько у тебя получают твои псы?

— Хочешь на меня поработать? — советник спокойно курил, поглядывая на Аарона. —

С какой это стати?

— Привычка.

Райт молчал, наемник нервно протянул:

— Ты почти король, а я не прочь служить на благо Хегея.

Обличающий смех Берингера сотряс стены.

— Я могу поверить во все, что угодно, но не в твою преданность королевству. Скажи прямо, что ты хочешь?

— Во-первых, я почти за честь служить тебе Берингер. Во-вторых, мне действительно кое-что нужно, — Аарон сделал последний глоток вина, отставил бокал.

— Деньги? Власть?

— Мне нужна Розетта Лефер. И даже не думай усмехаться, Райт. Да, я хочу ее. Еще с тех пор, как выдавал себя за ее чертового телохранителя. И если раньше она понукала мной, считая грязью, то теперь я заставлю эту соблазнительную строптивицу уважать меня. Ее семья не посмеет отказать тебе, когда ты придешь к власти.

— Хорошо, — внезапно согласился советник, — ты ее получишь.

— И место в совете.

— Твои услуги никогда еще не стоили так дорого, Аарон, — вымолвил Райт, поднося к губам сигару, — но я сделаю для тебя одолжение и в этот раз. Учти только, наемник, я покупаю твою верность и если усомнюсь в ней хотя бы на долю секунды, шпили дворцовой башни украсит не только твоя голова, но и твоей красавицы.

Наемник напрягся, в очередной раз убеждаясь, что Берингер никогда ничего не делает просто так. У всего есть цена.

— По рукам, — произнес он.

— Ну раз ты так безрассудно смел, — вялая улыбка скользнула по губам Берингера, — у меня для тебя есть задание. Ты должен передать послание лорду Бейдоку.

— В этом есть какой-то глубокий смысл? — удивленно протянул наемник.

— Бейдок стоит с войском в восемь тысячи человек у северных границ королевства и только ждет, когда я дам отмашку.

— Думаешь, мы сможем вернуться до того, как начнется грызня за престол?

Не успел Райт ответить, как дверь в кабинет открылась, пропуская Саргола.

— Ваше сиятельство, — сказал он бесцветно, — пришла весть из дворца — король умер.

Аарон вздохнул, потянулся к бутылке вина.

— Не выпить ли нам за это? — вымолвил он, наполняя бокал.

Райт затушил окурок, поднялся, прошагал к окну.

— Упокойся с миром, старый ублюдок, — тихо зашептал он, склоняясь над подоконником, затем бросил через плечо помощнику: — Лекарь уже ушел?

— Да, милорд. Он оставил рекомендации. Все необходимое мы уже передали служанке леди Джины.

— Позаботьтесь о том, чтобы моя гостья ни в чем не нуждалась.

— Конечно, милорд, — отозвался Саргол.

Берингер поморщился — заверения помощника ничуть не сбавили его пыл пойти и самому убедиться, что девочку окружают забота, тепло и уют.

— Я хочу знать о всех передвижениях приближенных королевы, — бросил он

помощнику. — Любые новости — сразу ко мне. Как прибудет лорд Деквуд, сообщи.

Аарон внимательно слушал своего повелителя, глядел на вечно холодного беспристрастного Саргола, понимая, что иной человек попросту не смог бы стать тенью Райта. Саргол был будто лишен всех мыслей, он просто выполнял любые команды.

— Думаешь, Эдмунд и Генриетта действительно рискнут осадить Лауртан? — спросил наемник, хотя ответ был предсказуем.

— Я скажу больше, — вымолвил Райт, — начнется война.

* * *

— Хотела меня видеть?

Нет, не хотела. Но увидеть лорда Берингера было необходимо, как сделать вдох.

Во-первых, я обязана ему жизнью, и он заслужил — спасибо. Во-вторых, я хотела знать планы этого человека в отношении всего, включая меня, и в-третьих, я не мыслила себя без его присутствия. Он был мне нужен... и это пугало и завораживало одновременно.

Я сидела на высоком стуле из красного дерева с резной спинкой. Уверена, осанка у меня была безупречной, как и вышколенный манерный кивок.

Оглядев меня, Райт едва уловимо улыбнулся. Понимающе и спокойно, будто разгадав мое желание выстроить между нами стену отчуждения.

— Милорд, я хотела сказать вам, — начала я, покуда он подошел к столу, на котором стопками лежали письма, — эм... спасибо.

Берингер безразлично просматривал почту, приводя меня в замешательство. Вел себя так, будто принимает мои правила игры. Выжидает, дает время осознать неизбежное — отныне я принадлежу ему.

Камин топился, хотя в комнате было адски жарко. И становилось жарче и жарче, пока Райт был так отстранен и молчалив.

— Я вам очень признательна.

Одно из писем Берингер развернул, прочел, а затем отправил в камин. Меня пожирали внутренние демоны. Я заерзала на стуле.

— Милорд, ваш поступок... я безмерно благодарна...

— Я понял, Джина. Весьма польщен.

Бумага снова зашелестела — Райт нахмурился, читая очередное послание.

— Милорд?

— Да? — все так же спокойно.

— Я знаю, что вы безумно заняты, но нам нужно поговорить.

Эта просьба была проигнорирована, поэтому я выпалила:

— Не могли бы вы хотя бы посмотреть на меня? — сказала, а у самой сердце подскочило к самому горлу.

И он посмотрел — темные глаза завораживающе блеснули. Я вжалась в спинку стула, а Райт усмехнулся.

— Что-то не так, Джина?

Да, он знал, как его прожигающий волнующий взгляд подействовал на меня. Один лишь взгляд, в котором схлестнулись искушение, желание, призыв. Волна обжигающих мурашек прокатилась по телу, и дышать стало сложнее. Воздух в кабинете вдруг закончился.

Мой взгляд скользнул по напряженной фигуре мужчины. Одну руку Берингер убрал в карман брюк, стоя передо мной в пол оборота. Прядь черных волнистых волос упала ему на лоб, подбородок покрывала щетина.

Находиться с ним в комнате один на один не так просто, как я думала.

— Очень жарко... — вырвалось у меня сипло.

Уголок его губ насмешливо изогнулся. Казалось, он понимает все то, что происходит со мной.

— Воды, милая? — голос изменился, стал уверенным, дразнящим.

Я думала, что могу вынести любого Берингера — насмешливого, злого, торжествующего. Но я ошиблась. Этот мужчина — самоуверенный, властный — заставлял мое сердце трепыхаться и изнывать от странной жажды. Я наблюдала за его руками, когда он взял графин и наполнил водой бокал. За руками, покрытыми шрамами. За грубыми пальцами, которые сейчас являлись воплощением нежности и аккуратности.

— Достаточно? — спросил мужчина низким спокойным голосом, в котором послышались отголоски торжества. Вода достигла краев, и я вымолвила едва слышно:

— Хватит.

Спокойные размеренные шаги раздались прямиком в моей голове. Райт приблизился, и меня окатило жаром, щеки вспыхнули, между лопаток скользнула влага.

Он преподнес бокал, наблюдая за мной сверху вниз. Под этим наряженным взглядом, я не смела шевельнуться. С трудом я коснулась бокала так, чтобы не коснуться руки этого человека, поднесла к губам. Прохладная вода, как освобождение, заставила меня вновь дышать. Я вскинула глаза, почти теряя самообладание от вида Райта, стоящего рядом. Его губы были приоткрыты...

— Черт! — бокал выпал у меня из руки и разбился.

Разбилось в дребезги и мое спокойствие. Райт выдохнул с шипящим сдавленным стоном.

— Ничего страшного, — произнес он, — хочешь еще?

«Хочешь еще? — боже, как порочно, дико, соблазнительно это прозвучало».

— Я... нет, милорд.

Почему мне так яростно, безумно, невыносимо хочется снова взглянуть в его глаза, искупаться в этом ласкающем взгляде, ощутить его физически.

— Тебе так страшно, Джина? — вновь этот низкий, сводящий с ума, голос. — Я ведь даже не касаюсь тебя. Я очень сдержан, тебе не кажется?

Не представляю, что случилось бы со мной, если бы его ладони скользнули по моему телу.

— Не смотрите так...

— Как?

Я не могу ответить на этот вопрос. Знаю ответ, но не могу произнести вслух.

— Еще воды, — выдыхаю и отвожу взгляд.

Пора бы избавиться от наваждения, и следующие несколько минут я только этим и занята, но голос Райта снова низвергает меня в пучину иллюзий.

— Ты должна остаться со мной.

Какой смысл таится за этой фразой — можно только гадать. Остаться с ним сейчас? Или остаться в его доме?

— С вами?

— Со мной, Джина. И ты все правильно поняла. Ты ведь знаешь, чего я хочу?

Слишком прямолинейно. Чересчур.

— Почему меня хотели убить? — пришло время разбавить происходящее действительно стоящим вопросом.

— Потому что ты принадлежишь мне.

— Но ведь это неправда.

— Нет, милая, это правда. Самая, что ни есть настоящая, — и в этом было сложно усомниться. — И лучше тебе в это тоже поверить. Сегодня скончался король, Джина, и единственный, кто может обеспечить твою безопасность — это я.

Я медленно подняла голову, в которой случился самый настоящий взрыв. Я даже не подумала скрыть свою растерянность:

— Эдмунд станет королем?

— Нет, — отозвался Берингер, наблюдая за мной со снисходительной улыбкой, — королем станет его брат.

— У Эдмунда есть брат? — вскинула брови.

— Да. Его зовут Уильям.

— Уильям?

— Да, милая. Уильям первый, король Хегея. Ему два года.

Сопоставить слова Берингера с действительностью было крайне сложно. И дело не в том, что я не помнила всю родню принца, а в том, что никакого брата у Эдмунда не было.

— Вы шутите? — в итоге спросила я, подозрительно прищурившись. — У Генриетты всего один сын.

— Какая наблюдательная девочка, — усмехнулся Райт, вдруг присаживаясь рядом с моим стулом на ковер, сгибая ногу в колене и опуская на нее руку.

Его действие вызвало почти неконтролируемую панику. Нечеловеческим усилием воли я заставила себя сидеть смирно.

— Хотите сказать, у короля есть сын, помимо Эдмунда?

— У него еще два сына, помимо Эдмунда, — спокойно заговорил Райт, — один из них займет престол, другой станет регентом. И об этом король объявил совету перед смертью.

— И кто станет регентом? — пазл все еще не хотел складываться.

— Самый старший из них. Не думаю, что он будет хорошим правителем. Ему никогда не нравились дворцовые интриги.

— Вы с ним знакомы?

— Пришлось познакомиться.

— Кто этот человек? Как его имя?

Райт внимательно смотрел на меня, а у меня — о, пустоголовая — не было ни одной догадки.

— Это я.

— ... это вы, — повторила растерянно. — Вы? Сын короля?

— Абсолютно нечем гордиться, — усмехнулся мужчина.

— Вы? — все еще повторяла, вдруг связывая все «ниточки» воедино. — Вы сын короля, один из Виндоров...

— М-да.

— Уильям сын Стеллы, — проговорила я, осознав простую истину: — Ваш отец и ваша жена... — меня опалил взор Райта, поэтому продолжать я не стала. — Их сын станет

королем. Но почему не вы? Вы имеете все права на престол. Вы старше Эдмунда.

— Моя мать была сакрийской рабыней, которой «угощали» гостей в знатных домах столицы. Мой отец выкупил ее, но его страсть была недолгой. Он определил ей нового хозяина, когда она забеременела. Вскоре после моего рождения, она сбежала в Сакру, — Райт внимательно посмотрел на меня. — Так что я сын рабыни, так еще и сакрийки.

— Ясно.

— Тебя это не пугает, Джина? Теперь уже не кажется, что я достоин короны?

— Вы были бы отличным королем, — совершенно искренне ответила я, заставив Райта распахнуть от удивления глаза.

— Да? И почему?

Он — сильный, властный, смелый и умный — хотел знать такой простой ответ.

— Потому что... — под этим взглядом мне трудно было произнести даже слово, не говоря о настоящем признании, — потому что я не встречала мужчину... более достойного, чем вы.

Он долго смотрел на меня, ничего не отвечая. Казалось, в этот момент что-то происходило. Может, земля расколослась надвое, а мы просто не заметили?

— Достойного? Милая, я не благородный рыцарь, о каких грезят девочки в твоём возрасте.

Определенно нет.

— Тогда скажите, кто вы, милорд?

Хочу знать. Хочу услышать. Хочу почувствовать.

— Сумасшедшая, — тихо застонал мужчина, — ты хоть понимаешь, что говоришь? Понимаешь, как невинно и притягательно сейчас выглядишь? И чего мне стоит быть таким... сдержанным?

— Нет.

— Нет? — усмехнулся он. — Ты вся дрожишь, когда я смотрю на тебя? Для тебя я чудовище?

— Нет.

— Снова твоё «нет», — произнес Райт, тяжело дыша, — тебе нравится подводить меня к грани?

— Нет.

— Считаешь это забавным?

— Нет.

— Испугаешься, если я прикоснусь к тебе?

Я закусила губу, затем отрицательно мотнула головой.

— А если поцелую? — он не двинулся, просто спросил, решительно глядя мне в глаза.

— Поцелуете? — растерянно повторила я, вспыхнув от смущения. — Так же, как и тогда? В камере?

Его взгляд потемнел, с него будто сорвали пелену спокойствия. И я провалилась в этот омут, не желая сопротивляться.

— Нет... не так... — Райт стянул меня с кресла на пол, его пальцы скользнули по моей шее, ласково погладили ключицу, а затем принудили опрокинуться на спину. Райт смотрел, как я послушно легла, как разметались по ковру мои темные локоны. Смотрел с той характерной мужской властью, которая лишала спокойствия. А затем медленно склонился, запуская пальцы мне в волосы, обвивая затылок. Его колено вторглось между

моих колен, и я испуганно вздохнула. Его губы накрыли мои, жадно, но сдержанно и нежно. Долго... так восхитительно долго.

О, небо. Еще никогда я не думала о мужчине так — порочно, жадно, бесстыдно. Еще никогда не чувствовала жгучую тугую боль в животе от его близости. Никогда не жаждала так сильно и беспутно познать то, что мог дать он, Райт Берингер.

Его губы двигались неторопливо, вытягивая из меня здравый смысл по крупице. Страх уступил место удивлению, желанию почувствовать то новое, что так любезно преподнес мне этот мужчина — страсть, удовольствие. А ведь мне нравились — ох, как нравились — его попытки быть нежным, когда он сам был взведен до предела. Я слышала удары его сердца, ощущала сокрытое нетерпение в каждом его вдохе.

— Ваше сиятельство, — раздался голос за дверью, а затем и стук. — Прибыл отряд Девилля.

Райт упрямо игнорировал своего помощника. Мы все еще лежали на полу, и теперь я поняла — как. Рука мужчины плотно сжимала в кулаке мои волосы, другая скользила по моей шее. Райт, большой и тяжелый, навис сверху.

— Ваше сиятельство, у Девилля срочное донесение!

— Пусть катиться к дьяволу... — хрипло прошептал советник, разглядывая мое лицо. В моем взгляде, кричащем о продолжении, он прочел то, что заставило его издать короткий мужской стон.

И вместе с тем мы оба понимали, что не пройдет и секунды, как Райт уйдет.

— Подождешь меня? — спросил он.

Я плавила под этим взглядом, и вместе с тем понимала, что этот человек, в руках которого сосредоточена вся сила Хегея, подвластен лишь одному — желанию завладеть мной.

— Здесь?

— Где угодно, — произнес, склоняясь к моим губам, замирая, едва сдерживая новый порыв, — только скажи где.

— Я... — язык не поворачивался озвучить то, о чем давно кричали глаза. — Я... о, Райт, я ведь... мы...

— Ты ведь давно поняла, что я сделаю для тебя все, что угодно, — прошептал, лаская подушечкой большого пальца мои губы. — Только прикажи.

— Но...

— Нет никаких «но», теперь уже нет. После того, что я видел...

— Видел? — робко переспросила, чудовищно покраснев.

— В твоих глазах, Джина.

— Но... — снова пролепетала, осознавая смущающую и безумно волнительную правду, — я не могу быть с вами... я еще никогда...

Я еще никогда с таким желанием не хотела отдаться мужчине. И это чудовищно, потому что лорд Берингер был женат на самой последней дряни, но факт оставался фактом.

В дверь снова постучали — уже настороженно и бойко.

— Милорд?! — голос Саргола был по-прежнему беспристрастно-вежливым.

Райт поставил руки по обе стороны от моей головы, и сказал довольно самоуверенно:

— Поцелуй меня.

— Ч-что?

— Ты знаешь, что я хочу намного больше. И, не смотря на твою невинность, понимаешь,

что именно. Но я готов подождать, Джина. Я умею ждать.

Не зная, что сказать, я приподнялась на локтях и скромно по-детски прижалась губами к его губам. Этот поцелуй был жалким и совершенно глупым по сравнению с тем, что некоторое время назад вытворял со мной Берингер, но мужчина нетерпеливо вздохнул и прошептал:

— Я вернусь. Скоро.

Если бы не голос — чувственный, низкий, тягучий — это можно было считать угрозой. Впрочем, даже пытки не заставят меня произнести вслух пугающую откровенную правду. Это было бы слишком безумно и обличительно. А надо было просто сказать: «Я хочу, чтобы вы сделали со мной все то, что делает мужчина с женщиной».

Может, она и заслужила это — кто знает?

Генриетта опустила на стул, сохраняя внешнюю безмятежность в каждой черте побледневшего лица. Она никогда бы не подумала, что супруг решится озвучить правду. Одно дело подозревать Райта, но совершенно другое осознать, что муж предал все самое светлое, что было между ними. Унизил, растоптал... уничтожил Эдмунда.

— Неужели, — вымолвил король сыну, растягивая губы в кровавой улыбке, — ты думал, я позволю тебе сесть на трон? Тебе? Белокурой неженке?

Принц в тот момент походил на ребенка, у которого отняли игрушку. Его лицо вытянулось, в глазах застыло недоумение и растерянность. Когда-то в детстве, она застала его таким же напуганным и сбитым с толку, когда он потерялся в парке. И сейчас он снова выглядел беспомощным, лишенным опоры.

— Мама... — принц ворвался в комнату, жалобно зовя мать.

— Ты знала! — закричал он, вставая перед ней. — Ты знала! Знала!

Она медленно перевела взгляд на лицо сына. Кого она видела перед собой? Мужчину? О, ей давно пора признать, что Эдмунд далеко не так силен, мужественен и хитер, как Райт Берингер. Но Эдмунд ее единственный сын, законный наследник Хегейского королевства, и она никому не позволит в этом усомниться.

— Только не ты, мама! — сокрушался принц, сжимая кулаки.

— Успокойся и сядь, — холодно и жестко приказала она, приводя сына в замешательство, — прекрати истерику, Эдмунд. Стань, наконец, мужчиной.

— Я — мужчина! Мужчина, ясно тебе?! — заорал он, стремительно краснея. — Я — законный сын короля. Я, а не какой-нибудь ублюдок!

— Он назвал имя своего бастарда перед всем советом, — произнесла Генриетта, — признал Райта лордом-протектором до совершеннолетия Уильяма. Гореть ему в аду за это. Но мы, Эдмунд, теперь должны быть крайне расчетливы и умны. Нам нельзя ошибаться. Тебя поддержит большая часть совета, вассалы короля не захотят видеть у власти сына сакрийской рабыни, пусть и в роли регента.

— Ты не сказала мне, что Стелла родила королю очередного ублюдка. Ты не сказала!

Королева усмехнулась, приподняла изящную тонкую бровь.

— Я берегла тебя от этой правды.

— Неужели нельзя было избавиться от него?

— О, я пробовала. Стеллу заперли в монастыре Листана, оградили от меня, охраняли, как зеницу ока.

Эдмунд рухнул перед ее стулом, положил голову ей на колени, судорожно вздрагивая.

— Ненавижу! Ненавижу! Не...на...ви...жу... — рыдал он, стискивая ткань ее юбки.

Генриетта опустила руку, касаясь шелковых волос сына. Она отстраненно смотрела в окно, сердце ее сжималось от боли.

— Ничего, Эдмунд, ничего...не беспокойся, — вымолвила она, — ты станешь королем, обещаю. И ты увидишь, как будут мучиться твои враги.

— Хочу голову Райта! — просипел он. — Хочу, чтобы он сдох!

Королева печально улыбнулась, но не успела ответить, как на пороге появился лорд Тесор.

— Ваше величество, — почтительно склонился он. — У меня для вас послание от его величества лорда-протектора, регента Райта Берингера.

В воздухе повисло напряженное молчание. Эдмунд поднял голову, свирепо взирая на начальника стражи, поднялся, выхватывая нож, но мать вцепилась в его рукав, бросив Тесору:

— Сейчас не лучший момент для этого, милорд. Оставьте нас.

Но Тесор не сдвинулся с места.

— У меня приказ регента Хегея передать вам послание. Лично в руки.

— ...я убью его... убью... — захрипел Эдмунд, стиснув зубы.

Королева поднялась, смерив начальника стражи обжигающим презрительным взором. Она подошла, сохраняя достоинство, показывая все свое величие и бесстрашие. Протянула руку ладонью вверх. Тесор вложил в ее ладонь письмо, скрепленное печатью.

— А теперь прочь! — ее ресницы вспорхнули, взгляд полоснул по мужчине. — Убирайтесь из дворца, если вам дорога жизнь.

— Ваше величество, мой долг своему королю — быть здесь.

— Я — твой король! — взорвался Эдмунд. — Я! Я! Понятно тебе?!

Тесор ответил почтительным спокойствием на этот поток истерики.

Между тем королева сломала печать, развернула послание, пробежав глазами по строчкам.

— Помолчи, Эдмунд, — приказала она, сжимая бумагу в кулаке. — Что-то еще, лорд Тесор?

— Будет ли ответное послание?

Генриетта прикрыла веки, справляясь с эмоциями, и произнесла срывающимся голосом:

— Нет... теперь нет.

Начальник стражи поклонился и удалился, ловко чеканя шаг.

— Что? Что там было? — вопрошал принц, указывая на зажатую в кулаке матери записку.

— Объявление войны, — королева вновь села на стул, отвернувшись к окну и стиснув челюсти, — а теперь оставь меня, Эдмунд. Мне нужно побыть одной.

— Но...

— Не спорь! — повысила голос.

Принц выругался и, махнув рукой, выбежал прочь.

Гнетущая тишина заполнила комнату, поселяясь в душе королевы. Королевы, обреченной на вечное ледяное одиночество. Она прижала к губам пальцы, зарыдала горько.

Райт требовал ее низвержения, отказа от притязаний на престол в обмен на жизнь лорда де Хога. В обмен на ее любовь, ее любимого юношу! И она готова отказаться от него ради цели более высокой. Но как же это больно.

Генриетта вдруг смахнула слезы, тяжело вздохнула. Когда ее сын станет королем — а он станет — она вырвет животрепещущее сердце Райта Берингера, наблюдая, как он корчится от боли. И это будет самый счастливый день в ее жизни.

* * *

Девилль ожидал господина, положение которого сейчас было более чем прочным.

Мужчина стоял в окружении верных воинов, готовясь сообщить весьма скверную новость.

— Я тороплюсь. Быстрее, — двухстворчатые двери распахнулись, впуская обладателя низкого рычащего голоса в совещательный зал. Лорд-протектор решительно прошагал к столу, указывая Девиллю на стул.

— Где лорд эль-Берссо? — начал он с самого главного.

Девилль присел, не решаясь поднять взгляд, ибо он знал, как может быть опасно смотреть в глаза зверя.

— Ваше сият... ваше величество, — откашлялся.

— Где он? — темные глаза Райта сощурились.

— Лорд эль-Берссо оказал сопротивление и был смертельно ранен. Он скончался по пути в Лауртан.

— Я сказал доставить его живым, — довольно спокойно и даже мягко вымолвил регент.

Эта мягкость лишь обман. К сожалению, Райт не умел быть мягким.

— Мой лорд, это было невозможно.

— Это было довольно просто, — оборвал Берингер, — но ты не справился. Я весьма огорчен. Саргол! — позвал, не спуская с Девилля равнодушно-циничного взгляда. — Я позволю тебе уйти отсюда живым только потому, что ты прошел войну. Твой меч!

Девилль положил руку на рукоять, взглянув на регента.

— Я не выйду отсюда без меча. Меч для воина — это его честь.

— Тогда тебе следует крепче держать его, — усмехнулся Райт, безмолвно протягивая руку в сторону помощника.

Саргол преподнес ему оружие, и Райт вытянув его из ножен, отбросил последние на пол.

— Мне нет равных в бою на мечах, — Девилль поднялся, сообщая противнику простую истину, — если я раню вас или убью, меня отпустят?

— Со всеми почестями, если, конечно, ты действительно так хорош.

Звон стали заставил присутствующих расступиться, образуя круг.

Девилль, который был старше регента на добрый десяток лет, блестяще владел мечом. Впрочем, это стало очевидным лишь тогда, когда лезвие рассекло грудь Райта.

Саргол, всегда предельно хладнокровный, дернулся в сторону хозяина. В этот момент Девилль выбил из руки регента меч.

— Признаю, — изрек Райт, тяжело дыша, — ты действительно хорош.

Девилль опустил оружие, встал на одно колено, произнеся покорно:

— Я готов служить вам до самой смерти. Дайте мне еще один шанс, мой лорд, и я не подведу вас. Никогда.

Берингер взглянул на разорванную куртку, на тонкую алую полоску, едва вспоровшую кожу на груди. Усмехнулся.

— И почему я не должен убить тебя после всего этого? — спросил он насмешливо. — Ты и твой провал стоил мне очень многого, — Девилль все еще стоял на коленях, поэтому Райт добавил: — Хорошо, но учти, я сдеру с тебя шкуру, если нечто подобное повторится.

— Никогда, мой лорд. Никогда вы не пожалеете о вашем решении.

Ох, если бы знал тогда Райт, чем обернется для него эта клятва.

Есть две вещи, которые настоящая леди никогда не должна делать — сбегать из дворца с женатым мужчиной и быть деревенщиной из Хоупса!

Кабинет Райта в Лауртане был подобен полю для игры в мяч в моей незыблемой деревне. По размерам, конечно. И стоило учесть немаловажное обстоятельство — это был воистину мужской кабинет. Думаю, даже служанки избегали заходить в него, опасаясь застать Райта за поеданием младенцев. Ох, и грозен он был. До смешного.

Я медленно шла вдоль стола, ведя по краю пальцами, разглядывая ворох документов, массивную чернильницу, пепельницу с окурками. Руки у меня еще дрожали, на губах горели поцелуи, и ничего я не ждала так сильно, как возвращения этого мужчины. Почти врага, почти друга, почти любимого.

Не удержалась от возможности плюхнуться в глубокое хозяйское кресло, вальяжно развалиться, положив руки на подлокотники. Ощущение, что поплясала на святыне — не дай бог попасться Райту! Приподнявшись, увидела на столе письмо. Печать была сломана, бумага развернулась, давая мне прочесть отрывок: «... заклинаю вас всеми святыми, верните мне сына». Лишь строчка, но у меня похолодело сердце. Потянувшись к письму, я вздрогнула, услышав, как растворилась дверь, и тяжелые шаги возвестили о возвращении хозяина.

Вскочив на ноги, я вытянулась по струнке, испуганно воззрившись на регента. Он медленно закрыл дверь — единственный выход. Пока он не вышел на свет, я чувствовала, что меня одолевают эмоции. Но когда пламя камина выхватило из мрака его высокую фигуру, с меня разом сошел страх:

— Какого...?! У вас кровь?! Райт!

Лорд Берингер усмехнулся, выудив из моих уст стон изумления. Что-то не похож он на тяжелораненного или, хуже того, умирающего.

— Прости, забыл про это, — беспечно вымолвил мужчина, указывая на разорванную куртку, — боялся, что ты уйдешь.

Уйду? Да я в его владениях, он найдет меня в любой из многочисленных комнат этого замка.

— Я приказал принести сюда ужин. Не против?

— Я?

Интересуется моим мнением?

— Мне показалось, ты голодна, Джина.

— Я?

— Устала, вымотана...

— Кто?

Он рассмеялся, заставляя меня почувствовать себя сущим ребенком.

Внимательный мужской взгляд окинул меня, стол и кресло, в которое я упиралась.

— Что ты делала? — аккуратно и насмешливо.

— Ничего, — слишком поспешно выдыхаю. — А вы?

— Подрался...

— О... — вообще нечего сказать, кроме глупого: — Ясно, милорд.

Регент, напыщенный регент, черт его дери, подошел к столу, бросив взгляд на нужное письмо, затем на меня. Догадливый до невозможности, он вопросительно приподнял бровь:

— Хочешь прочесть?

Хочешь на виселицу? О, нет. Все, что касалось личности Райта было возведено в

квадрат таинственности. Хотя, чисто гипотетически, я бы не прочь прочитать загадочное послание.

— Я разрешаю, — лорд Берингер внимательно следил за мной, и мои эмоции и мысли так явственно отражались на лице, что он снова рассмеялся: — Я будто поймал тебя на краже конфет, Джина. Ты чертовски мило краснеешь.

Когда он говорил в таком тоне, хотелось вывернуться наизнанку, но доказать, что я взрослая, самостоятельная женщина.

— Отлично, — я схватила письмо, развернула, с нарочитой деловитостью принялась читать: — «Супруг мой, я уже много раз просила вас, но попрошу еще, ибо я виновата перед вами. Я готова искупить свой грех хоть сотней лет, проведенных в этих стенах, хоть болью и муками, хоть унижением. Но заклинаю вас всеми святыми, верните мне сына», — под конец мой колос стих, превратившись в шепот. Закончив читать, я посмотрела на Райта.

— Это от Стеллы, — вздохнула, возвращая письмо на стол, — почему вы позволили мне прочитать письмо?

— Потому что у меня в отношении тебя серьезные намерения.

Что бы это ни значило, это заставило меня нервничать.

— Какие именно?

— Свадьба, дети и совместная старость, — на его губах обозначилась насмешливая улыбка. — Ты рассчитывала на такой ответ?

Свадьба, дети, совместная старость и... розовый пони. Я похожа на идиотку?

— Я бы этого хотела, но ваши намерения, вероятно, — бросила я разочарованно, — ограничиваются лишь постелью и несколькими тысячами лир содержания.

Когда он улыбнулся, я поняла, что сказала — признала, что хочу выйти за него и родить ему детей. И, кажется, он был польщен.

— Мм... — Райт присел на краешек стола, — возможно, для тебя мой ответ прозвучит грубо и даже оскорбительно, но я ведь не мальчик, Джина, и не могу обещать тебе, что пока не оформлю развод, наши отношения будут чисто... дружескими. Ты и так это поняла, так ведь? Ты будешь рядом со мной. Это, я считаю, предполагает наличие тебя не только в моей жизни, но и в моей постели.

Я задохнулась от возмущения, явно намереваясь это оспорить.

* * *

В Хегейском королевстве было возможно все.

Смерть монарха давала Хегею довольно жалкие перспективы. Генриетта бы и рада посадить на трон своего дражайшего отпрыска, но слишком много ушей слышало последнюю волю короля. Поэтому трон по истечению пяти дней после кончины его величества был по-прежнему пуст. Занимай — не хочу...

Наследник престола, которого объявил король, был слишком мал, чтобы выражать собственные желания, а Эдмунд слишком уязвлен и обижен, чтобы следовать указам отца.

А я? Была обречена на вечное истязание мечтами о несбыточном будущем?

Должна бы, но что-то новое появилось в этой безрадостной жизни, в кристально-чистом воздухе Лауртана, в розоватых рассветах, видах зачарованного леса и белоснежных перьевых облаках. Во всем многообразии происходящего, я хотела видеть только хорошее.

— Око провидца... — горячий шепот коснулся моей щеки.

Большая медвежья шкура, на которой мы лежали под ликом звезд на одной из смотровых площадок, окутывала нас спокойным теплом. Я почувствовала, как Райт обвил меня руками, смыкая на талии пальцы. Я облокотилась на его грудь, глядя в ночное небо. Безмятежное, бездонное, глубокое, как и то чувство, которое я сейчас испытывала.

— А это созвездие? — говорить трудно, мысли путаются.

Уже за полночь, но мы не можем расстаться. И я не хочу, чтобы ночь — приятная, волнующая, многообещающая — закончилась.

Когда Райт повел меня сюда, я и подумать не могла, что меня ждет восхитительный вид ночного неба над Лауртаном и крепкие ласковые объятия.

— Это путь странствий... — ответил мужчина.

— Откуда вы это знаете?

Я запрокинула голову, касаясь мужского плеча.

— Узнал на войне. Иногда это помогало мне избавиться от эмоций... восточный предел — это не сказка, это кошмар, в котором самое твое гуманное решение может обернуться полдюжиной трупов...

Его пальцы переплелись с моими. Он приподнял руку, любясь этим зрелищем... ладонь к ладони...

— Сколько времени вы провели там?

Райт заботливо поправил шерстяное одеяло, в которое я была укутана.

— Больше десяти лет.

— Это долго...

— Это многому меня научило.

Тепло, уютно, спокойно. Даже его слова — страшные слова о войне — не могли нарушить то, что возникло и крепло между нами с каждой секундой.

— А Стелла? Когда вы познакомились?

— Ей было пятнадцать, когда я ее впервые увидел. Я ждал еще четыре года, прежде чем на ней жениться.

Жаркое чувство кольнуло в груди.

— Четыре года... — недовольно засопела, — наверно, вы любили ее очень сильно.

Райт приподнялся, чтобы посмотреть мне в глаза, и весело улыбнулся.

— Джина, ты ревнуешь?

— Нет.

— Отлично, — и снова лег, притягивая меня к себе и целуя в макушку.

— Но все-таки, — теперь приподнялась я, высвобождаясь из-под его руки, — четыре года!

— Да, долгий срок, чтобы пребывая на поле сражения мечтать о юной деве, которая родит тебе детей и будет ждать у очага. Эти мечты возвели ее в абсолютный идеал, из-за которого я потерял голову.

Я молча отвела взгляд, положила ладонь ему на грудь, ощущая грубую ткань куртки.

— Значит жена у очага и дети — предел ваших грез?

— Это было бы великолепно, — зарывшись пальцами в мои растрепанные волосы, Райт гладил меня по голове. — Разве это так много, Джина? — а потом добавил задумчиво: — Ты сможешь дать мне все это? Сможешь когда-нибудь полюбить меня?

Простые вещи не всегда лежат на поверхности, иногда путь к их осознанию может быть

слишком тернист.

Райт коснулся моего подбородка. О, это движение я выучила наизусть — он хочет приподнять мне голову, чтобы заглянуть в глаза и увидеть в них покорность и желание угодить.

— Просто ответь «да», и я буду ждать тебя сколько угодно.

Он был серьезен, предельно откровенен и искренен.

— Хочу тебя, Джина, с той самой секунды, как увидел. Хочу быть хозяином твоего тела, души, каждой твоей мысли... — он обхватил ладонями мое лицо, припал к губам, нежно целуя. — Ты просто должна сказать «да».

Я скользнула ему на грудь, пугливо прижимаясь щекой. Хотела одного — тонуть в его объятиях. И, кажется, он понял.

— Хорошо, — произнес, снова обнимая и устраиваясь удобнее на медвежьей шкуре, — мы с тобой вернемся к этому разговору позже, но ты обещаешь подумать. Так ведь?

Я кивнула.

— Умница, девочка. А теперь взгляни на звезду удачи. Она сегодня просто сияет.

Запах этого мужчины, его прикосновения, голос... я медленно погружалась в омут его очарования. Таким ласковым, чутким, заботливым он был впервые, исключая тот случай, когда нес меня на руках, спасая от похитителей.

— Устала? Хочешь спать? — шелохнулся Райт.

— Нет, — протараторила, боясь, что он поднимется и отпустит меня, — я не устала, здесь очень хорошо.

С тобой очень хорошо...

— Тогда расскажи мне о Хоупсе.

— Это рай зеленых долин, пастбищ и лугов... — проворковала я сонно, устраиваясь на плече мужчины, — место, где идут густые, пахнущие лесной смолой, дожди, где бьют ручьи и шумят реки, где воздух прозрачен, как капля россы...

Широкая теплая ладонь мерно, медленно и нежно гладила мою спину.

— ... И каждый день там солнце погружается в недра земли, потухает, чтобы восстать, подобно фениксу... там обитают непокорные и бесстрашные тарпаны, которых невозможно приручить... там в воздухе кружат запахи жимолости, полевых цветов и горькой травы... там люди чувствуют себя свободными, вольными...

Мужчина слушал меня, задумчиво выплетая узоры кончиками пальцев на моем плече.

— Это, наверно, самое прекрасное место на свете, Джина.

Я улыбнулась. Сейчас здесь, на этой смотровой площадке, самое прекрасное место на свете. С ним...

Мне не хотелось говорить, просто находится рядом — достаточно. Слушать стук его сердца, его дыхание, ощущать его прикосновения, чувствовать, как в груди бушуют эмоции, как кружится голова, как по телу распространяется сладкий дурман.

— Райт, — шепчу, засыпая.

— Ммм?

— Не отпускай меня...

Он молчит, лишь прижимая крепче, и я тону в мягких волнах сновидений.

— Донесение от Девилля, ваше величество...

Генриетта мазнула взглядом по говорившему, затем многозначно посмотрела на сына. Эдмунд задумчиво остановился напротив прикованного к стене пленника, разглядывая, морщась. Узник был обнажен по пояс, на животе и груди атели полосы от плети. Голова безвольно повисла, взмокшие волосы упали на лицо.

— По его милости мы потеряли почти две сотни человек, — пренебрежительно вымолвил он, указывая на поникшего мужчину: — Я чуть не погиб, черт его побери.

Королева развернула послание, игнорируя слова отпрыска, прочла и усмехнулась.

— Мой дорогой сын, теперь это уже не имеет значения.

Эдмунд недоуменно оглянулся.

— Что?

— Девилль остался верен Хегею и тебе. Он никогда не будет служить ублюдку сакрийской рабыни. И поэтому, я спешу поздравить тебя, сын, с первой маленькой, но очень важной победой, — лицо Генриетты светилось торжеством.

Эдмунд повернулся всем корпусом, настороженно почесывая подбородок:

— Что это значит, вообще?

— То, что у Райта все-таки есть слабость — его женщина.

— Но она по-прежнему в Лауртане...

— Да, но у нас ее отец, — Генриета подошла к чадившему факелу, поднося бумагу к пламени и наблюдая, как огонь вспыхивает, пожирает послание, оставляя после себя лишь черный пепел. — И если мы правильно расставим фигуры на доске, Джина очень скоро окажется в наших руках.

Эдмунд неожиданно рассмеялся, снова посмотрел на пленника.

— Так выходит, Тесор нам больше не нужен?

— Думаю, Райт не пошевелит ради него и пальцем. Потери — это то, к чему он привык.

Принц извлек нож, но вдруг махнул рукой одному из тюремщиков:

— Еще забрызгает меня кровью, — пробурчал, указывая тюремщику на бывшего начальника стражи: — За предательство своего короля приговариваю лорда Тесора к казни. Убить.

Генриетта лишь пожала плечами, равнодушно взирая, как тюремщик исполняет приговор. Ей не было дела до прихотей сына, пока они не вредили общему делу. Кроме того, Тесор, который был предан Райту, как пес, ей никогда не нравился. Всего два часа назад по его приказу началась резня тех, кто осмелился поддержать Эдмунда. Кровавое пролитие удалось остановить, но трон все еще недосягаем, пока жив чертов бастард — плод грехопадения короля с женой собственного сына.

— Мы должны осадить Лауртан, — сказала она, когда тело лорда Тесора с вспоротым животом, освободили от оков, — Райт на это рассчитывает. Он бросит все силы, чтобы разбить нас у его стен.

— Хочешь воевать с ним? — удивился Эдмунд. — Против его армии? Против некоторых правдолюбов из совета, которые готовы уступить престол двухлетнему младенцу и передать власть Райту? Тогда, когда люди Тесора за ночь перерезали больше половины наших сторонников? У нас не хватит денег, чтобы заткнуть всем глотки, мама, или купить их преданность! Нам не собрать даже трети войска, чтобы отбить Лауртан.

Королева взяла сына под руку, снисходительно похлопав ладонью по его запястью.

— Милый мой, Райт сам сдаст нам крепость... когда его девчонка окажется у нас, —

Генриетта взглянула в напуганные глаза сына, — когда она окажется в твоей власти, мой дорогой. Когда будет под тобой биться в истерике... Ты ведь хочешь заполучить то, что принадлежит твоему братцу?

Эдмунд долгое время смотрел матери в глаза, затем усмехнулся.

— Удивляюсь, что в тебе нет ни капли крови Виндоров, — хмыкнул он.

— Я полагаюсь на здравый смысл. Джина эль-Берссо, если она и вправду вскружила Райту голову, станет нашим шансом на корону.

Эдмунд бросил прощальный взгляд на бездыханное тело лорда Тесора, подавив приступ тошноты. Вынул платок, отер лоб.

— А что с де Хогом? Что будет с ним?

Генриетта повлекла сына к выходу, поджав тонкие губы.

— А что с ним? Надо ведь чем-то жертвовать. Кроме того, ты прав — слишком долго я ставила свои интересы превыше твоих. С этого дня все будет по-другому, мой юный король, — она улыбнулась, совершенно неумело, скупно. — Но старшему лорду де Хогу мы об этом не скажем. Пусть старик считает, что мы осадим крепость ради его сына. Так он проявит больше рвения.

Они поднялись по узкой, крутой лестнице. На выходе королеву уже ждала делегация из советников и вассалов, убежденных в том, что власть должна остаться в руках Генриетты, или, быть может, опасующихся хладнокровного и никогда не отступающего Райта. Если только он придет к власти, существование богатых домов Хегея претерпит значительные изменения, не в лучшую сторону.

— Ваше величество, — произнес один из мужчин, лорд Шарез, присоединяясь к свите королевы и вставая по ее правую руку.

Движением веера Генриетта продемонстрировала, что позволяет ему говорить.

— Сегодня вечером сюда прибудет мой брат во главе четырех сотен воинов.

— О, ваша преданность будет вознаграждена, милорд, — привычно и почти без эмоций отозвалась Генриетта.

Она слишком устала, чтобы радоваться этим крупяным помощи и услужливости мужчин, стелящихся у ног. Всем им нужно только одно: урвать солидный кусок власти. Сейчас они ставят на победу Эдмунда, щедро предлагая свои услуги, но стоит положению принца пошатнуться, они отвернутся без сожаления. В мире дворцовых кулуаров это было непреложной истиной.

— Ради вас, моя королева, я поведу в бой любое войско...

Сколько лести и бессмысленных пустых клятв. Генриетта лишь на секунду позволила эмоциям взять вверх, язвительно усмехнувшись. Если бы она была способна на чувства, то непременно сравнила бы Шареза с юным де Хогом. Однако первый никогда бы не выиграл в этом сравнении. Атер де Хог был единственным светлым воспоминанием в ее жизни.

— Я слышала о ваших победах на войне, милорд. Кажется, вы служили под командованием Райта Берингера? — она намеренно вспомнила об этом, чтобы охладить пыл Шареза. Правда, мужчина даже не смутился.

— Это было шесть лет назад, — отозвался он, все еще идя рядом, — я тогда лишился руки, ваше величество.

— Говорят, эта история была весьма печальна, — заметила Генриетта отстраненно.

— Лорд Берингер иной раз вершил правосудие над своими солдатами прямо на поле сражения, — невесело усмехнулся Шарез, будто погрузившись в воспоминания, — и, по его

мнению, лишить меня руки было очень гуманно.

Конечно, сиятельный лорд позабыл сказать, что пытался бежать в родовое имение своего батюшки, когда Берингер его настиг. Вместо казни, которая применялась ко всем дезертирам без исключения, Райт лишь отрубил ему кисть, ибо неприкосновенный Шарез был сыном королевского советника.

Генриетта ненавидела трусов, но сейчас она была готова признать, что воспользуется любой помощью. Положение вещей таково, что выбирать не приходится.

— Райт чудовище, вам следовало об этом знать, — сказал принц, шагающий по другую руку от матери, — и радоваться тому, что вы остались живы.

— Конечно, я рад. Моя жизнь еще может послужить вам.

Королева нахмурилась, устав слушать бесполезный треп. Ей нужны не заверения, а действия. Ей нужно бездыханное тело Берингера!

— Это не должно обсуждаться в спешке, милорд, — вымолвила она, — нам нужно собрать совет. Мой сын, как настоящий король Хегея, рожденный в законном браке, должен присутствовать на нем.

Дойдя до своих покоев, Генриетта развернулась к сопровождающим:

— Но для начала я хочу поговорить с лордом эль-Берссо. Он уже во дворце, как я слышала? Надеюсь, он в подобающем состоянии?

Тот час посыпались заверения в том, что с лордом эль-Берссо обращались, как следует и даже лучше.

— Немедленно сопроводите ко мне, — с этими словами она кивнула лордам, сыну и скрылась за дверьми покоев.

Как только хлопнули двери, Генриетта медленно стянула с головы парик, поймав в зеркале свое отражение. Атер говорил, что она красива, но сейчас из зеркала глядела холодная, бледная женщина со страшно заостренными чертами лица. Придерживаясь рукой за косяк, она вошла в приемную, села на диван. Пока ждала камеристку, едва сдерживала приступ истерики.

— Ваше величество, — показала камеристка, присев в глубокий реверанс, и вопросительно посмотрела на королеву.

Выждав минуту, чтобы голос перестал дрожать, Генриетта произнесла коротко:

— Другое платье.

— Сию минуту, ваше величество.

Камеристка удалилась, а королева ощутила, что стены пустой комнаты подогревают и без того раскаленный воздух.

«Что будет если Райт победит? — вдруг кольнуло в сердце. — Он ведь никогда не проигрывал?»

— Ваше величество, все готово, — снова раздался голос камеристки.

Генриетта поднялась, стараясь выглядеть невозмутимо, подошла к большому напольному зеркалу. Фрейлины и служанки, которые ожидали в примерочной, засуетились.

— ...и больше румян на лицо, — приказала королева, поворачивая голову и разглядывая себя, — я сегодня слишком бледна.

Что ж, в бой нужно идти при полном параде.

Критично оценив результат работы своих приближенных, королева удовлетворенно хмыкнула. А затем маска безразличия снова сковала черты ее аристократического лица. Женщина потянулась за веером, сжала его в руке.

— Приведите сюда лорда де Хога!

Чинно расположившись на диване, Генриетта дождалась, когда в покои войдет старый лорд. Он поклонился и, повинуясь жесту королевы, опустился в глубокое кресло напротив.

— Я всегда ценила вас, милорд, и все то, что вы делали ради Хегея и моей семьи. Вы, как никто другой, знаете, как неопытен мой сын в вопросах политики, — она старалась говорить медленно, чуть затягивая слова, поигрывая веером, — я хочу, чтобы вы стали для него человеком, на которого он сможет положиться в вопросах управления государством, — она улыбнулась, заметив, как покраснели щеки старого лорда, — вы примите назначение нового советника Эдмунда? Его правой руки?

Лорд де Хог почтительно склонил голову.

И этого оказалось достаточно, чтобы купить его доверие. В роли первого советника де Хог не поспеет бросить все силы, чтобы отстоять власть и жизнь сына.

— Нам нужно две тысячи человек, милорд, — еле слышно произнесла королева, — мы осадим Лауртан, и выиграем не пролив ни капли крови. Но без войска мне нечего делать в окрестностях замка Берингера, если только я не хочу лишиться головы.

— Я найду людей.

— Этих слов я и ждала от вас, славный лорд, — восторжествовала Генриетта, — мой сын должен повести их. Он вернется, как победитель, и будет коронован.

— Не сомневаюсь, что это так, ваше величество.

Всего один шаг до победы. Генриетта раскрыла веер, мечтательно откинувшись на спинку дивана, и тихо рассмеялась.

Восход был прекрасен.

Красные всполохи прорезали темное небо, легли на верхушки сонных деревьев. Ветер стих, растворяя в себе отголоски прохладной летней ночи. Мироздание сдвинулось, давая жизнь новому дню.

Райт внимательно смотрел в сердцевину горизонта, лаская плечико спящей девушки. Достаточно лишь сжимать ее в объятиях, слышать биение ее сердца, чтобы быть абсолютно счастливым. Такая маленькая, нежная и незащищенная... ее тонкие пальчики крепко вцепились в его куртку, словно боясь отпустить.

Райт запрокинул голову, касаясь затылком стены, сладко зажмурился. Какая это мука и какое блаженство — быть рядом, но быть далеко.

Раскаленное до красна светило показалось над горизонтом.

— Милая, посмотри, как красиво, — произнес мужчина, снова устремляя взгляд вперед.

Он уже давно был равнодушен ко всему, что его окружало. Но сейчас он хотел увидеть в глазах своей женщины восторг. Хотел отчаянно, чтобы она улыбалась.

— Милая? — погладил по волосам.

Девушка приподнялась, скидывая одеяло.

— Мы спали на крыше? — пролепетала она, оглядываясь. — Прямо здесь?

Растрепанная, точно воробышек, незащищенная и хрупкая, она была для Берингера глотком жизни, новой... счастливой.

— Прямо здесь на глазах у стражи, — кивнул он. — Это была самая чудесная ночь в моей жизни, Джина. А теперь посмотри, какой сегодня восход.

Она не обернулась, чтобы посмотреть, как красив Лауртан в алых лучах восходящего солнца, а приподнялась, мягко положила ладонь на грудь мужчины, приблизилась и поцеловала его сомкнутые, твердые губы.

Удивительно, как легко этой юной женщине удавалось завести его до предела. Одно лишь прикосновение — добровольное, податливое, нежное — и все мысли улетучились, воспламенив опасные желания.

Райт поддался вперед, его губы нетерпеливо прижались к ее рту. Ладони обхватили тонкую талию, притягивая ближе, вплотную...

Первые лучи солнца зарылись в ее волосы, скользнули по щеке. Райт отстранился, пытаясь устоять против искушения, коснулся ее подбородка, рассматривая раскрасневшееся лицо с чуть подрагивающими приоткрытыми губами.

— Ты выйдешь за меня, Джина?

— Милорд...

— Ответь, милая, под этим небом, на рассвете нового дня. Скажи, что станешь моей.

Солнце вспыхнуло над горизонтом, и девушка ответила:

— Я стану вашей женой, — «как только вы разведетесь, — хотелось добавить ей, но мужчина жадно прильнул к ее губам».

Никогда еще мне не было так хорошо.

Джина эль-Берссо, деревенская леди, млела от прикосновений мужчины. Какой позор и... какое блаженство.

— Всадники! — я дернулась из объятий Райта, но он не пустил. Вместо этого поднялся сам, подошел к зубчатой стене, положив на нее локоть.

— Милорд! — раздалось через секунду. Кто-то из стражи заметил регента на стене. — Знаменосец лорда Деквуда!

— Впустить! — крикнул Райт, нахмурившись и внимательно наблюдая за вереницей всадников.

Сейчас он думал о чем-то важном, а я смотрела на него — на сильного, высокого, широкоплечего мужчину с непокорными черными волосами и цепким умным взглядом. Полагаю, не было в этом мире человека сильнее Райта Берингера.

— Мой лорд, — поднялась я, и Райт обернулся, взглянув на меня снисходительно.

— Твой, Джина, только твой, — усмехнулся он, протягивая мне руку.

Да, это был тот самый характерный жест, означающий «иди ко мне!», и на сей раз я была счастлива выполнить это немое требование покорно, не проронив ни слова.

Он поцеловал меня и, крепко держа за руку, повел в дом.

— Этот человек привез моего отца? — спросила я, когда мы быстро шли по коридору.

Райт молчал довольно долго, прежде чем ответить:

— Нет, милая, не сегодня.

Он довел меня до покоев, жарко поцеловал.

— Я сейчас буду немного занят, — сообщил, сквозь легкую улыбку, — но потом вернусь...

— Я буду ждать.

Не думала, что это простое обещание заставит сиять его темные глаза. Он улыбнулся краешком губ.

— До встречи, милая.

Вскоре его твердые шаги потонули в тишине коридора.

Стоило расстаться с этим человеком, как я почувствовала себя чудовищно одинокой и несчастной. Никогда, никогда не хочу расставаться с ним.

Правда, иногда одиночество неплохо вставляет «на место» мозги. Если и допустить мысль, что Райт мне нравится — да чего уж там, я бесповоротно и сильно в него влюбилась — то к этому нужно отнестись с большой аккуратностью. До моей чести ни при дворе, ни даже в Хоупсе давно нет дела, могу распорядиться ею как угодно, оставить при себе или подарить Райту, неважно. Гораздо интереснее, на мой взгляд, то, что происходит в Хегее. А грядущее готовит нам только неприятности.

Райт решил посадить на трон своего младшего брата, Уилла, которого тщательно оберегают. И затевалось все это не для того, чтобы насолить Эдмунду, а для того, чтобы престол принадлежал достойнейшему из мужчин Хегея. Регент будет править до совершеннолетия Уильяма, который обязан вырасти настоящим королем. И, зная Райта, у малыша просто нет выбора.

Я прошагала в комнату и замерла.

— Лорд Девильт? — протянула растерянно. — Что вы здесь делаете?

В такую рань несусветную? В комнате девицы?

Мужчина сидел за столом, перед ним лежала распахнутая книга и огарок свечи. Сидел

он долго, вероятно.

— Нам нужно поговорить леди эль-Берссо. О вашем отце.

Холод бросился к горлу, но я даже вида не подала. Спокойно села в кресло, не сводя с Девилля взгляда.

— Что с ним?

— Он жив, — собеседник небрежно захлопнул книгу, облокотился на спинку стула, наблюдая за мной сквозь полуопущенные веки. — Но от вас зависит надолго ли.

Мой отец предал меня, продав епископу. Но ничего так сильно не пугало меня, как его возможная гибель.

Верно истолковав мое молчание, Девилль снизошел до объяснений:

— Ваш отец в руках королевы и принца Эдмунда. И он умрет, если вы не выполните их условия. Если вы этого не сделаете, а расскажите о нашем разговоре Райту, меня, конечно, убьют, вы останетесь в полной безопасности, но всю жизнь будете помнить об этом решении.

— Что им нужно?

— Сегодня вечером войско королевы осадит крепость. Вам нужно будет покинуть Лауртан, и я помогу вам в этом. Снаружи вас будут ждать.

Челюсти свело от напряжения, а горло сдавил спазм. Я должна буду пойти на это? Сбежать? Но зачем?

— Меня убьют? — спросила дрогнувшим голосом.

— Нет, леди, можете не беспокоиться. С вами будут обходиться очень хорошо. Я бы сказал, по-королевски...

— Зачем я им нужна?

Девилль мрачно улыбнулся, устало потер виски.

— Райт никогда не пойдет против Эдмунда, зная, что вас держат в заложниках, он сложит оружие и выдаст Уильяма.

— Он этого не сделает!

— О, леди Джина, — рассмеялся Девилль, — вы не знаете, на что он готов пойти ради вас. И вы даже не видите очевидного: лорд Берингер давно потерял голову от страсти.

— Слишком много они ставят на эту страсть, — выпалила я.

— А разве им остается что-то еще? Райт собирает силы, и рано или поздно возьмет дворец и престол Хегея. Он сможет это сделать, поверьте. На его стороне сила, смелость и решительность. Но, увы, он только сын рабыни, а я не могу позволить одному из сакрийцев занять трон.

— Этим вы оправдываете себя?

Мужчина усмехнулся, понимающе взглянул на меня.

— Я утешаю себя тем, что Эдмунд подвержен чужому влиянию, и пусть лучше это влияние будет вашим.

— Хотите, чтобы я взяла на себя ответственность за будущее королевства ради отца, который меня предал?

Девилль задумчиво перебирал пальцами.

— Да. И если вы не такая, как все те стервятники и змеи, которые окружают вас, вы возьмете на себя такую ответственность. При этом королева и Эдмунд могут гарантировать, что Райту сохранят жизнь. Его отстранят от командования, и отправят в самую темную глушь, но он останется жив.

— Это должно помочь мне принять решение? — со злостью сказала я. — вы и представить себе не можете, что от меня требуете? Что вы за человек, лорд Девилль?

— Человек, преданный своему государству.

— Вас заботит не Хегей, а деньги и власть, которые вам обещали, — проговорила я, сквозь стиснутые зубы.

— Не все ли равно, что меня заботит, — ответил собеседник с некоторым раздражением, — и что заботит Райта, или королеву-мать. Если Берингер не сдастся, сюда придет войско понтифика, а от этого ни кому не станет лучше. Поверьте, нас ждет многолетняя война, горы трупов и истощенный Хегей. Даже если Берингер разобьет и папу, вы всегда будете знать, что мы могли избежать кровопролития, если бы не заупрямились. Но, а если Райт проиграет, что я могу предположить с большой долей вероятности, его ждет самая страшная смерть, какую можно представить, и ваша любовь не облегчит его страдания.

— Он не проиграет.

— Папе? — Девилль обронил оскорбительный смешок. — Политика — это очень тонкая вещь. Помимо нашего королевства на карте существуют другие, леди Джина. Подумайте, не захочет ли какое-нибудь из них, урвать кусок нашей земли по наущению святого отца?

— Но Райт, уверена, уже подумал об этом...

— Все, о чем он думает сейчас, — обронил собеседник с неприятной усмешкой, — касается только вас. Или вы из-за гордыни пожертвуете еще и им?

— Гордыня здесь не при чем.

— Посудите иначе, Джина. Генриетта не вечна, а Эдмунд слаб. Вы станете королевой и только вам решать, каким будет будущее Хегея. Ваш дорогой регент останется жив и будет коротать дни, дожидаясь, когда вы позовете его обратно ко двору. Все очень просто, если трезво взглянуть на вещи.

— Ваши перспективы будущего слишком мрачные. Я вижу иной исход: Райт уничтожит королеву, разобьет папу, а ваша голова сегодня украсит стену башни, — за все время разговора мой голос еще никогда не звучал так твердо, как сейчас.

— Жены потеряют мужей, дети отцов... И все, из-за Райта Берингера, который страстно желает видеть вас в своей постели. Он ведь даже не сказал вам о той лжи, которую я ему озвучил, приехав сюда. Леди Джина, лорд Берингер не благородный рыцарь, увы. Он жестокий, властный тиран. Он отнял у Стеллы сына, заперев ее в монастыре. Не бойтесь, что нечто подобное ожидает и вас, когда его страсть угаснет.

— Нет.

— И вам не кажется странным, что он еще не развелся? Имея на это миллион возможностей? Стелла бы и раньше подписала договор, если бы он захотел.

Я молчала, и коварная улыбка исказила губы Девилля.

— И он не передал вам мою ложь о том, что ваш отец погиб. И знаете почему? Чтобы у вас не было даже шанса избежать пылкой встречи в его апартаментах.

Я все еще молчала, не опуская головы, не смея показать, что сомневаюсь.

Но я сомневалась. И я боялась.

— Лорд Девилль, я хочу подумать, — отозвалась бесстрастно.

— У вас есть время до вечера, — произнес он, поднимаясь. — Хорошая книга, — добавил, указывая на томик повестей, лежащий на столе, — как-нибудь одолжу его у вас,

когда мы встретимся во дворце.

Его кристально-тонкий намек заставил меня сжать кулаки.

— Всего доброго, милорд, — произнесла я холодно.

Девилль, будь он неладен, спокойно покинул комнату, оставляя флер тяжелых размышлений. Забавно, но он ушел в прекрасном расположении духа и в полной уверенности, что я весь день буду метаться перед выбором. Но передо мной стоял только один вопрос: как, черт возьми, донести все это до Райта? Ведь все не так просто, Деви́ль не дурак, чтобы слепо рассчитывать на мое благоразумие и жертвенность. Он прибыл в Лауртан несколько дней назад в сопровождении пяти воинов, которые, убеждена, куплены с потрохами. И этих людей следует остерегаться. Помнить бы еще, как они выглядели...

Я поднялась, сложила руки, меряя шагами комнату.

Если сказать Райту, что Деви́ль предатель, подсланный королевой, чтобы выманить меня из замка, то Райт его попросту убьет и никуда меня не отпустит. Тогда убьют моего отца, и начнется война.

Если сказать Райту все то же самое, но уже после побега, он тоже убьет Деви́лля, что, в принципе разумно, но ему придется поддержать мой блеф, построить из себя тяжело переживающего предательство любовника и затаится на время. У меня же будет возможность вредить Эдмунду и его матушке глубоко в тылу. Вот только, как быть с грядущим бракосочетанием? Ведь я не готова выходить замуж за принца?

В общем, дилемма передо мной все же стояла, но совсем иного рода. Одно радовало, оба плана включали в себя расправу над Деви́ллем.

Я постаралась исключить панику. Да, меня шантажировали жизнью отца, смертью миллионов и процветанием Хегея, но это совсем не значило, что я должна принимать скоропалительные решения.

Сев за стол, я потянулась к бумаге, взяла перо, начеркав лорду Берингеру несколько строк: «Мой лорд, Деви́ль — предатель, остерегайтесь его. Я вынуждена сбежать, у них мой отец». В этих двух предложениях была заключена вся трагедия происходящего. Подумав, я добавила постскрипtum: «Я сумею постоять за себя, не смейте идти у них на поводу». Почесав затылок, завершила послание фразой: «Я люблю вас».

Письмо готово, и что дальше?

Интриганка из меня отвратительная, видно невооруженным глазом. Все, что могу — пожаловаться Райту. И все же, надеюсь, этого будет достаточно.

Расплавив воск и запечатав конверт, я щедро обрызгала его духами. Для пущей конспирации. Все-таки это письмецо мне предстоит всучить Сарголу под видом любовного послания.

— Только лично в руки лорду Берингеру, — вот так я начала уговаривать помощника регента, найдя его в одном из коридоров, — я бы никогда не решилась сказать ему лично о своих чувствах, а это письмо... оно предназначено только для его глаз. Все, что я чувствую к нему, на этом листе бумаги. Вручите ему это послание перед сном.

Саргол, которого я утянула за колонну, выглядел сейчас крайне озадаченным. Мою речь, преисполненную наигранной романтичностью, он выслушал, широко распахнув глаза.

— Мне не к кому больше обратиться, — добавила я, кусая губы, — вы верный и преданный человек. Вы ведь не станете распространяться о чувствах юной леди, так ведь?

Он неуверенно мотнул головой.

— Поэтому я полагаюсь исключительно на вас.

Саргол неохотно принял послание, едва ли уделив должное внимание конверту и исходившему от него аромату. Вид у мужчины был оскорбленный, но он хранил молчание. На побегушках у юной девчонки ему явно быть не хотелось.

— Что-то еще, леди? — и никаких пылких заверений, не спускать с письма глаз и прочей ерунды, просто констатация факта: — Лорд-протектор получит это послание сегодня ночью. Он не ложится раньше полуночи.

— Отлично. Благодарю.

Помощник убрал конверт во внутренний карман, поклонился и покинул меня.

И вот теперь, когда все свершилось, я почувствовала поразительную усталость, опустошенность, страх. Все-таки это мне предстоит покинуть надежные стены Лауртана, на время расстаться с Райтом... на время... стать заложницей Эдмунда. Но перед тем, как рухнуть в эту пропасть, я хотела взлететь в облака...

Лауртан, в котором сохранилось очарование волшебных сказок, был невероятно красив, и в его нутре, как в рыцарских былинах кипела жизнь ратников, слышался звон мечей, клич стражи, сверкал в лучах утреннего солнца доспех.

— Леди Джина! — одна из служанок, мистрис Клер, полная и розовощекая, уже искала меня.

Заметив мою фигурку на крытой террасе, мистрис всплеснула руками.

— Опять вы не позвали девушек, леди Джина! Не гоже вам бродить по коридорам! Здесь слишком много мужчин!

Я тепло улыбнулась, вспомнив о своей нянюшке из Хоупса.

— Сдаюсь, мистрис Клер, — подняла я ладони, наблюдая, как она почти бежит мне навстречу.

— Вам нужно позавтракать, леди! Лорд Берингер еще долго будет занят.

Его имя, произнесенное старой служанкой, вспорол воздух, опасной иглой вонзилось в сердце.

Конечно, он будет занят. Занят спасением мира от королевы и ее сына. Святые небеса, как же я хочу его увидеть! Но вопреки этому желанию, я послушно пошла за мистрис Клер.

* * *

Мужчины сидели за столом, лорд Деквуд задумчиво прохаживался у окна под пристальным взглядом регента.

— Ваша милость, у меня больше трех тысяч человек. Мы сможем остановить войско королевы еще на рубеже...

— Согласен, это разумно, — поддержал его лорд Ламберт, седой старик в кольчужных доспехах, — мы раздавим их в нескольких милях к западу, мой лорд. Не стоит ждать пока они притащатся сюда, — скрипучим голосом произнес он, усмехаясь: — при них стенобитные все же.

— Они идут с запада и будут здесь уже к вечеру, — возразил другой участник беседы, Дэш Кайетан. На него обратились взгляды именитых лордов.

— Кто вы, черт побери? — вскинул брови Деквуд, недоуменно взглянув на регента.

Берингер закурил, не думая вмешиваться.

— Я? — растерянно протянул капитан. — Я Дэш Кайетан.

— Лорд?

— Нет. Я капитан отряда городской стражи.

Ламберт издал кричающий звук, заерзав в кресле.

— Щенок, — вымолвил он, — безродный щенок, а уже полагает, что разбирается лучше нас в ратном деле.

На губах Берингера играла лукавая усмешка. Дым сигары вился вдоль его лица, мерно поднимаясь под потолок.

— Господа, все в этой комнате имеют право на собственное мнение, — примирительно произнес Деквуд, — но лично я был бы очень признателен, если бы...эм... господин Кайетан пояснил свою позицию.

Капитан смутился, выпрямился на стуле, чувствуя на себе пристальные взгляды.

— Быть может, я не столь хорошо разбираюсь в ратном деле, как вы, но позвольте, королева не настолько глупа, чтобы не подумать о таком маневре. Я не сомневаюсь, милорд Деквуд, что ваши разведчики работают потрясающе, но разве лишь одна дорога ведет в Лауртан?

— Мальчишка, — снова фыркнул Ламберт, но уже не так убежденно. — Ваша милость, где вы нашли этого человека?

— Этот человек может быть прав, — сложив на груди руки, вымолвил Деквуд. — И нам стоит к нему прислушаться. Пока мы думаем, как отразить удар королевы, нас, быть может, окружает войско де Хога.

— Не забывайте о Бейдоке, — распаляясь, рявкнул Ламберт, — восемь тысяч человек прибудут сюда...

— Не успеют, — перебил капитан, — попросту не успеют. Восемь тысяч человек сотрут с лица земли силы королевы, но, увы, не сегодня.

Берингер потушил сигару, поддался вперед и положил на стол руки. Его проницательный насмешливый взгляд упал на сгорбившуюся фигуру лорда Девилля, который молчал на протяжении всей беседы.

— А что думаете вы? — этот тихий, спокойный и даже дружелюбный тон заставил всех поежиться.

— Полагаюсь на мнение более опытных мужей, — вскинул голову Девилль.

— А ваше мнение? — взгляд Райта был острым, как лезвие бритвы.

— Полагаю... — Девилль сглотнул, чувствуя, что эти глаза буквально прожигают ему переносицу, — полагаю, можно задержать войско ее величества. Если мы выступим сейчас, сможем остановить ее в нескольких лье от Лауртана. Не уверен, что сможем разбить их, но проредить точно получится.

Молчание длилось долго. Лорд Берингер не отводил глаз, наблюдая за Девиллем так, будто предательство последнего было очевидно. Но когда оттолкнулся ладонями от стола, поднялся, все схлынуло, как удушающая волна, давая воздух.

— Деквуд, королева получила известие о приближении восьмитысячной армии? — спросил регент.

— Да, — удивился тот, пытаясь понять к чему бы это всезнающему Райту. — Вы сами велели дать ей возможность убедиться...

— Помню, — оборвал регент, — и с чего бы ей осаждать крепость, если она знает, что ее здесь уничтожат, а? Как считаешь?

— Мои разведчики...

— Как ты это расцениваешь, мать твою? — не повышая голоса, выпалил Райт, и снова в комнате повисла мертвая пауза.

— ...мой лорд, но она везет с собой стенобитные...

— Она хочет, чтобы мы поверили, что она осадит Лауртан, — раздался голос Кайетана, ладони которого взмокли от напряжения.

— Послушай, — взвился Деквуд, впиваясь в капитана разъяренным взглядом, — она тащится из-за этого, как черепаха! Зачем ей вынуждать нас думать, что она осадит крепость, если это не так, я не пойму?

Берингер внимательно разглядывал Дэша, который нервничал от столь явного внимания столь жесткого и пронизательного человека.

— А может у нее есть козырь, о котором мы не подумали? — бросил Райт, медленно шагая за спинами сидящих за столом мужчин. — Как считаете, лорд Девилль? — он вдруг остановился рядом с последним, положил ладони на спинку его стула. — Есть предположения?

— Мы все просчитали, ваша милость, — отозвался тот, поддевая пальцами ворот куртки, — разведчики Деквуда...

— Разведчики Деквуда, лорд Девилль, сообщают мне много занятных вещей.

Характерное сглатывание услышали все собравшиеся.

— Уверен, королева просто не настолько дальновидна, чтобы просчитать наперед все ходы, — попытался вымолвить Девилль.

— Самая большая ошибка — недооценивать своего противника, — злая усмешка исказила жесткие черты регента.

— Тогда, прошу заметить, — произнес Девилль, — поступки королевы — большая загадка.

— Только не для меня, — усмехнулся Райт, — я докопаюсь до истины. Надеюсь, никто из присутствующих в этом не сомневается, — он вдруг посмотрел на капитана: — Дэш Кайетан, поедешь со мной. Деквуд!

— Да, лорд-протектор, — отозвались оба, подскакивая на ноги.

— Устроим нашим гостям теплый прием. Ламберт-старина, полагаюсь на тебя, останешься здесь.

— Неужто думаете, ваша милость, что я не в силах держаться в седле? Я должен остаться в крепости, вместе с девицами?

— Не такая уж плохая компания, — рассмеялся Райт.

Девилль уставился на регента, ожидая какое-нибудь поручение и для себя, но Берингер лишь мазнул по нему взглядом, подзывая своего помощника и отдавая какие-то распоряжения.

Мой план действий пошел прахом, стоило снова оказаться в одной комнате с Райтом.

Я покончила с завтраком, преспокойно обдумывая каким образом покину стены Луартана, разглядывая помещение трапезной, где находились лишь я, мистрис Клер со служанкой и один лакей, как вдруг это спокойное уединение было потревожено. Двери распахнулись, и у меня в руках замерла вилка. Где-то за спиной раздались шаги. Прислуга принялась кланяться, а я несмело улыбнулась, дожидаясь, когда лорд Берингер появится в поле моего зрения.

Он решительно отодвинул стул и сел рядом. Выглядел невероятно — взгляд сиял решимостью, пряди волнистых волос упали на лоб, на губах замерла усмешка.

— Я уеду, Джина, ненадолго. Пообещай, что будешь послушной девочкой и не натворишь глупостей.

Моя мечтательность развеялась, как дым, когда до меня дошел смысл этих слов. И теперь взгляд Райта не был столь ласкающим, он источал подозрительность.

— Что-то случилось? — спросила я, чтобы скрыть взволнованность.

— Да, милая, случилось, — мужчина медленно и внимательно оглядел меня так, будто весь мой вид кричал о предательстве. — Скажи, что ты не имеешь к этому отношения.

Весь жар тела взвился вверх, прожигая до кончиков волос.

— К чему, милорд?

— Пока не знаю, но все, что происходит, мне не нравится. У меня врожденный дар чувствовать ложь, Джина, и сейчас мне лгут. Мне бы очень хотелось, чтобы ты была со мной честна.

— Я... я честна, мой лорд.

— Уверена? — от его взгляда невозможно утаиться — душу вывернет. — Ну, Джина? Ты ведь ничего не скрываешь?

Я покачала головой, понимая, что в моих глазах он способен прочесть правду.

— Джина, моя маленькая девочка, я готов поверить тебе. Ты ведь не обманешь?

— Нет, мой господин.

— Это неплохо звучит, милая. Специально ластишься ко мне? — он склонил голову, выжывая из меня непрощенные эмоции. — Ты опять дрожишь.

— Холодно, — шумно сглотнула.

Райт прикоснулся к моей руке, сжал в ладони пальцы.

— Хочу верить тебе, — глядя мне в глаза, сказал он. — Верить, что ты не имеешь отношения к тому, что готовит для меня королева. Но, если ты что-то знаешь, просто скажи.

— Я ничего не знаю.

Он шумно вздохнул, отпустил мою руку.

— Хорошо.

— Думаете, Генриетта что-то задумала?

— Она всегда что-то затевает, милая. И я наверняка знаю это, вот только не пойму что именно ей нужно, — он задумчиво закусил губу. — Может быть, она хочет выманить меня из Луартана?

— Для чего?

— Знать бы для чего, — снова подозрительный взгляд ожег меня.

— Куда вы поедете?

— Хочу организовать достойную встречу Генриетте. Она в нескольких лье отсюда, тащится со стенобитными в мою сторону, и это меня нервирует.

Рядом с ним я чувствовала себя изменницей. Казалось бы, стоит просто рассказать всю правду, и Райт что-нибудь придумает, но, буду честна, ему нет дела до моего отца. Райт не станет спасать предателя, даже если я буду умолять.

— Вы ведь можете никуда не ехать, — слабая надежда этих слов была уничтожена ответом мужчины.

— Почему нет? Ты ведь ничего не скрываешь от меня, Джина, поэтому мне нечего бояться. Все складывается таким образом, что я разобью королеву уже сегодня.

— Хорошая новость, — тихо, безжизненно произнесла я. — Когда вы вернетесь?

— Вечером.

Не знаю, куда деть глаза. Кажется, сейчас эмоции возьмут верх, и я попросту расплачусь.

— Поцелуй меня, пожалуйста. Райт...

Просить дважды не нужно. Мужчина резко наклоняется, впиваясь мне в губы, и я цепляюсь за его одежду, слыша, как возмущенно всхлипывает мистрис Клер. Неважно, я хочу последний раз перед побегом ощутить страсть этого человека, такого желанного, любимого.

— Джина, — хрипло произносит он, беря в ладони мое лицо, — моя милая, моя маленькая девочка...

Его нежность, как драгоценность, как дар. Я ласкаю его руки, касаясь белесых шрамов на его пальцах.

— Райт, — жарко шепчу его имя, — пожалуйста...

Мы целуемся долго, даже не знаю, сколько проходит времени, прежде чем Райт поднимается, увлекая меня за собой.

— Я должен идти, — шепчет он, — это ненадолго, моя родная. Я вернусь, и мы продолжим.

— Будь осторожен...

Он убирает мои руки от своего лица, усилием воли заводит их мне за спину, коротко целует меня в лоб.

— Ну все, девочка... — какое-то время мы стоим, не в силах расстаться. Райт все еще держит мои руки, тихо смеется. — Это сложнее, чем я думал.

Последний поцелуй... и мужчина резко отпускает и уходит, не оборачиваясь.

Как же хочу броситься за ним, утонуть в его объятиях. Но вместо этого, стискиваю зубы, слыша оскорбленную речь мистрис Клер:

— Какое бесстыдство, леди Джина. Благородные девицы не ведут себя подобным образом.

На этом мой завтрак был окончен, и потянулись бесконечные часы ожидания.

* * *

Дождь полил стеной. Нет-нет, и раз — ничего не видно.

Кони нетерпеливо ржали. Генриетта стояла у распахнутого шатра, ощущая, как по лицу бьют крупные капли. Воздух близ Лауртана был напрочь лишен мягкости, он был вольный,

колючий, холодный.

— Ваше величество! — крикнул лорд Шарез, спрыгивая с лошади.

Он только прибыл, сбросил шлем, решительно пошел к королеве. Его новый доспех, о который барабанил ливень, ничуть не поцарапался. Генриетта усмехнулась.

— Все кончено! — прозвучали слова Шареза. — Пора уходить! Все провалилось, нас смяло его войско! Через несколько минут они будут здесь!

Генриетта неспешно накинула капюшон, повернулась к одному из своих советников, игнорируя Шареза.

— Все идет по плану, пора сворачивать лагерь. Лорд де Хог привезет эту дрянь, вы должны обеспечить им отступление, если Райт решит преследовать.

Удивление так выразительно отпечаталось на лице Шареза, что королева бросила:

— Неужели вы, лорд, считали, что я настолько глупа, чтобы выставлять четыре сотни против его войска?

— Но... это же была верная смерть. Вы отправили нас... меня... на верную смерть.

— Мой милый друг, вы же один из первых рвались отдать за меня жизнь.

— Но?!

Королева пошла к лошади. Услужливый оруженосец подставил руки, помогая коронованной особе влезть в седло.

— Если хотите, чтобы от вас был прок, — безразлично сказала она растерянному лорду, — покончите с собой! — пришпорив лошадь, женщина помчалась прочь.

Шарез удивленно изломил бровь, размазывая по лицу капли дождя и думая, что чертовски просчитался. Ему ничего не оставалось, как позорно дезертировать в свой родовой замок вторично.

Королева же не думала ни о чем, кроме яростного желания поглядеть в глаза той, которая была так важна для казалось бы бесчувственного человека. Войско Берингера, конечно же, уничтожило людей Шареза. Но отряд лорда де Хога, возглавляемый ее сыном, уже направляется к Лауртану по северным равнинам, чтобы забрать девчонку, пока хозяина нет дома. И, наконец, Генриетта сможет убедиться, чего стоит страсть Райта.

Почти три часа скачки под дождем окончились пристанищем в доме какого-то графа, о существовании которого королева не знала в помине. Впрочем, не будет же она знать в лицо всех своих поданных. Не снимая кожаной военной куртки, и плаща с золотой бахромой, королева села за стол в кабинете хозяина. Здесь она будет ждать сына, чтобы, наконец, увидеть доказательство победы над Райтом — его жалкую потаскуху.

Прошло не больше двух часов, как на улице послышались крики и ржание лошадей. Королева не шелохнулась, лишь сжала кулаки, глядя на дверь. Неизвестность терзала.

По лестнице забарабанили торопливые шаги, и через секунду дверь распахнулась.

— Мама! — принц, облаченный в доспехи, отстегнул меч, бросил его на пол, а сам подошел к столу: — Я привез ее.

В расширившихся глазах женщины промелькнуло удовлетворение. Она прикрыла веки, с облегчением переводя дыхание.

— Все получилось, — произнесла сквозь улыбку, — теперь, мой дорогой, трон твой.

Королева откинулась на спинку стула, чувствуя, как ее сознание заполняет ошеломляющая радость. Но уже через мгновение она поднялась и лукаво взглянула на сына:

— Я хочу ее увидеть.

На губах Эдмунда тоже возникла улыбка — торжествующая, безумная.

Они оба глянули на вход, где уже толпились лорды, один из которых подтолкнул вперед тонкую фигурку, закутанную в плащ.

— Добро пожаловать, леди Джина, — проворковала королева, снова опускаясь на стул. — Вы поступили очень мудро, приехав сюда, — ее длинные худые пальцы принялись постукивать по столешнице.

Эдмунд облокотился о краешек стола, стаскивая рукавицы и с железным лязгом отбрасывая в сторону.

— Подойди ближе, Джина, — милостиво приказала королева, — и преклони колени, здесь твой король.

Фигура в плаще осталась неподвижна, и на губах Генриетты показался недовольный оскал.

— На колени, мерзавка!

Эдмунд неприязненно наморщился, показывая де Хогу жестом, чтобы девочку поставили на колени.

Когда двое воинов принудили девушку пасть к полу, сдернули с ее головы капюшон, Эдмунд рассмеялся. Весь этот спектакль приводил его в дикий восторг.

— Она сейчас невероятно хороша, — заметил он, — ей идет это выражение страха на лице.

— Дорогой мой, — разглядывая девушку, изрекла королева: — Будь повежливее с этой дамой, она нам еще пригодится. Правда, Джина?

Эдмунд снова засмеялся, прижимая к губам кулак.

— Она моя, мама, верно?

— Не торопись, дорогой. Сможешь забрать ее в любое время, но после того, как Райт согласится на наши условия. А сейчас нам нужно серьезно с ней поговорить. Она ведь должна нам помочь, если хочет видеть отца живым.

В глазах пленницы блеснули эмоции, и королева расслабленно закончила:

— Ты ведь хочешь, чтобы он жил?

— Хочу...

— Отлично, тогда ты должна сделать для нас кое-что важное, Джина...

* * *

Тяжелые ворота, унизанные стрелами, с грохотом опустились.

Вороной конь регента, выбивая шаг о деревянное полотно, резво проскакал в крепость. Повсюду послышались крики: «Лорд-протектор прибыл!» Зажглись факелы, во внутренний двор устремились воины.

Поморщившись, Райт соскочил с коня.

— Черт бы побрал эту дрянь! — раздался скрипучий голос лорда Ламберта. — Стоило вам уехать, ваша милость, здесь объявился де Хог с этим сосунком-принцем! Мы здорово надрали им задницы! — его смех пролетел над головами воинов.

Ламберт спускался по каменной узкой лестницы со смотровой стены.

— Мы несколько часов преследовали их, пока нас не встретило войско королевы. Вот черт! — мужчина заметил, что куртка и доспехи регента залиты кровью. — Вы в порядке, ваша милость?

Берингеру поднесли воды, он отхлебнул, выплеснул немного на голову, смывая с волос густую кровь.

— Я не ранен.

— Отлично, ваша милость. Мы обошлись малыми потерями.

— Какого дьявол вы полезли за ворота? — довольно резко спросил регент.

— Хотел принести вам голову Эдмунда. Разве это настолько скверная идея, мой лорд? — загоготал Ламберт. — Мы поразмялись.

Райт перебрал флягу Дэшу, который едва поймал, с трудом переводя дыхание.

— Потери? — осведомился регент, сверля Ламберта хмурым взглядом. — Хочу знать во сколько мне обошлась твоя глупость, старик? Разве не понятно, что они только и добивались того, чтобы ты открыл ворота.

Ламберт спустился с последней ступени, изумленно изломив бровь.

— Всего-то восемь человек, ваше сиятельство, — из его голоса пропала веселость. — Мы убили порядка тридцати их ратников. Их трупы усыпали северную равнину.

— Проклятье... — послышался вздох Дэша. — Зачем им это было нужно, ваша милость? — обратился к регенту, едва поспевая за ним в дом. — Что это за уловки?

Райт молча шел к кабинету. Его оруженосец бежал позади. За регентом двигалась целая процессия лордов, усталых и израненных. Двое из них, Кайетан и Деквуд, едва не валились с ног после битвы. За ними тянулся размытый кровавый след.

Прислужники тотчас зажгли свечи в кабинете.

— Сигару! — приказал регент, скидывая и отшвыривая куртку.

Он закурил, держа сигару окровавленными пальцами, которые еще дрожали от напряжения, и велел расстелить на столе карту.

— Хотите знать, куда они бежали, ваша милость? — несколько виновато покашлял Ламберт.

— Было два отряда. Один мы разбили на западе, — произнес Райт, ставя на стол лампу, в которой трепетал огонек. Его лицо, забрызганное кровью врагов, казалось особенно хищным. — Другой подошел сюда через северные равнины. И нигде не было королевы...

— Женское дело сидеть у очага, — пожал плечами Ламберт.

Секунда, и взор регента полыхнул кровью. Райт медленно поднял голову, оторвавшись от карты.

— Что ты сказал? — в его темных глазах вспыхнула догадка. Райт побледнел, оглядел присутствующих, затем схватил за ворот прислужника, держащего свечу: — Привести сюда Джину! Немедленно...

Опустилась гробовая тишина, лишь лязганье ножен Дэша Кайетана напоминало, что окружающие еще живы.

Райт сокрушенно опустился на стул.

— Мой лорд... — аккуратно начал Деквуд, но рычащий невероятно злой и напряженный голос регента приказал:

— Сядь и помолчи, дружище...

Время замерло, все пришло в полнейшее оцепенение. И в мертвой тишине спустя мучительное ожидание скрипнули двери, в кабинет вошла заплаканная мистрис. Увидев своего хозяина, свирепого, испачканного кровью и скалящегося, она пролепетала дрожащим голосом:

— Мой господин, — ... и Райт вдруг рассмеялся.

— Ее нет, ведь так? Девчонка испарилась... улетучилась, как ночная мгла, правда? — его голос превратился в безжизненно мертвый. — Кто помогал ей? Кто увез ее?

— Ваша милость... — Клер разрыдалась, прижимая к губам платок. — Я не знаю.

— Ламберт! — этот возглас мог сотрясти стены. — Где она?

Старик изменился в лице, и вымолвил осторожно:

— Не знаю, ваша милость, я не следил за девицами, я...

— Где Саргол? — Райт вдруг заметался, заставляя присутствующих испуганно расступиться. — Где мой помощник?

— Ваша милость, он погиб, преследуя принца. Мне жаль... мы... — Ламберт осекся, когда бешенный, совершенно безумный взгляд Райта остановился на нем.

И случилось бы что-то страшное, если бы не господин Кайетан.

— Их еще можно найти, — твердо сказал он, возвращая взгляду регента осмысленность. — Мы должны понять, в какой точке силы королевы соединились. Ваша милость, карта... — выхватив свечу у прислужника, Дэш поставил ее на стол.

— Седлать лошадей, — хрипло приказал Райт, снова склоняясь над картой. — Что ж, Дэш, куда они могли увезти мою женщину?

Совещательный зал во дворце. Тихая кроткая ночь.

Убеждена, никто из стражников королевы не тронул бы меня и пальцем, вздумай я бежать, потому что бежать было некуда. Да и зачем?

Ливень за высокими витражными окнами создавал пелену гулко-го шума, безнадежности и тоски. Холодный мраморный пол, по которому мы шествовали к дубовому столу на двенадцать персон, полон бликов и переливов.

Лорд эль-Берссо был один и ждал меня. Его сгорбленная над столом фигура, освещаемая лишь светом факелов, горящих у противоположной стены, была неподвижна. Мы встречались не в темнице, он не был закован в кандалы и не был избит. Мой отец приподнял голову, печально взглянув на меня, улыбнулся.

Я остановилась на площадке между колонн, напротив огромного полыхающего камина, глядя на отца и чувствуя... что? Пустоту, тихую злость, обиду?

Стража удалилась, дверь громыхнула, и наступила тишина. Пожалуй, я была благодарна Генриетте, что она позволила этой встрече случиться без свидетелей.

— Я рада, что ты жив, отец, — интересно, мог ли он сказать мне то же самое? Или хотя бы обнять?

— Джина, сложные времена настали для Хоупса, — у него оказался совершенно чужой утомленный голос. — Близится зима... зима всегда наступает так... внезапно...

— Что значит моя жизнь против жизни сотни, да? — хотелось услышать правду, хотя бы от него. — Именно столько умирает из-за голода и мороза, правда, отец?

— Если бы ты знала, как сложен был для меня выбор, дитя. И я полагал, что теперь, зная правду, ты не приедешь. Считал, ты возненавидишь меня за то, что я предал нашу семью. Бросишь здесь, одного.

Нет, не брошу. Даже если ты предал, обманул.

— Ты знал, что Элина подослана убить Эдмунда моими руками? Знал, что меня саму могут убить? — скорее это были не вопросы, а желание услышать очевидную истину.

— Ты не знаешь, как я люблю тебя, дочка, — он поднял полный мерцания взгляд, — не знаешь, на что я готов пойти, чтобы защитить тебя. Но три года назад я продал самое родное, что у меня было, ради Хоупса. Ради сотен людей, Джина. И ты не знаешь, как я страдал, с каким трудом выносил эту правду.

— Верно, я не знаю...

— Я не смею просить твоего прощения, дитя. Но ведь теперь все изменится. Королева обещала сохранить мне жизнь, не смотря на участие в покушении на ее сына...

— Сохранить жизнь? — гулко переспросила я, кусая губы. — Да ты жив лишь потому, что я — хорошая дочь. Я солгала единственному человеку, который видел в девчонке из Хоупса женщину, а не разменную монету! Я верила до последнего, что ты не продавал меня епископу, что ты ничего не знал о покушении. Я верила вопреки всему, даже собственному рассудку. Я пришла сюда, чтобы обнять тебя, чтобы ты утешил, сказал, что я поступила правильно! Но... этого не случилось, боже, этого не произошло...

Мой отец напряженно меня разглядывал. Он, вероятно, не узнавал свою семнадцатилетнюю юную, неискушенную дочь.

— Джина, я благодарен небесам, что ты осталась жива, — нервно откашлявшись,

прошептал он, — дочка... — мужчина поднялся, резко отодвигая стул.

Я отступила шаг, не желая, чтобы он приближался. Сколько всего намешано было у меня в душе, должно пройти время, прежде чем я осознаю...

— Уезжай в Хоупс, — сказала ему, — там ты, безусловно, нужнее. А я... я буду знать, что не поступила так же, как когда-то поступил ты. Забирай мою жизнь, отец, пользуйся, не стесняйся, потому что она закончилась. В этих стенах больше не будет твоей кроткой Джины.

— Дочка...

— Я не зла, не презираю тебя, нет. Я поступила так, как считала нужным и правильным. Но я не нуждаюсь больше в тебе, в твоей любви или хотя бы жалости. Тебе нет смысла оставаться здесь. Передай королеве, а она обязательно спросит тебя о нашей встрече, что Джина из рода эль-Берссо больше нет, и в твоём пребывании здесь тоже нет смысла.

Я развернулась, чтобы уйти, услышав, как отец застонал, медленно оседая на стул.

Когда я вышла в коридор, Эдмунд уже ждал, облокотившись плечом о косяк двери и весело на меня поглядывая.

Он был, как обычно, лощен, выбрит и одет в алый бархат.

— Как все прошло? — осведомился с легкой улыбкой. — Все обсудили?

Я молча пошла дальше, но Эдмунд был явно не настроен закончить свой монолог, поэтому пошел следом, а за ним бесконечная свита слуг и фавориток.

— Я слышал о том, как он поступил с вами, Джина, — смаковать это принцу доставляло какое-то изощренное удовольствие, — и я вас понимаю. Предательство близких — это очень больно. Невыносимо больно. Когда-то мы уже говорили с вами об этом, помните?

Темная дождливая ночь поселилась в моей душе. Она стенала, плакала, сожалела.

— Когда-то я страстно желал стать вашим другом, Джина, почувствовав, что мы очень похожи.

Боже упаси, быть похожей на этого самовлюбленного эгоиста.

— Я думал, мы найдем общий язык, но вы жестоко предали меня, надругавшись над моим к вам расположением. Поэтому теперь вы расплачиваетесь.

Плата чересчур высока, ваше чертово высочество!

Принц вдруг взял меня под руку и, склонившись, резко прошептал:

— Лучше вам не дергаться, драгоценная, иначе я позабуду об учтивости и манерах и буду вести себя так, как вы того заслуживаете.

Протеже принца на заднем плане веселились, роняли смешки. На лицах стражи тоже мелькали усмешки. Им всем было дьявольски весело видеть, как умирает во мне деревенская простушка.

* * *

Королева распахнула двери, вдыхая волнительный горячий воздух.

Застав лорда эль-Берссо плачущим, она усмехнулась, передернула плечами. Один из слуг отодвинул для нее стул, она села, расправив пышную юбку, щелкнула пальцами, требуя бокал холодного вина.

— Я вижу, вы огорчены? — произнесла елейным голосом, от звука которого мужчина

лишь вздрогнул, чуть приподняв голову.

— Милорд, дети всегда огорчают нас и не знают, что для них лучше. Не стоит принимать близко к сердцу все, что говорит эта девчонка. Кроме того, она ведь вам не дочь.

Королеве преподнесли бокал, она обхватила его, постукивая по хрусталу ногтями.

— Кто ее отец? Откройте уже эту правду.

Собеседник молчал, пытаясь унять всхлипы.

— Перестаньте, — взмахнула рукой Генриетта, — девочка просто не понимает, что вы для нее делаете. Ваши цели были изначально благими, хотя, не скрою, вы предали своего короля, участвуя в покушении на моего сына. Но, посудите, я даровала вам прощение. Я тоже преследую некоторые цели, милорд. Я не хочу, чтобы какой-то ублюдок сел на трон, который по праву принадлежит Эдмунду. Я простила вас для того, чтобы вы оказали мне услугу, вызвали понимание вашей дочери, ее терпимость и благоразумие.

Мужчина взглянул на королеву и произнес тихо:

— Джины больше нет, ваше величество. Я не смогу вам ничем помочь. И простите, если разочарую, но она моя дочь, она истинная дочь рода эль-Берссо.

— Все знают, что ее мать была любовницей короля, — возразила королева.

— Но никто не знает, что она бежала со мной. Бежала, потому что не любила этот толстый кусок дерьма, способный производить на свет лишь гребаных недоносков. Она бросила его, показав, что у женщины может быть честь и достоинство. И поэтому король, этот эгоист, считающий, что вправе играть нашими жизнями, решил посмотреть, что выйдет из этого побега. Он не убил нас, но лишил нас всего... отринул... бросил на смерть. Каждую зиму нам неоткуда было ждать помощи, мои люди голодали и умирали, — мужчина стиснул зубы и произнес: — из-за одного подонка, не пропускающего ни одной юбки, жестокого тирана и негодяя, столько людей стало несчастными... И я был только счастлив, узнав, что могу освободить мир от еще одного Виндора, решившего сесть на трон.

Королева поставила на стол бокал, тихо усмехнувшись.

— О, дорогой мой лорд, свидание с дочерью, видимо, вправило вам мозги. Вы, наконец, сказали что-то стоящее.

— Жалею, что пожертвовал дочерью, а не поехал сам во дворец и не прирезал короля и его белокурого сыночка!

— Милорд, вы переходите границы, — зловещая улыбка снова коснулась тонких губ Генриетты, — я спасла вас от воинов лорда Берингера, которые везли вас на казнь. Вы должны быть благодарны мне за это, — она сделала знак одному из своих охранников, который, кивнув, зашел за спину ее собеседника.

— Я должен был понять, для чего вы это делаете.

— Только для процветания Хегея, — королева откинулась на спинку стула, внимательно наблюдая за лордом.

— Моя дочь стала пешкой в вашей игре... из-за еще одного Виндора.

— Райта? — изящная бровь женщины изломилась. — Да, но что вы хотели, милорд? Это политика власти, а власть регулярно требует новые жертвы. Ммм, — королева приподняла бокал, — выпью за это, — осушив последнюю каплю, она поднялась, кивая охраннику.

Быстрое бесстрастное движение клинка вспоролó полотно мрака. Эль-Берссо схватился за горло, по его пальцам потекла густая алая кровь.

Королева вздохнула и щелкнула пальцами страже, с легким сердцем покидая совещательный зал.

Райт вонзил меч в землю и припал на одно колено. Рассвет, в отличие от предыдущего, который он встречал вместе с Джиной на смотровой башне, был лишь отголоском минувшего, отголоском кровавым, подпернутым пеленой опустошенности.

Тяжело дыша, мужчина сбросил перчатки, коснулся древка стрелы, торчащей из вогнутых лат на боку.

— Ваша милость! — Дэш Кайетан, не смотря на то, что походил на забрызганное грязью и кровью чудовище, двигался невероятно быстро. — Вы ранены?

Регент поднялся, отирая лоб и стискивая зубы.

— Нет. Все отлично.

— Шутите?

— Я сказал: порядок.

Королева позаботилась об отступлении, бросив все силы на то, чтобы задержать Райта, и похоже, это у нее получилось.

— Нужен лекарь, — изрек Дэш, глядя на своего господина.

Нужен, очевидно. Берингер прекрасно понимал, что эта чертова рана отнимет у него много времени. И все это время, пока он будет истекать кровью, маленькая дрянь будет кувыряться в постели с Эдмундом, посмеиваясь над ним.

— Коня мне!

— Ваша милость, я прошу... — начал Кайетан, воззрившись на регента, — в таком состоянии вы далеко не уедете. Вам надо отдохнуть.

Отдохнуть? Да стоит закрыть глаза, как Райт представлял ее — хрупкую, нежную, прекрасную — в объятиях Эдмунда. Знал, что ее тело могло принадлежать сейчас другому мужчине.

— Остановимся в Эктавии, — бросил он, отгоняя провокационные мысли, — найдешь мне лекаря. Остановка не дольше дня. Где Деквуд?

Мужчины медленно побрели на возвышенность, где прижавшись спиной к камню, сидел лорд Деквуд, оглядывая поле битвы. А посмотреть было на что. На фоне светлеющего неба кружили вороны, а земля была устлана телами, воткнутыми пиками и погнутыми шлемами.

— Вернешься в Лауртан и примкнешь к войску Бейдока. Увидишь Аарона, пришлешь ко мне в Эктавию, — приказал регент Деквуду, приходя к выводу, что несмотря на ранения, состояние последнего вполне сносное.

— А потом, мой господин?

— А потом пойдем в Хегей, — усмехнулся Райт, — возьмем этот чертов дворец.

Дэш и Деквуд долго молчали, растерянно глядя за горизонт.

— Что? — изогнул бровь Берингер. — Считаете, не справимся? Выкладывай как есть, Деквуд. Мы с тобой прошли не одну компанию, я доверяю твоему мнению.

— Это город, мой лорд — столица королевства. Никто не захочет превращать ее улицы в поле боя.

— Плевать, я возьму Хегей, если это будет нужно.

— Могут пострадать невинные. Воины не всегда сдержаны.

Берингер тоже опустил на траву, облокотился о камень, отряхивая покрытые коркой

засохшей крови руки.

— Есть, конечно, и другой вариант, но он нравится мне гораздо меньше, — вымолвил он, морщась от боли и сжимая в кулаке древко стрелы, — и он отнимет много времени, которое я не хотел бы терять.

— Мой лорд, я пойду за вами, что бы вы ни решили, — сорвалось с губ Кайетана. Деквуд рассмеялся.

— Ох уж и мальчишка, — бросил он, видя, как Дэш хмурится, — сломя голову в адское пекло. Ты случайно не один из Виндоров, уж больно похож на нашего господина.

Райт тоже усмехнулся, но улыбка исчезла, стоило ему снова подумать о женщине, которая предала его.

Обломав оперение стрелы, мужчина снял нагрудный доспех.

— Пару часов и мы будем в Эктавии, — вымолвил он, — оттуда рукой подать до Хегея, — резко дернув древко, Райт извлек наконечник, стиснул зубы, — я вполне смогу проехать верхом несколько миль, — кровь брызнула, побежала по животу.

Почти двадцать лет назад он, будучи мальчишкой, пообещал королю, что никогда не навредит брату, но сейчас... сейчас Райт плевал на все клятвы мира. Да и тот, перед кем он клялся, уже мертв.

— Уверен, в Эктавии сидит отряд королевских ратников и только ждет, когда мы туда сунемся, — произнес Дэш, оборвав размышления лорда Берингера.

— Нет, — бросил он, зажимая рану, — не в этот раз. Деревня будет свободна. Ее паскудное величество захочет со мной договориться и пришлет туда переговорщиков.

— Конечно, придет, — согласился Деквуд, — что еще ей останется, когда сюда придет Бейдок и восемь тысяч ваших солдат, мой лорд.

— Полагаете, они выманили леди эль-Берссо из Лауртана, чтобы вас шантажировать? — нахмурился Кайетан.

— Черт, — протянул Деквуд, видя, как сжались кулаки Райта, — ты можешь держать рот закрытым, парень?

— Он прав, — вымолвил регент, — старая сука ставит меня перед выбором, который очевиден для всех, кроме нее.

Деквуд и Кайетан долго молчали, строя свои догадки по поводу этого очевидного выбора. Наконец, регент усмехнулся:

— У вас такие лица, будто вы во мне сомневаетесь.

Мужчина поднялся, медленно направляясь к лошади.

— Придется играть на ее поле, черт бы побрал эту дрянь, — бросил он через плечо.

Дэш протянул руку Деквуду для прощального рукопожатия.

— Кстати, — вдруг обернулся Райт, — найди мне Девилля, и притащи его сюда. Будет сопротивляться, заставь.

— Лорда Девилля? — изумился Деквуд. — Как скажете, мой лорд.

Наконец, Райт начал рассуждать. Пару часов назад им владели эмоции, но сейчас пришло время хорошенько подумать.

* * *

Аарон весело подмигнул рыжеволосой девушке, юркнувшей с подносом в открытую

дверь. В таверне было тихо и безлюдно. Не удивительно, все, кто хоть малость дружил с головой, уже при оружии и затаились. А вино здесь подавали кислое, хоть это не сильно расстроило наемника. Иной раз приходилось пить хуже.

Оставив Бейдока, Аарон несколько дней мчался в сторону Хегея, загнав двух лошадей. Еще бы, новость о том, что лорд Берингер потерял голову от одной из претенденток и идет войной на Эдмунда, облетела королевство. А еще везде трепались о том, что он сын сакрийской рабыни, и не всем это нравилось. По мере продвижения к столице, Аарон ловил все новые слухи, и понимал, что положение вещей может быть весьма печальным. В общем, его услуги могут понадобиться Райту.

Наемник опустошил кружку, бросил на стол монеты. Война ему никогда не нравилась — слишком много гибло людей, простых воинов, присягнувших в верности вассалу, и вряд ли понимающих за что они собственно бьются. У убийцы другая религия. Аарона продали в пять лет в клан темных ветров, и он впитал в себя правила выживания для наемников, всегда действовал тонко, тайно и наверняка. Кроме того, Аарон ненавидел доспехи, в которые рядились ратники, считал, что бронь сковывает движения, и сам в здравом уме никогда бы не надел ничего подобного.

— Хочешь отдохнуть? — рыжеволосая дева спрятала монеты в карман и вопросительно приподняла бровь.

О, Аарон с удовольствием отдохнул бы в ее обществе, но с некоторых пор он стал слишком серьезно задумываться о службе регенту. Обязательства всегда нервировали наемника, но только не в случае с Райтом. Сейчас все казалось логичным: Берингер — хозяин, Аарон — исполнитель. Служить такому человеку одно удовольствие, хоть подобную службу не назвать легкой. Кроме того, ни одна красавица не сравнится с Розеттой Лефер, которой он грезил уже несколько месяцев.

— Аарон? — рядом на стул опустился мужчина. — Наемник темных ветров?

Наемным убийцей быть непросто — слава летит впереди тебя.

— Я так популярен? — усмехнулся он, с интересом разглядывая внезапно появившегося собеседника.

Высокий, стройный молодой мужчина с каштановыми волосами и темной щетиной, каких сотни, а то и тысячи, но взгляд у незнакомца был светлый, пронизательный, вдумчивый.

— Я — Дэш Кайетан...

— Ооо, Дэш Кайетан? Да, ладно? — ядовитый сарказм так и сочился в словах Аарона, — приятно познакомиться!

Два клинка в рукавах уже были наготове, наемник мог выпустить их в любой момент и перерезать незнакомцу глотку, но вдруг ему стало любопытно, что тому могло понадобиться.

— Я служу регенту Хегея Райту Берингеру, — произнес собеседник, понизив голос, — и он хочет тебя увидеть.

Аарон расслабился, усмехнулся.

— С этого надо было начинать, — бросил он, — и где его милость?

— Я провожу.

— И какого черта он обо мне узнал, я только приехал.

— Он был уверен, что ты перво-наперво найдешь кабака, — улыбнулся Дэш, — а узнать о твоём появлении не сложно, — он выразительно покосился на длинные черные волосы наемника, собранные в высокий хвост, и кожаные перчатки «без пальцев», — твой наряд так

и кричит о том, что ты убийца.

— Наблюдательный, значит, — нахмурился Аарон, поднимаясь и направляясь следом за Кайетаном. — Титул у тебя есть, Дэш Кайетан?

— Господин.

— Значит не из лордов?

Они вышли на улицу, и Аарон замолчал, накинув капюшон. Если его и ждала западня, то он был всегда наготове. Впрочем, он знал, что регент прибыл в Эктавию еще утром, значит, в деревне уже проверили каждый дюйм и выловили всех королевских шпионов. Опасаться нечего.

Владения местного графа освещались множеством факелов. На стенах стояли воины, внимательно взирающие на приближающихся всадников.

— Вас впустили сюда без боя? — удивился наемник. — Я думал, местный граф окажет сопротивление, ради приличия.

— Для чего? — бросил Дэш, внимательно наблюдая за тем, как открываются ворота. — Королеве нужно, чтобы мы остановились здесь.

— С каких пор Райт делает то, что нужно королеве? — изломил бровь Аарон, но не получил ответ на свой вопрос.

Спешившись, он направился за спутником, который вел его напрямиком к регенту.

Встреча состоялась без торжественности.

— Ого! — присвистнул Аарон, входя в просторный зал, где восседал за ужином Райт.

В одной лишь рубахе, расстегнутой на мощной груди, регент выглядел крайне расслабленно и небрежно. Впрочем, весь его вид говорил о вдумчивом спокойствии.

— Сядь, — резко произнес мужчина, отодвигая тарелку и беря в руки кубок.

Мальчишка-паж прислуживал ему, стоя рядом с кувшином отменного вина.

Наемник сел, закинув локоть на спинку стула и положив ногу на ногу. Дэш сдержанно присел за противоположный край стола, возмущившись на Райта.

— Как далеко отсюда Бейдок? — регент не стал ходить вокруг да около.

— Будет здесь утром.

Райт запил пищу вином, достал портсигар. Паж немедленно поднес огня, чтобы лорд смог закурить, и по знаку господина вышел из комнаты.

— Отлично. Утром я жду делегацию переговорщиков от королевы.

— Будешь плясать под ее дудку? — спокойно и даже вежливо поинтересовался Аарон.

Дэш слегка обалдел от такой наглости и с опаской взглянул на регента, но тот был невозмутим и не собирался злиться.

— Не совсем так. Переговоры состоятся только в том случае, если сюда явится она сама или мой братец. А если нет, то мне весьма жаль ее переговорщиков.

Этот ответ Аарона полностью устроил. Все-таки было бы печально, если бы Райт уступил Генриетте из-за женщины, пусть даже такой хорошенькой, как Джина эль-Берссо.

— Чем могу помочь?

Лорд Берингер внимательно оглядел наемника, почесав подбородок.

— Для начала переоденься, — бросил он, заставив Аарона покрыться красными пятнами, — ты больше не служишь клану, ты служишь мне. И раз мы оба приняли такое решение, сделаешь все, что я скажу.

Грозный, расчетливый и безжалостный зверь смотрел на наемника глазами Райта Берингера, заставив Аарона выпрямиться на стуле и ответить со всей серьезностью:

— Я уж было принял все эти слухи за чистую монету...

— Слухи? — переспросил Райт жестче.

— Поговаривают, что ты выдашь Уильяма в обмен на свою девчонку и присягнешь в верности Эдмунду.

Регент скривился.

— Скорее я вздерну его на дыбу, — произнес он, — или сдеру живьем кожу... еще не решил. Но присягать ему точно не собираюсь.

Уверенность сквозила в каждом слове, исключая сомнения.

— А Джина? — все же спросил наемник.

— Заберу ее. Эта женщина принадлежит мне.

Аарон улыбнулся, переглядываясь с Дэшем. Все-таки он никогда еще с такой самоотверженностью и верой не служил ни одному человеку.

— Что я должен делать?

— Ты должен попасть во дворец.

Теперь по лицу наемника скользнула растерянность.

— Черт, ты хоть понимаешь...

— Заткнись, Аарон, — спокойно, но грозно произнес регент, — от своих людей я обычно слышу только: «будет сделано».

— Как я туда попаду? — тихо зарычал наемник.

— Очень просто. Я направлю ее величеству свою делегацию, — заявил Райт.

— Отлично, я сделаю, но...

— Мне нужен лорд де Хог.

— Снова? — брови наемника поползли вверх.

— Старый лорд. Атер его единственный сын, и он на многое готов, чтобы его спасти.

Кроме того, он вполне способен понять, что так или иначе я приду к власти. И твоя задача помочь ему в этом.

— Я не силен в убеждении, — пожал плечами наемник, но ощутив на себе опаляющий взгляд, поправился: — Будет сделано.

— Передашь ему то, что я скажу слово в слово.

— Да, на память не жалуюсь. А если меня убьют?

— Отпустят, — ответил Райт, — удостоверись, что Джина жива, скажешь, что без этого я не сдам Уилла.

— Как скажешь. Но почему я?

Регент усмехнулся:

— Можешь гордиться, Аарон, но ты один из тех, кому я пока доверяю. Кроме того, с тобой будет Кайетан.

Последний вздрогнул.

— Но у меня нет титула, ваша милость...

— Будто он есть у меня, — рассмеялся наемник, закидывая за голову руки.

Мне было чертовски страшно находиться один на один с Эдмундом в его спальне, ибо не сложно догадаться, зачем он привел меня сюда и усадил на край постели. Его личные телохранители удостоверились, что я сижу смиренно, не собираюсь бегать по комнате в поисках тяжелых и острых предметов, и любезно оставили нас одних. Эдмунд с блестящими остекленевшими глазами стоял напротив меня, расставив ноги и уперев в бока руки.

— Вот скажи мне, Джина, — произнес он медленно, — почему ты предала меня? Почему предпочла Райта? Я ведь предлагал тебе стать моей, но вместо этого ты согревала постель изменника.

Отвечать, пожалуй, не было смысла. Эдмунд умел неплохо говорить сам с собой.

— Ты знаешь, что значит быть всегда вторым, а? — его медленно разбирала злость.

Высокий, тонкий, умащенный духами и обряженный в алый шелк, он принялся ходить передо мной, энергично жестикулируя.

— Ты хоть понимаешь, что значит быть номер два во всем? Я был рожден в законном браке, моя мать благородная женщина, но меня всю жизнь тыкали носом в заслуги Райта, — горящий взор принца остановился на моем лице, — причем отец никогда не любил его, он его презирал, уничтожал и смотрел, как тот выживает, не смотря ни на что. И в какой-то момент это начало восхищать отца. Именно так, Джина, именно так. Король осознал, что его бастард чего-то стоит!

Он стоит гораздо больше вас всех вместе взятых.

— А меня отец никогда не замечал, относился почти так же, как к девице, будто у него родилась дочь! И все это из-за Райта, из-за этого ублюдка!

Голос Эдмунда мог звенеть, а мог почти шептать, но эмоция была одна — яростная обида.

— Что бы я ни делал, я не мог завоевать уважения моего отца! — принц тяжело дышал, сжимая кулаки.

Вспышка немного улеглась, и мужчина продолжил ходить по комнате, четко выговаривая слова.

— И в итоге король предал меня, признав перед всем советом связь со Стеллой и объявив Уильяма, своего сына, новым королем Хегея. А ведь он даже не знает, кем вырастет этот мальчик.

Зато он прекрасно знает лорда Берингера. И короновал он не Уилла, а Райта, потому что регент будет править еще четырнадцать лет.

— Райт отнял у меня уважение и любовь отца, выставил меня посмешищем перед советом, отнял у меня жизнь, — Эдмунд закусил губу, пронзив меня мрачным решительным взглядом, — и поэтому я отниму его жизнь, но перед этим я заставлю его хорошенько помучиться. Я поимею его женщину самым низким, недостойным, грязным способом.

Мое сердце болезненно сжалось. Кровать, на которой я сидела, показалась адской сковородой, но я не позволила себе вскочить или начать возмущаться, потому как Эдмунд был на взводе.

— А ваша мать? — я робко взглянула на часы в надежде, что смогу заставить принца жаловаться на никчемную жизнь до самого утра.

— Моя мать? — Эдмунд удивился, что меня интересуют подробности его семейной

драмы, но с готовностью ответил: — Моя мать самая настоящая кобра. Ее не волнуют мои чувства и желания, она привыкла к власти, и не выпустит ее из рук. Она с легкостью пожертвовала бы и мной, если бы это помогло ей самой водрузиться на трон.

За окном посветлел лишь самый краешек неба, давая мне надежду на то, что Эдмунд будет трепаться до рассвета, но мужчина неожиданно смолк.

— Райт ведь никогда не желал вам зла, он был вашим советником, — дала я ему пищу для новых размышлений, и Эдмунд раздраженно проговорил:

— Меня всегда бесила его забота. Мне не нужна была опека этого сакрийского выродка. Я сам могу принимать решения.

Не знаю, помогали эти вопросы отсрочить страшное, или напротив злили принца, но ничего иного я придумать не могла.

— Но ведь все могло быть иначе, ваше высочество, если бы вы поменяли свое отношение к брату, если бы не стали слушать мать...

— Моя мать, — закричал он, — единственная, кто на моей стороне! Она единственная, кому я нужен!

— Но ваш брат...

— Не смей! Не смей называть его моим братом! — взвился Эдмунд.

Он подошел к столу, позвонил в колокольчик и гаркнул появившемуся обер-камергеру:

— Раздеть!

Я вздрогнула, ища взглядом, чем смогла бы обороняться, но появившиеся слуги не торопились срывать с меня одежду, они подлетели к принцу, и я поняла, что тот просто не в состоянии раздеться сам. С пеленок эту процедуру проводили его бесчисленные пажи и лакеи. Без них Эдмунд бы не расстегнул и пуговицы.

— Я заставлю твоего любовника страдать, — говорил он, покуда его вытаскивали из камзола, — я буду обладать его собственностью, его любовью... я орошу твое лоно своим семенем...

Я стиснула зубы, едва сдержав приступ тошноты, а Эдмунд самодовольно продолжал:

— И каждую ночь я буду обладать тобой, пока ты не родишь мне ребенка.

Принц не вызывал во мне ничего, кроме жгучего отвращения. Я наблюдала, как слуги высвобождают его из рубахи, открывая бледное худосочное тело.

— Тогда у вас уже не будет шанса спастись, — вымолвила я, — Райт убьет вас.

Узкое самодовольное лицо Эдмунда стало пунцовым.

— Меня? — сощурил он глаза и выдернул руки из заботливых ладоней слуг, отмахиваясь от них. — Он не доберется до меня! Понятно!

Обнаженный по пояс с распущенными длинными волосами, принц выглядел крайне нелепо.

— Райт придет за мной. И будет лучше, если вы сейчас же меня отпустите. В этом случае, он, возможно, пожалеет вас.

Вены на шее Эдмунда вздулись, он подошел ко мне, расталкивая прислугу, и с размаху влепил пощечину. Я упала на постель с тихим всхлипом.

— Сейчас ты почувствуешь между нами разницу, дрянь, — зашипел он.

Все крючочки расстегнуты, пояс снят, Эдмунд стоит передо мной полностью обнаженный.

— Все прочь! — гремит его голос.

Жаль, что этот приказ не касается меня.

Краем глаза я слежу за последним из пажей, который услужливо прикрывает за собой дверь, и медленно забираюсь на постель с ногами, отползая от Эдмунда к самому изголовью.

— Снимай свое платье, Джина! — одно колено принца опускается на кровать, сминая простынь. — Хочу увидеть тебя всю, и незачем так бояться, тебе, возможно, все понравится.

Я прижимаюсь к изголовью, пытаюсь придумать, что сделать, сказать, как выкрутиться. Напряженный, даже серьезный, вид Эдмунда не оставляет мне шанса.

— Как брал тебя Райт, Джина?

Меня мутит, я бросаю быстрый взгляд на часы, затем в окно, призывая несносное светило поскорее появиться на горизонте.

— Иди сюда! — рука мужчины хватает меня за лодыжку, но я упорно отбиваюсь, держась руками за изголовье.

Просить его подумать о затеянном, каре небесной и возмездии совершенно нет смысла. Принц решил совершить свою месть здесь и сейчас в надежде, что я лишь тихо поплачу и смирюсь.

— Гадина! Маленькая гадина, — шипел Эдмунд подтягивая меня за ногу, пока не навис сверху, хватая мои руки, — даже сейчас ты не можешь понять, — усмиряя меня, выговаривал мужчина, — что лучше тебе быть поласковой. Тебе еще долго жить здесь со мной, Джина.

Он встряхнул меня за плечи, и я затихла, напугано глядя ему в глаза.

— Вот так, вот и славно, — его пальцы резко ухватили меня за шнуровку платья.

Провозится с ней пару часов, хотелось надеяться. Я мельком глянула на лежащий рядом на столике поднос с горячо любимым принцем чайничком душистого чая.

Между тем Эдмунд пытался совладать со шнурками, пока не решил попросту задрать мне юбку, чего я категорически не могла позволить. Его горячая ладонь скользнула по щиколотке к колену, вызывая омерзение. Юбка, нижняя юбка и чулки немного затормозили мужчину. Он приподнялся, небрежно откидывая подол, пытаюсь разглядеть все, что под ним скрывалось, и... в этот момент моя рука нащупала рукоять фарфорового чайника.

В висках всюду пульсировала кровь. Сердце вырывалось из груди вместе с хриплым дыханием. Моя рука оказалась зажата в кулаке Эдмунда, пальцы разжались, чайник выпал, а на губах принца появился оскал:

— Ты упустила свой шанс, мерзавка, — он вдруг соскочил с постели, прошагал к столу, повернул ключ и извлек трофейный кинжал.

Я тоже сползла с кровати, просчитывая ходы.

— Теперь я тебя точно раздену, — с самодовольством, присущем самому настоящему подонку, Эдмунд пошел ко мне, не стесняясь собственной отталкивающей наготы.

Прокручивая в руке кинжал, рукоять которого была усыпана камнями, принц любезно продемонстрировал мне оружие, которым он будет усмирять мою гордость.

Тяжело дыша, я пятилась назад, пока не уперлась в кресло, поняв, что любые маневры бесполезны.

— Ты никогда не будешь хорош, как Райт Берингер. Ты жалок, а он велик. Он истинный король Хегея! — из меня вырвался этот поток слов, впиваясь в Эдмунда острой яростью.

Принц грубо вцепился в шнуровку, вспорол, рывками стягивая с меня платье.

— Делай, что хочешь, но тебе никогда не сравниться с ним! — с ненавистью бросила я.

Пощечина отбросила меня на кресло, с которого я поднялась, стирая с губ кровь.

Я вцепилась в лицо мужчины, как волчица, рыча, царапаясь.

— Дрянь! Дрянь! — завопил Эдмунд, отталкивая меня.

Наконец, мои силы ослабели, и я рухнула на пол, с удивлением обнаружив на камизе бурое пятно и рваную рану, а в руках Эдмунда окровавленный кинжал.

— Черт побери, — тихо прошептал он, напугано озираясь на дверь в покои.

Его голос, шум за дверью, мое дыхание превратились в тонкий, слабый отголосок сознания.

* * *

Генриетта не спала уже несколько дней, и теперь дремала в кресле, подперев кулаком подбородок. Атер в такие моменты ласково гладил ее по волосам и умилительно улыбался. В его объятиях грозная и бессердечная королева могла быть просто женщиной.

— Мой милый, мой мальчик... — прошептала она сквозь сон.

Одна из служанок подошла к двери, в которую кто-то постучал. Аккуратно, чтобы не нарушить покой ее величества, девушка осведомилась, кто осмелился тревожить королеву, и получила неожиданный ответ:

— Доложи ее величеству, что вернулись переговорщики...

Взглянув в окно, за которым медленно рассеивалась ночь, уступая кровавому рассвету, служанка робко притронулась к руке королевы.

— Ваше величество... переговорщики прибыли...

— Уже? — Генриетта приподнялась, сгоняя с себя остатки сна и мысли об Атере. — Прошло не больше часа.

Поспешность, с которой пришли вести от Райта, была подозрительной. Неужели он принял решение, не задумываясь. Неужели так просто сдаст позиции?

Дождавшись, когда ее одежду и парик приведут в порядок, королева покинула комнату, и ее тут же обступили мужчины, военные советник принца.

— Ваше величество! — загалдели они, и женщина поморщилась, ощутив первые уколы сомнения.

— Не все сразу, лорды! — сжимая в кулаке веер, проговорила она, — где они?

— В тронном зале.

Королева сорвалась с места, и вся процессия мужчин двинулась следом.

По мере приближения, сердце Генриетты ускоряло ритм, а по спине скользили капельки пота. Все сейчас зависело от ответа, который должен был дать Райт.

Войдя в тронный зал, Генриетта дрогнула, бросила быстрый взгляд на лорда де Хога, который стоял на ступенях, сложив на груди руки с мрачным, хмурым выражением на лице. Время будто замедлилось, рождая в воспаленном мозгу женщины мысль о том, что она могла в чем-то просчитаться. Ее взгляд упал на переговорщиков.

— Что произошло? — ответ был очевиден, но она должна была что-то сказать.

— Они не ответят вам, ваше величество, — проговорил старый лорд.

Советники за спиной королевы хранили гробовое молчание, представляя, что может сотворить с ними Райт, если он не пожалел даже парламентаров.

— Им вырвали языки, ваше величество, — пояснил лорд де Хог, когда его снова коснулся растерянный взор Генриетты, — по приказу лорда Берингера каждого высекли пятью ударами плети.

Женщина сжала кулаки, понимая, что от нее ждут решения, которого нет, и не может

быть. Молчание длилось целую вечность.

— Он хоть что-нибудь передал? — ее голос дрожал, а мускулы на лице свело судорогой.

— Да. Он прислал своих переговорщиков.

Возня на полу, где корчились от боли трое лордов с вырванными языками, привела королеву в чувства. Она сделала несколько шагов вперед, стирая со лба испарину.

— Пригласите их, — она не могла сделать с его переговорщиками то же самое, что Райт сделал с ее людьми. И это ее бесило, лишая жалости ко всему, включая несчастных. Оглянувшись, она поочередно вглядывалась в лица своих сторонников, видя лишь отчаяние. — Сотрите это выражение со своих высокородных морд! Я не собираюсь сдаваться! Я не уступлю трон недоноску! — ее вопль потонул в тишине, и она припала к стене, тяжело дыша.

— Ваше величество, — произнес де Хог мирно, — никто из нас не сомневается в вас.

— Уберите их отсюда! — не глядя в сторону переговорщиков, закричала она. — И уберите кровь! Ничего, даже вид этих людей, меня не напугает!

Приказ королевы выполнили беспрекословно. Но пока искалеченных мужчин не вывели из зала, она не обронила ни слова. И ярость в ней лишь росла, подпитываясь настоящим ужасом. На секунду она подумала о той участи, которую приготовит для нее Райт, когда придет сюда, чтобы занять престол.

Де Хог аккуратно коснулся ее руки, и она облокотилась на мужчину, чувствуя, что не в силах сделать нескольких шагов по ступеням, чтобы сесть на трон, который сейчас казался особенно далек.

Все то время, пока она ждала вестников Райта, она сжимала веер и обкусывала губы, пребывая в совершенной растерянности. Но, когда королева увидела мужчин, с которыми будет вынуждена вступить в переговоры, лишилась дара речи.

Оба незнакомца раскланялись с раздражающим позерством. Один из них, с черными длинными волосами, схваченными лентой, проявлял особое усердие. На его губах сверкала спокойная разнузданная усмешка. Другой мужчина был довольно кроток, с открытым ясным взглядом, который заскользил по лицу королевы.

— Ваше величество, — насмешливый и наглый голос длинноволосого брюнета заставил ее сжать от безысходности зубы, — мы прибыли по приказу регента Хегея...

— Назовитесь! — перебила она, взирая на незнакомцев с яростью.

— Господин Дэш Кайетан, ваше величество, — отозвался один из них. — Капитан отряда городской стражи.

— А я Аарон, — произнес брюнет, — наемник темных ветров.

Генриетта нервно передернула плечами, глянув на лорда де Хога, который развел руками.

— Капитан и убийца? — хмыкнула она. — И вас удостоили чести вести переговоры от имени изменника? Что ж, это даже не удивительно, хотя Райт должен был знать, что нельзя отправлять на переговоры всякую безродную падаль.

Ее ядовитая речь ничуть не повлияла на спокойный сдержанный настой пришедших.

— Наш господин, коего стоит именовать его величество регент Хегея, — вымолвил наемник, — видимо знал, что мы найдем общий язык. Падаль будет разговаривать с падалью.

Стражники королевы, стоящие позади переговорщиков, обнажили мечи, но Генриетта вмешалась:

— Не трогать их, — ее голос звенел от злости, но она покорно мирилась с положением вещей, — я прощу вам несусветную наглость, но лишь потому что не хочу превращать столицу в кровавый ад. Я готова выслушать условия Берингера...

— Его величества, — поправил Аарон, наслаждаясь разъяренным видом королевы.

— Что? — зашипела она.

— Вы должны называть лорда-протектора его величеством, — спокойно пояснил наемник, — и я передам ему, что вы были очень покладисты и отзывались о нем с уважением, в противном случае он сам придет сюда, и тогда вы точно придумаете тысячу хвалебных титулов для нашего господина.

В отчетливой тишине присутствующие услышали, как скрипнули зубы монаршей особы.

— Вы, наверно, забываете, что у меня его девчонка! — выпалила Генриетта.

— О, как раз напротив. Мы прибыли, чтобы удостовериться, что с леди Джиной прекрасно обращаются. И об условиях, которые готов предложить вам лорд-протектор, мы поговорим только после того, как пообщаемся с этой дамой.

Королева глядела на самодовольного наемника, понимая, что иного выхода у нее нет.

— Разрешаю, — бросила она сдавленно. — Лорд де Хог, распорядитесь привести Джину.

Двое стражников покинули зал, но через несколько минут вернулись один бледнее другого, и сообщили что-то старому лорду, с которого сразу схлынуло спокойствие.

— В чем дело? — напрягся и Аарон, видя, как де Хог быстрой походкой направляется к ее величеству и, спросив дозволения, шепчет ей что-то на ухо.

Взгляд Генриетты наполнялся мраком, пока она слушала неведомые слова старого лорда.

— Нам нужно время, — вдруг сказала она, заглатывая ртом воздух, будто разом разучившись дышать.

— Что-то случилось с леди эль-Берссо? — изогнул бровь наемник. — Она жива? Или быть может, передать моему господину, что ее у вас нет?

— Не горячитесь, — примирительно ответил де Хог, видя, что королева едва сохраняет лицо, — леди Джина еще в постели. Ей нужно время, чтобы предстать перед нами.

— У вас нет ни секунды, — произнес Аарон, — видите ли, лорд-протектор человек крайне нетерпеливый. Он отвел нам ровно час, и если по истечении этого времени мы не вернемся, это будет воспринято, как отказ от сотрудничества.

Королева поднялась, выронив веер.

— Я... я сама потороплю ее... — задыхаясь, сказала она, спускаясь со ступеней.

Наемник и Кайетан переглянулись, одновременно подмечая, что творится что-то неладное.

Генриетта прошла мимо, быстро, подобно тому, как спасаются бегством. Едва двери тронного зала захлопнулись за ней, она рухнула на пол, горько рыдая. Лакеи не смели притронуться к ней, глядели с опаской, понимая, что железная леди, злая и жестокая пала на их глазах, превратившись в простую напуганную женщину, у которой не было никакой опоры. И вслед за этим пониманием грянул страх, растекаясь волнами по дворцу.

Одна из фрейлин рухнула на колени, поднимая свою госпожу, за что получила тычок в плечо.

— Где мой сын? Где этот... — она проглотила слова, быстро стирая слезы и подчиняя себе эмоции.

— Он в покоех...

Королева побежала, приподняв платье. Встреченные ею слуги и придворные изумленно расступались, пропуская ее, замечая, что по ее напудренным щекам льются слезы.

— Открыть! — закричала она лакеям, которые бросились распахивать двери в апартаменты ее отпрыска.

Отталкивая камергера, Генриетта влетела в спальню, увидев, наконец, сына. Его окружали слуги и телохранители, которые разошлись в стороны, оставляя в поле зрения грозной женщины лишь успевшего надеть штаны Эдмунда.

— Я же просила, предупреждала тебя! — закричала она, бросаясь на него. — Я же сказала, чтобы ты не трогал пока эту шляху! — схватив Эдмунда за волосы, она потащила его к зеркалу: — Знаешь, что будет с тобой? Знаешь?

Принц покорно шел, согнувшись, словно щенок на привязи.

— Посмотри! — она схватила его за лицо, тыча в отражение: — Ты всего лишь жалкий женоподобный мальчишка! Райт бросит тебя солдатам, словно белокурую девицу, и тебя отымет целое войско, потому что ты не смог удержать свой член в штанах!

Задохнувшись, королева оттолкнула от себя сына, обернувшись и вдруг увидев перед собой слуг, которых она словно не замечала. Ее брови сошлись над переносицей, а челядь сжалась под ее взглядом.

Подойдя к обер-камергеру, она ударила его по лицу, затем приказала одному из телохранителей:

— Вздернуть его за несусветную глупость!

С лица обер-камергера схлынула краска, он замотал головой, но было поздно — телохранитель схватил его за локоть и потащил к дверям.

Эдмунд не смотрел на мать, лишь нервно приглаживал растрепанные волосы с видом побитой собаки.

— Где эта дрянь? — рявкнула на него королева.

— В приемной... я позвал лекаря... — обиженно заговорил Эдмунд. — Она жива.

— Если бы она умерла, — выдавила сквозь сведенные судорогой челюсти Генриетта, — нам всем бы пришел конец!

Она устало опустилась в кресло, прижав к лицу ладони и пытаясь придумать, как выйти из тупика, в который ее загнал собственный сын.

— Оденься, — бросила ему, — и благодари свою мать за то, что она пытается тебя спасти. Речь идет не только о престоле Хегея и наших жизнях, но и о смерти, которая покажется избавлением, если сюда придет Райт Берингер.

Она поднялась, направляясь в приемные покои принца, где находилась ее единственная надежда — Джина эль-Берссо.

* * *

Лекарь смотрел на меня сочувствующим взглядом, положив на кровать сумку с пузырьками и травами.

— Сделайте все, что угодно, чтобы поднять ее на ноги! — я не помнила, когда пришла Генриетта, впрочем, я периодически выпадала из реальности, поэтому то, что творилось вокруг, давно утратило смысл.

— Она очень слаба и в любую минуту может потерять сознание, — доложил лекарь, — если заставить ее встать, это может ее убить.

— Я же сказала: делайте все, что угодно! — а затем добавила: — Если вам дорога жизнь.

Лекарь снова взглянул на меня.

— Настойка валмора заставит ее подняться, но у настойки есть побочное действие. Девушка будет казаться заторможенной, медлительной, ее сознание будет замутнено, возможны галлюцинации. Эффект от валмора непродолжительный, но вполне действенный.

— И она сможет передвигаться самостоятельно?

— Да, ваше величество. Но мне нужно будет зашить и обработать рану, иначе девушка истечет кровью.

— Хорошо, только быстрее.

Я почувствовала прикосновение к ране, застонала и провалилась в небытие. А в следующее мгновение меня будто выдернули на поверхность сознания, влив в горло горьковатой жидкости.

— Пейте! — приказал мужской голос.

Выбора у меня не было, хоть я и пыталась сопротивляться. Меня держали, почти лишив возможности шевелиться. Желудок обожгло неизвестное снадобье.

— Как скоро оно подействует? — холодно осведомилась королева.

— Дайте мне еще пару минут.

Меня замутило, картинка перед глазами поблекла. Мысли стали путаться, и я затихла, внимательно глядя на склонившегося надо мной мужчину. Служанки приподняли меня, а он принялся быстро и туго перевязывать мой торс.

— Храни вас господь, леди... — тихо шепнул мне, отстраняясь. Это было последнее, что я еще могла осознать, затем поток нелепых образов застил мой взор.

— Приведите ее в подобающее состояние! — хладнокровно распорядилась Генриетта.

Служанки потянули меня с кровати, и я попробовала встать. И у меня получилось. Тотчас моему телу вернулись прежние силы. Однако полотно ткани, которым меня замотали, сразу промокло от крови.

— Наденьте на нее платье, — бросила королева, — выберите что-то темное, чтобы никто не заметил кровь.

Я плохо понимала, что происходит, но послушно переждала всю процедуру одевания. Прическу лишь поправили, потому что все куда-то торопились.

Через мгновение кто-то из гвардейцев подхватил меня на руки, и мы довольно весело бежали до тронного зала, где должно было случиться нечто важное. Меня не посвящали в подробности, я просто должна была молчать, за что королева обещала побыстрее вернуть меня в кровать. Хотя никуда возвращаться я не собиралась, чувствовала себя раскованно и бодро, а все происходящее лишь веселило.

Мысли постоянно забывались. Даже некоторые имена. Я не узнала телохранителя Розетты, пока он не заговорил. Кажется, спросил о моем самочувствии.

— Леди Джина немного не в себе этим утром, — ответила за меня королева. — Она молода и неопытна. Слишком много вина бывает вредно для юных девиц.

Слова, слова... сколько слов они произнесли друг другу, пока я переминалась с ноги на ногу в нетерпении. Хотелось пробежаться по тронному залу, такому большому и мрачному, коснуться пальцами тяжелых драпировок на стенах и гладких мраморных колонн.

— Леди эль-Берссо, у вас есть, что передать лорду-протектору.

Этот вопрос повторили дважды, прежде чем я переспросила длинноволосого мужчину.

— Кому?

— Его величеству Райту Берингеру.

— Кто это? — искренне удивилась, все еще глядя на безумно большое пространство зала.

Я уже и забыла о посторонних, как вдруг раздался голос королевы:

— Джина весьма непосредственна, а вина было выпито очень много.

— Столько, что это заставило ее позабыть регента? — изумился, а, быть может, разозлился Аарон.

И так как я вдруг проявила интерес к последней реплике, в голове всплыл образ Райта.

— Аааа, — протянула с неприкрытой инфантильностью, — Райт Берингер, лорд-начальник? Его трудно забыть.

— Ну что? — подытожила Генриетта. — Вы убедились, что она цела? Теперь мы можем обсудить все условия?

Ответом стали хмурые мрачные лица мужчин.

Аарон вошел в шатер, отодвинул стул и рухнул, мрачно возвестив:

— Я сделал все, что ты сказал. Прости, не удержался и добавил отсебятинки немного.

Следом вошел Кайетан, поклонился. Первым делом зачерпнул воды, плеснул в чашу и жадно приник. Напившись, тоже сел, стирая со лба испарину.

Юная травница старательно обмывала кожу вокруг раны регента, стоя на коленях перед ним. Аарон оглядел маленькую фигурку, ухмыльнулся, а Дэш шмыгнул носом, стараясь не глядеть на движения маленькой руки девушки по обнаженному крепкому торсу мужчины.

— Не помешали, ваше величество? — на губах Аарона замелькала улыбка. — Можем и снаружи подождать.

Райт приподнял голову, изогнул темную бровь, а наемник добавил ехидно:

— Пока ты тут развлекался, мы, между прочим, рисковали жизнями.

Дэш поежился, опасаясь, что Берингер и этому наглецу вырвет язык вместе с желанием чесать им попусту. Но Райт глядел на наемника снисходительно и спокойно.

— Говори, — лишь коротко приказал он, и этот приказ наемник не посмел игнорировать.

— Я ее видел, даже разговаривал... эм...она в порядке, да...

Травница зачерпнула густую темную мазь, равномерно накладывая на рану. Райт поморщился, переместил недовольный проницательный взгляд на Кайетана.

— Ваша милость, леди Джина была несколько не в себе. Не понимала происходящего, не помнила имен... едва держалась на ногах...

— Не хочу ранить твою душу, — вмешался Аарон, оторвав взгляд от травницы, — но твоя леди была пьяна.

Некоторое время Райт молчал, затем приказал наемнику подойти, и по лицу последнего скользнуло беспокойство. Он поднялся, подошел к регенту, взгляд темных глаз которого хладнокровно выворачивал душу.

— Уверен в том, что говоришь? — предельно мягкий голос был ловушкой.

Травница поднялась, отошла в сторону, пережидая бурю.

— Райт...

— Ты уверен? — настойчиво, тихо, но очень грозно.

— Я видел...

— Уверен, твою мать? Я спросил. Я жду, Аарон.

Наемник молчал, желваки на его щеках ходили ходуном, но он понимал, как никто, что любое его слово может стать последним.

— Нет, я не уверен.

— Ваша милость, — Кайетан двигался на удивление бесшумно и обладал способностью возвращать регенту хладнокровие. Он ловко протиснулся между мужчинами. — Леди эль-Берссо была бледна, взгляд стеклянный, она будто отсутствовала, ее мысли были далеко...

— Настойка валмора, — этот тонкий, напуганный, но решительный голос принадлежал травнице, которая откинула с лица волнистые каштановые волосы и смотрела исключительно на Кайетана, — его дают в редких случаях, он способен поднять на ноги умирающего, но лишь на некоторое время.

Мужчины внимательно и удивленно смотрели на нее.

— Как твое имя? — спросил регент.

— Филис, ваша милость.

— Ты хорошая травница, Филис, — вымолвил он и подошел к столу, беря в руки мешочек с монетами. Ловко перебросив его в распахнутые ладошки девушки, регент сказал: — Будешь служить мне, получишь вдвое больше.

— Мой господин, — невероятно покраснела она.

— Ответь мне еще на пару вопросов, — произнес Райт. — Зачем давать эту настойку?

— Если девушка больна или ранена.

— Ранена? Насколько серьезной может быть рана? — в голосе регента почувствовался металл.

— Очень серьезной, смертельной, мой господин.

— Ты сможешь справиться с такой раной?

Девушка вскинула глаза, встречая прямой настойчивый взгляд, в котором сошлись ярость, напряжение, надежда.

— Я постараюсь, но...

— Кайетан, — игнорируя ее дальнейшие рассуждения, бросил Райт, — выкупи ее, если она принадлежит местному графу.

Кайетан остолбенел на несколько секунд, вызывая тихий смех Аарона.

— Я, ваше сиятельство?..

— Она смотрит только на тебя и, кажется, будет не против.

Травница смущенно опустила голову, а Дэш, нервно поправив куртку, приказал ей идти следом и покинул шатер.

— Мог отдать ее мне, — хмыкнул Аарон, — я бы проявил к ней больше внимания.

— Сядь и заткнись, наконец. Когда-нибудь я выпущу тебе кишки, Аарон, хотя мне иной раз даже нравится твой треп, — мрачно усмехнулся регент, — у нас нет времени, Джина может быть ранена.

— Готов рискнуть всем ради нее?

— Ты передал мои слова де Хогу? — вместо ответа спросил Райт.

— Один в один, еще до того, как о нас с Дэшем доложили королеве. О своем решении он сообщит. Подаст нам знак. Будем надеяться на положительный ответ, — прикрыл веки наемник. — Надеюсь, теперь ты станешь ценить меня больше? — ощутив прожигающий до костей взор Райта, наемник покорно вскинул ладони: — Ладно-ладно, затыкаюсь...

Неожиданно в шатер вбежал воин, припадая на одно колено, и затараторил:

— Ваша милость, прибыл лорд Бейдок, лорд Деквуд и лорд Девилль.

— Одни лорды — куда не плюнь, — лениво протянул Аарон.

Райт усмехнулся.

— Зови Девилля...

— Начинаешь сразу с десерта? — наемник расположился на стуле, ожидая, когда начнется представление.

Лорд Девилль явно не был доволен тем, что его впихнули под локоть в шатер. Его потрепанный вид говорил о многом. Он сдержанно поприветствовал регента, бросил хмурый взгляд на наемника.

— Не пойму, чем я вас разгневал, мой господин, — настороженно сказал он, видя предвкушающую улыбку на губах Аарона, — то, как со мной обращались не подобает вашим вассалам. Я не знаю, чем мог заслужить подобное отношение.

Девилль говорил складно. Он был при оружии, и Райт хорошо помнил, с каким нечеловеческим умением Девилль бился на мечах. Однако регент совершенно безоружный, в одной лишь рубахе, расстегнутой на груди, вальяжно расположился на стуле перед лордом. Его взгляд, хуже клинка, хуже яда, внушал Девиллю тревогу, с которой тот едва ли мог справиться.

— У меня нет времени, — лишь сказал Берингер, — и желания слушать ложь. Ты служил моему отцу, Девилль, хорошо служил. Я ценил тебя, как воина и как честного человека. Я принял твою присягу, пустил в свой дом. И лучше тебе найти в себе силы сказать правду и принять достойную смерть, чем в очередной раз лгать, глядя мне в глаза, и умереть, как собака.

Тот молчал, втягивая носом воздух, положив ладонь на рукоять меча, следя краем глаза за наемником, который поддался вперед, сжимая в руках клинки.

— Я хорошо чувствую ложь, Девилль, — говорил Райт, скрестив на груди руки. — Я знаю, когда мне лгут.

На лбу лорда сверкнули капли пота, а вены на шее вздулись от напряжения.

— Ваш отец был Виндором, — отозвался он, — благородным человеком, в чьих жилах текла кровь королей. В ваших венах течет кровь сакрийской рабыни.

Райт сощурил глаза, видя, что пальцы Девилля сжимаются вокруг рукояти меча. Аарон приподнялся, но регент жестом остановил его.

— Что ты сказал моей женщине? — спросил он изменника.

— Правду. Выиграв одну войну и даже уничтожив королеву, вам никогда не править королевством. Сюда придет понтифик и сотрет Хегей с лица мира, чтобы возродить на пепелище иной государство, послушное и суеверное. И тогда не будет ни вас, ни меня, ни маленькой смелой женщины их Хоупса.

— Она тебе поверила?

— О, нет, — печально улыбнулся Девилль. — Ее не убедили мои слова. Она слишком сильно верит в вас.

Услышав эту фразу, Райт замолчал, справляясь с желанием прикончить Девилля прямо сейчас и броситься во дворец, чтобы снова ощутить эту юную женщину в своих руках, утешить ее, заставить забыть всю ту боль, какую мог причинить Эдмунд.

— Как ты заставил ее? Угрожал?

— Нет. Я поставил ее перед выбором: жизнь или смерть ее отца.

Регент понял все без дальнейших объяснений. Сжал кулаки, медленно поднимаясь. Аарон остался сидеть, ибо уже хорошо знал этот изменившийся до неузнаваемости взор, заострившиеся черты лица.

Девилль с лязгом извлек меч из ножен, рассек полотно воздуха перед собой, едва не вспоров рубаху на груди регента. И сразу же лорд-изменник поддался вперед, делая замах, с ходу, молниеносно. Райт уклонился... недостаточно. Глухое шипение. Кровь брызнула на пол.

Но в следующую секунду спокойный выверенный жест регента вернул на место подскочившего на ноги Аарона. Пострадало лишь плечо Райта, по которому, промолив рубаху, побежала кровь.

Девилль снова атаковал, встречая неожиданное сопротивление. Пальцы регента сжали его запястье, уводя меч в сторону. Противники тяжело дышали, глядели друг на друга, почти столкнувшись лбами. Последний рывок — меч сверкает, слышится стон.

Аарон снова подскочил на ноги, с тревогой наблюдая, как меч выпадает из ослабевшей руки Девилля.

— Именем короля Уилляма первого, — захрипел Райт, — объявляю тебя, лорд Девилль, предателем короны. Кара за это — смерть.

Наемник сглотнул, видя, как регент схватил раненного противника за волосы, резко швырнул на колени, поднял меч и, замахнувшись, разом отделил его голову от плеч. Кровь, брызнувшая из раны, оросила сапоги регента, а тело лорда Девилля обмякло и рухнуло на пол с глухим звуком.

Берингер отер лицо, подошел к столу и жадно приник к кувшину с водой. У Аарона же отпало всякое желание шутить с этим зверем впредь.

— Что-то не так? — не поворачиваясь, спросил регент, из голоса которого еще не улетучились жесткость и напряжение.

Наемник моргнул, вспомнив, что стоит, сжимая клинки, и быстро спрятал оружие.

— Нет, мой господин, все, как надо.

— Хорошо. Позови моего оруженосца.

Оставалось сказать лишь: «будет сделано». Похоже, Аарон неотвратимо и добровольно превращался в покорного раба этого могущественного человека.

* * *

Рука духовника дрожала. Молитва Генриетты была нарушена, из-за чертовой дрожи. Она поцеловала предложенную кисть, скривив губы, быстро поднялась с колен, ожидая, когда духовник завершит слова молитвы.

На витражах придворной церкви были изображены сцены битв, историю которых Генриетта знала с детства, но она никогда не думала, что под стенами Хегея снова будет стоять многотысячное войско.

— Ваше величество, — раздался мелодичный голос духовника, — бог не пощадит того, кто не пощадил одного из его верных сыновей, епископа де Мотинье. Вы слишком долго отказывались от поддержки папы, что привело к печальному итогу. Но понтифик добр и щедр в своей заботе о Хегее, он не позволит лорду Берингеру взойти на престол.

— Не позволит, — повторила королева, не в силах скрыть усмешку, — святой отец, вы должны понимать, что Райта Берингера выбрал король. Если папа рискнет вторгнуться в Хегей, то все силы королевства поднимутся, защищая неприкосновенность королевской власти, какой бы она не была. Все это может затянуться на многие годы.

— Или решится уже сегодня, — проницательно заметил собеседник, — потому как войско этого человека уже стоит у вашего порога. Вы слишком много ставите на чувства этого хладнокровного и жестокого воина, полагая, что ради женщины, он отринет власть. Он считает, что правление Эдмунда никогда не принесет государству пользы, поэтому будет биться до конца. Разве нет?

— Я не знаю, что творится в голове у Райта Берингера, — вымолвила Генриетта поправляя черную кружевную вуаль, покрывающую голову и скрывающую следы усталости и страха на лице железной королевы, — этой ночью я задремала в кресле, и мне приснился сон. Мне приснилось, святой отец, что Райт убивает меня, но вместо него, я вижу Эдмунда, который пронзает меня мечом.

— Каждому человеку, даже стоящему у власти и не позволяющему себе слабостей, свойственен страх, — пояснил духовник. — Самое главное, не пасть жертвой этого страха.

Королева прикрыла веки, понимая, что не может доверять никому и ничему. Переговорщики убедили ее, что Райт отречется от любых притязаний на трон и выдаст Уильяма, но сомнения остались. Слишком хорошо она знала Берингера, чтобы слепо поверить в это. И духовник прав, Райт никогда не считал Эдмунда достойным короны.

— Благодарю, святой отец, — выговорила тихо и медленно пошла в зал для аудиенций, где ее дожидались советники.

Медленно и нерасторопно, ибо все плыло перед ее глазами. Она надеялась на то, что Райту так же плохо, тяжело, что он умирает от усталости и страха.

Лорд де Хог встретил ее у порога, преграждая путь.

— Мне нужно поговорить с вами, ваше величество, — произнес он, кланяясь.

— Нет времени.

— Прошу уделить мне лишь минуту, ваше величество. Это касается Атера.

Услышав это имя, королева остановилась, закусив губу и взглянула на старого лорда.

— Какие известия? — ее голос заметно дрожал.

— Вы обещали, что не оставите его.

Королева откинула с лица вуаль, бросая на собеседника сверкающий от влаги взгляд.

— Я обещала лишь одно — заботится о своем королевстве, покуда я его королева, милорд. О других обещаниях, данных мной во исполнение первого, вы можете благополучно забыть.

— Ваше величество, Атер любил вас...

— Не произносите это имя, — обкусывая губы, зашептала королева, — сейчас меня волнуют другие вопросы, милорд. Они гораздо важнее жизни вашего сына, да впрочем, они важнее тысячи жизней таких, как он, — говоря это, она едва сдерживала слезы. — Вы не должны задумываться о том, кто, наверняка, давно мертв.

— Значит, — мрачно осведомился старый лорд, — вы ничего не сделаете, чтобы спасти его?

— Я же сказала, — ее голос зазвенел от раздражения и злости, — гораздо важнее благополучие Хегея, чем ваш сын. Если власть достанется Райту мы все покойники, вы это понимаете?

— Но ведь Берингер согласился отречься от трона, — напомнил де Хог об обещании переговорщиков, — разве вы не можете выторговать у него моего сына?

— Как же смехотворно ваше требование, — с сожалением отметила Генриетта, — Райт рассмеется мне в лицо, если я озвучу нечто подобное, — она прошла мимо собеседника, хотя ее сердце разрывалось на части и призывало обернуться.

Королева вошла в зал, заставляя советников, которые разместились за столом, замолчать и подняться. Де Хог прошептал что-то невнятное, вошел следом за ней.

Эдмунд в ослепительно-белом камзоле, с золотой цепочкой, скрепляющей алый плащ, с высоким белокурым хвостом и запудренным лицом восседал во главе стола там, где обычно сидел его отец. Что-то неприязненное, даже злое, скользнуло в его взгляде, когда он увидел мать.

— Присядьте, лорды, — снизошла Генриетта, занимая место по левую руку от своего сына. — Переговорщики Берингера сообщили этим утром о его готовности отречься от престола...

Эдмунд расслабленно откинулся на спинку стула, улыбаясь. Королева сбилась на секунду, краем глаза замечая, как он довольно усмехается от мысли, что Райт добровольно сдастся.

— Не время радоваться! — рывкнула она, ударяя ладонью по столу. — Райт не идиот! Он не откажется от трона ради постельной шлюхи! — вспышка гнева тотчас уступила усталости, навалившейся внезапно, тяжело, и Генриетта продолжила уже спокойно: — Раньше я считала, что он не посмеет стянуть к столице армию, испугавшись мести понтифика, и ему ничего не останется, как принять условия нашей игры. Но он оказался умнее, чем я предполагала, и... бесстрашнее. Он не остановится, не пощадит никого из нас, и во всем, что происходит я чувствую подвох.

— Что может случиться, ваше величество, когда он прибудет ко двору, чтобы соблюсти процедуру отречения? — спросил один из советников. — С ним будет лишь небольшая свита его приближенных.

— Вы зря беспокоитесь, — невозмутимо протянул Эдмунд, глядя на мать, — что может поделаться человек, когда окажется здесь?

— Райт не простой человек...

— Вы слишком идеализируете его, — вдруг произнес Эдмунд со свойственным ему упрямством, — будто он и вправду всемогущ. Да он просто мешок дерьма с костями. И когда меня коронуют, я докажу это, вспоров его брюхо!

То, что раньше вызывало умиление в этом белокуроем красавце, теперь безумно злило королеву.

— Я чувствую, что он что-то затевает.

— Вы сейчас должны чувствовать лишь одно — радость, — упрямо заголосил Эдмунд, — потому что завтра ваш сын станет королем Хегея. Но вы, кажется, совершенно позабыли об этом, ваше величество.

В нем кипела обида и ненависть, ибо на рассвете Генриетта позволила себе недопустимое — оскорбила его в присутствии слуг. Невероятная глупость в сложившейся ситуации.

— Я никогда не забываю об этом, сын мой, — проговорила она довольно ласково, — и действую только в ваших интересах, возможно, переходя грани, но таков мой материнский долг — наставлять вас на путь истинный.

Ее рука накрыла его спокойно лежащую на столе кисть. Эдмунд резко повернул голову.

— Я есть правда и истина, я — закон, я — монарх! Я не нуждаюсь в ваших наставлениях!

— Сын мой, я...

— И я не понимаю, — между тем взревел принц, — для чего сейчас обсуждать то, что очевидно и не подвергается сомнению?

Королева опустила взгляд долу с притворным смирением. Все-таки Эдмунд станет королем, капризным королем, которому она должна подчиняться.

— Я лишь говорю о своем предчувствии, — сдержанно вымолвила она, — которое редко меня подводило. И я считаю, мы должны обсудить все варианты, даже те, которые очевидны и не подлежат сомнению.

Эдмунд покраснел, белки его глаз тоже налились кровью. Он громыхнул по столу кулаком:

— Все вон!

Когда лорды вопросительно уставились на королеву, она лишь прикрыла веки. Зал стремительно опустел, и она сказала сыну:

— Сейчас нам обоим тяжело, Эдмунд, но ты должен слушать меня, потому что...

— Ты хочешь выставить меня дураком? — закричал принц, вскакивая на ноги. — Ты унизила меня! Ты меня используешь...

— Нет, — примирительно протянула Генриетта, — нет, сын, это не так. Я на твоей стороне. Но ты чуть было все не испортил с этой девчонкой. Зачем нужно было бить ее? Эдмунд, она гарант нашей безопасности.

— Ты унизила меня! Предала! — все еще восклицал тот, энергично ходя по залу, — я буду вынужден поменять слуг, к которым привык, чтобы они не разносили слухи, чтобы никто не смел шептаться за моей спиной.

— Эдмунд, — укорительно.

— Мы делаем только то, что хочешь ты! А как же мои желания? Я — король! И я хотел выдрать эту потаскуху! А теперь ее заберет Райт!

Он сел на стул, понуро опустив голову. Усмирился, но все еще скрежетал зубами.

— Может быть, — отозвалась Генриетта, — но только после того, как Райт подпишет отречение.

— А потом? Он просто уедет? — упавшим голосом спросил Эдмунд.

— Да, мой дорогой, потому что его армия все еще будет у стен Хегея. Но этим ничего не закончится. Я найду способ уничтожить его, а ты возьмешь его суку, хоть один раз, хоть тысячу.

Эдмунд вскинул покрасневшие глаза.

— Хорошо, мама, — вымолвил он, — но никогда больше не смей обращаться со мной так, как ты обращалась этим утром, иначе...

— Обещаю, мой сын, — кивнула она, — этого больше не повторится.

Глядя в светлые глаза принца, Генриетта невольно вспомнила приснившийся накануне сон.

Боли уже не было, а вот слабость — гнетущая, холодная, неумолимая — не отпускала ни на секунду. Полуденное солнце проникало в покои сквозь узкую щелку между шторами. В комнате были служанки, сидящие у камина. До меня доносился лишь тихий рокот их голосов. Я то слышала его, то нет, то проваливалась в густую непроглядную тьму.

— Здравствуй, Джина, — ласковый участливый голос пробудил дремавшее сознание, моих губ коснулись края чашки.

Мою голову приподняли, и я сделала несколько глотков, только после этого приоткрыла тяжелые от усталости веки. Передо мной сидела королева, ее тонкие пальцы с длинными ноготками прикасались к моему лбу и волосам.

— Бедная девочка, мне так жаль тебя, — сорвались с ее губ неожиданные слова, — ты осталась одна, ты трепещешь и боишься, и ты абсолютно ни в чем не виновата. Но уж прости, моя дорогая, так вышло, что без тебя я не смогу оставаться королевой. А мне нужно это, Джина, кто бы знал, как нужно...

Она продолжала неспешно гладить меня, рассматривая мое изнуренное лицо.

— Я была такой же неопытной, наивной и смелой, как ты, — шептали ее накрашенные губы, — много-много лет назад. И я жаждала счастья... увы, в этом мире все подчинено своим законам. Очень многое за нас решают мужчины... Мы подчинены мужчинам, они считают нас своей собственностью, удовольствием на ложе, услугой их тела... Сколько мне пришлось пройти, чтобы превратиться из никчемной девчонки во взрослую женщину, вкусившую власть. О, Джина... сейчас твой любовник, который считает тебя всего лишь желанной вещью, пытается отнять у меня то, что я заслужила. Я положила на алтарь власти очень многое, я заплатила невероятную цену, и я не могу сдаться... прости, дорогая.

Она поднялась, все еще глядя на меня сверху вниз, и приказала прислуге:

— Оденьте леди эль-Берссо, она сегодня будет принимать гостей с нами.

Вот сейчас ее голос прозвучал искренне — холодно, жестоко, надменно. Было ей жаль меня? Сомневаюсь.

— Выберите все самое лучшее. Не жалейте драгоценностей и украшений. Хочу, чтобы Райт оценил свою игрушку по достоинству. А ты, милая, — снова в мою сторону, — приготовься хорошенько, и запомни то, что я скажу. Твоему отцу не удалось добраться до Хоупса. А знаешь почему? — она искренне пыталась уловить тревогу в моих расширившихся глазах. — Потому что Берингер поймал его и казнил. Вот так просто. Он мужчина, и вряд ли задумается о твоих чувствах или желаниях, а когда придет, заберет тебя и будет трахать в своей постели, всегда помни, что именно он стал причиной твоих бед и убил твоего отца.

Удар следовал за ударом, но моих эмоций эта женщина не увидит.

— Катись к дьяволу, — прошептала я, решив, что терять уже нечего.

И пусть прихватит сыночка — вдвоем в адской топке не так скучно.

Не смотря на браваду, мне было больно. Хотелось кричать, бить ногами и руками.

Королева едва заметно улыбнулась, пожалуй, даже одобрительно, пошла к двери, а я, собрав силы, бросила ей вслед:

— Он этого не делал!

— Что? — она обернулась, плотно сжимая губы. — Что ты сказала?

— Я знаю, он этого не делал, — совладав с дрожью, прошипела я.

Я не видела ее лица, не знала, какое выражение замерло на нем. Ответом стал оглушительный хлопок дверью.

Надо мной склонились служанки, и я приподнялась, глотая слезы и понимая, что на этот раз встать мне придется без настойки. Однако спустя несколько минут прислуга убедилась, что любое движение для меня подобно подвигу. Несколько раз я теряла сознание и, пожалуй, возвращалась на этот свет лишь из-за дурацкой гордости.

— Вы можете говорить? — лекарь сидел на постели напротив меня, наблюдая сквозь растущее беспокойство за моим состоянием. — Леди Джина, я не могу дать вам настойку еще раз. Это убьет вас. Но вам нужно встать. Самой.

Я не слышала и половины слов, что произносил этот мужчина.

— Вы помните, что было в прошлый раз?

Признаться, нет. Я ничего не помнила, кроме вкуса этого зелья.

— Если королева прикажет, я буду вынужден починиться, вы понимаете? Настойка убьет вас. Вы обязаны подняться, — он обхватил голову руками, понимая, что умирающий человек, вроде меня, просто не способен на такое геройство.

Я снова ухнула в темноту, пробудившись лишь тогда, когда к лицу прикоснулось что-то мягкое, заскользило назойливо. Приоткрыв глаза, захрипела. Мне подали питья — простой воды, хвала небу.

Служанки пытались наложить пудру и румяна, чтобы скрыть бледность моего лица, припухшую губу. Думаю, результат был нулевой, потому что обе недоуменно распрямились, оглядывая свою работу, и их бесцеремонно растолкал лекарь.

— Леди, как вы себя чувствуете?

Я не могла говорить. Казалось, посещение Генриетты отняло у меня все душевные и телесные силы. Снова начала болеть рана. Мое тело горело огнем, горло саднило, в глазах вспыхивали точки.

— Она не встанет. Умрет, — мрачно изрек мужчина, быстро уходя из поля моего зрения.

Мысли путались. Мне показалось, что в комнате был отец, сидел со мной, положив мою голову себе на колени, гладил, убаюкивал. Так бы и спала, но меня резко встряхнули, разжали сведенные челюсти, и мне в горло ворвалась горьковатая жидкость.

— Дышите... дышите, Джина! — приказал лекарь. — Сейчас станет лучше...

Его голос витал в моей голове, на грани между забытием и реальностью.

Но через несколько минут, как он и обещал, стало лучше: я услышала звуки, окружившие меня со всех сторон — тихие шаги прислуги, шепот, звон колокола в придворной церквушке. Сердце заклокотало так сильно, что на некоторое время заглушило все.

— Вы можете пошевелиться? — все тот же обеспокоенный напряженный голос лекаря.

В подтверждение я приподняла руку, перемещая ее на лоб.

— Говорить? — снова спросил мужчина. — Скажите что-нибудь, Джина.

На ум приходило лишь одно:

— Райт...

— Хорошо. Через пару минут мы с вами попробуем встать.

Я распахнула глаза, глядя на этого человека, который смотрел на меня с искренним состраданием, и удивилась той неизбежности, которую сулил этот взгляд.

— Я умру?

Лекарь растерялся, вздохнул, промокая платком виски. Прочистив горло, он сказал:

— Вы будете жить, если только чудо свершится, леди. Я сделал все, что мог. Рана воспалилась, вы истощены. С помощью валмора я способен подарить вам лишь несколько часов жизни, но затем, когда действие иссякнет, ваши силы растают. Ваш организм не сможет бороться с раной, и вы умрете.

— Я снова буду не в себе?

— У меня есть снадобье, способное оставить ваше сознание ясным, но оно немного снизит эффективность валмора.

— Я хочу понимать, что происходит.

— Я не должен вам его давать, — зашептал лекарь, склонившись надо мной, — если королева узнает...

Я глядела в его глаза, он — в мои. Может быть, нам обоим уже мало что осталось в этой жизни, а может сострадание в душе лекаря взяло вверх, но он заговорил:

— Хорошо, леди, я дам вам снадобье. Но пообещайте, бороться. Когда валмор прекратит действие, не засыпайте, главное, не засыпайте.

Я кивнула. Мужчина подошел к столу, перетер в ступке какой-то травы, плеснул туда жидкость из нескольких пузырьков. Прислуга вряд ли понимала, что делает этот человек, поэтому он снова беспрепятственно склонился ко мне, давая выпить получившуюся смесь.

Дальше вмешались служанки — стащили меня с постели и принялись одевать. Эта мука была бесконечно долгой, я норовила упасть, все время шаталась, пока во мне росли пробужденные настойкой силы. Второе снадобье лишь слегка притупило действие дурмана, мне слышались звуки, которых не было, перед газами мелькали тени и тут же растворялись в воздухе. На мне было столько драгоценностей, что, казалось, ступи я шаг, по дворцу разольется перезвон.

А потом меня усадили в кресло, где я смогла окончательно прийти в себя, если такое, вообще, можно сказать о раненом человеке.

Когда в дверь постучали, услужливый лекарь подхватил меня на руки, и мы вышли в коридор, где дожидалась стража. В самый разгар дня — ослепительного, солнечного — коридор был пуст и до самого тронного зала мы не встретили ни одного человека, кроме расставленных по периметру гвардейцев и воинов гарнизона в доспехах. Перед дверьми лекарь поставил меня на ноги, шепнул: «Только не усните» и быстрым шагом пошел прочь, нервно теребя ворот рубашки. Служанки старательно поправили мое темно-зеленое шелковое платье, и двери в тронный зал распахнулись, приглашая войти.

— А вот и наша драгоценная леди Джина! — Эдмунд мерил шагами тронную площадку, в центре которой расположился тот самый пресловутый трон, на который все примерили свои задницы. А рядом с ним стоял трон поменьше, в котором восседала Генриетта.

Все мои силы были направлены на то, чтобы подойти к ним, поэтому я проигнорировала приветствие.

— На колени, дрянь, когда с тобой говорит король! — рывкнул Эдмунд, но я продолжила идти, бросив чуть слышно:

— Ты не король.

Эдмунд, наверно, был в бешенстве. Однако его мать мягко проговорила:

— Оставь ее, она едва дышит. Бедняга должна дожить до появления Райта.

Райт. Это имя, как сильный шкальный ветер, врезалось в меня. Сердце замолотило, кружа голову.

— Пусть сядет у моих ног! — потребовал принц. — Пусть жметесь ко мне, как собака!

О, как же он хотел произвести впечатление на Райта, заставить последнего страдать и мучиться.

Меня усадили у трона, на который через секунду водрузился принц, свесил руку с подлокотника и вцепился мне в волосы, заставляя приблизиться.

Тронный зал был полон солдат, советников и духовных лиц. Мне оставалось лишь гадать, для чего Райту появляться здесь. Неужели из-за меня? Неужели он рискнет всем, даже собственной жизнью, вторгаясь в логово змей?

Я с трепетом ждала, когда откроются высокие створчатые двери, и сквозь льющийся мне навстречу свет я увижу высокую широкоплечую фигуру. Кажется, это давало мне силы дышать, говорить... жить.

— Ваше величество и ваше высочество, — объявил старший канцлер, покуда пред нами предстали четыре человека, — прибыл лорд Берингер и его спутники... эм... — озадаченно пожал плечами, угадав лишь одного знакомого в этой разношерстной свите.

Впрочем, сопровождающие регента остались стоять у дверей в то время, как надменный, яростный, мрачный хищник двигался к нам. Белоснежная рубашка с воротником-стойкой, угольно-черный дублет, смоляной плащ с застежкой на плече, меч на поясе — Райт шел к нам уверенно и спокойно. Может, и было что-то благородное и милосердное в нем, но сейчас все это мирно дремало. Из его темных глаз глядело кровожадное чудовище, способное на единственное — хладнокровное, жестокое убийство.

Я любовалась им. Пожалуй, в момент полный отчаяния, страха и тревоги, у меня нашлись силы на то, чтобы с восхищением глядеть на этого мужчину. Смотреть, возможно, последний раз в жизни.

Он пришел за мной. Он жаждал забрать меня, свою собственность, свою женщину. И покарать тех, кто противился этому. Он пришел убивать.

— Поклонись мне, как подобает, — потребовал Эдмунд, находясь под надежной охраной своих стражников и телохранителей. Его пальцы, свисающие с подлокотника, зарылись мне в волосы. — На колени!

Райт остановился, и будто остановилось время, даже мое сердце замерло в предвкушении. Он проследил за движением руки принца, взглянул на меня. Рассматривал неторопливо, вдумчиво, и видел каждый уголок моей души, каждую эмоцию, ловил каждый мой вдох. Его взор проникал под покровы кожи, изучал, оценивал, обжигал.

А затем мужчина двинулся вперед — сделал шаг, поставил ногу на первую ступень тронной площадки.

— Отпусти мою женщину. Сейчас, — опять этот притворно мягкий голос, от которого по спине пробежал холодок.

Эдмунд дрогнул, сильнее стягивая узел моих волос.

— Сын мой, — неожиданно произнесла королева, понимая, что принц слишком взвинчен, чтобы осознать простую вещь — не стоит играть со львом, когда они оба в положении незащищенных ягнят, — лорд Берингер должен присягнуть тебе в верности. Он, конечно, встанет на колени. Он и сам это понимает.

Эдмунд недовольно поморщился.

— Пусть сделает это сейчас, — капризно заявил он. — Немедленно.

Его пальцы переместились мне на затылок, замерли у основания шеи, сдавливая и принося боль.

— На колени, Райт! На колени!

Вторая ступень минула — Райт хищно двигался к трону.

— Хочешь, чтобы я встал на колени, ублюдок? — по его губам скользнула дьявольская усмешка. — Или, быть может, еще хочешь спастись?

Думаю, эти слова заставили маску сдержанности упасть с лица королевы, которая поддалась вперед, выпалив:

— Берингер, твои угрозы наследнику престола недопустимы. Ты пришел сюда, чтобы присягнуть в верности и отречься от притязаний на трон, так сделай это.

Последняя ступень. Райт оказался перед самым тронном королевы, спросив затаенно:

— А с чего ты взяла, что я пришел именно за этим?

Оставалось лишь несколько шагов до престола, на котором заерзал растерявшийся Эдмунд. Генриетта тихо застонала, будто все, чего она боялась, что снилось ей в страшных кошмарах, теперь воплощалось в реальность. Она взглянула на невозмутимо стоящих стражников, затем на де Хога, сопоставляя что-то в своем воспаленном уставшем мозгу. К ее лицу бросилась кровь, вены на шее вздулись от напряжения.

— Предательство... — прошептала она хрипло, — снова предательство...

— Возмездие, — равнодушно поправил ее Райт.

— Что ж, — ее грудь быстро взымалась, — я проиграла... что теперь будешь делать, Райт? Убьешь меня?

— Я? — он изломил бровь. — Нет. Я не убиваю женщин, — его взгляд скользнул на меня. — Джина! — протягивая ладонь.

Рука Эдмунда отдернулась от меня, будто он обжегся. Королева сидела неподвижно, ее взгляд опустел, лицо за мгновение осунулось. Ей владела лишь одна эмоция: «все кончено».

А я глядела на приглашающий жест Райта... на этот властный характерный жест, который мне не забыть.

Я медленно поднимаюсь, на слабых, дрожащих ногах иду к мужчине. Даже не верю, что сейчас прикоснусь к нему. Расстояние между нами сокращается... и когда мои пальцы касаются его ладони, Райт притягивает меня к себе, обхватывает подбородок, приподнимает голову. Его пальцы касаются щеки, стирая толстый слой пудры, очерчивают рот, исследуя каждый дюйм. Он оглядывает мое платье, а я шепчу:

— Мне нельзя спать... нельзя спать...

Он целует меня в лоб, прикрыв веки, а затем приказывает кому-то:

— Филис! Позаботься о ней.

Понимаю, что сейчас меня уведут, и цепляюсь за его рукав, заглядывая в глаза:

— Не отпускай меня... мне нельзя спать... не надо, — плачу посреди тронного зала, среди хмурых мужчин, во всеуслышание признаваясь в том, что без Райта Берингера не могу даже дышать. Плевать, ведь это правда.

Он не выдерживает, целует меня в губы, а затем жестко отрывает от себя, передавая в объятия какой-то девушки, и та уводит меня. Двери тронного зала закрываются за нашими спинами.

* * *

Где-то в глубине души она всегда знала, что так и будет. Железная королева пала.

Она не хотела смотреть на сына и не могла притворяться, что ей жаль его.

Спокойно и даже отрешенно она положила кисти на подлокотники трона, подняв усталый взгляд на пришедшего за ней зверя.

— Не хотел, чтобы это произошло на глазах у твоей шлюхи?

— Здесь только одна шлюха, — совершенно равнодушно отозвался мужчина, — и эта скулящая шлюха — твой сын.

Эдмунд сжался на троне, пытаясь удержать рвущиеся из горла стоны.

— Он не при чем, — усмехнулась Генриетта, — он всего лишь эгоистичный, трусливый мальчишка, загоревшийся идеей безграничной власти и вседозволенности. Вспомни, Райт, ты когда-то обещал отцу, что будешь заботиться о нем, оберегать и никогда не причинишь ему зло.

— Не хочешь же ты упрекнуть меня в отсутствии милосердия? — его губы насмешливо изогнулись. — Я ведь проявлял колоссальное терпение ко всем его выходкам. И даже теперь я готов дать ему шанс, если он, конечно, им воспользуется.

Королева скривила губы в усмешке, оглядев присутствующих мужчин — своих советников, стражу, духовника. Как же так? Когда они успели продать душу этому дьяволу?

— Думаешь, кто-то из них рискнет жизнью ради тебя? — вымолвил Райт.

— Де Хог, — пустая улыбка не покидала губ королевы, — ты сделал это ради сына. Я прощаю тебя. Слышишь? Ты смог сделать ради Атера то, на что я была не способна... Люби его, — она обвела взглядом советников и тихо нервно рассмеялась, — а вы, милорды, горите в аду...

— Это все, что ты хотела сказать? — спросил Райт.

— Пожалуй, кое-что я скажу тебе, Берингер, — ее голос осип, превратился в тихий едва уловимый шепот: — ты настоящий сын своего отца.

— Видимо, это не комплимент, — бросил мужчина. — Аарон, меч!

Наемник шелохнулся у дверей с благоговейным: «мой господин», сорвался с места, расталкивая собравшихся.

— Что ж, братец, — Берингер взглянул на Эдмунда, заставив принца разрыдаться в голос, — уже не хочешь видеть меня на коленях? Аарон, дай ему меч!

Когда принцу поднесли оружие и заставили слезть с трона, он дрожал всем телом, напугано глядя в глаза брату.

— Ты можешь сейчас сразиться со мной, Эдмунд, — чеканя слова, говорил регент, — и убить в честном поединке, тогда мои люди уберутся восвояси, поняв, какой бесценный у них король. Если боишься, а я вижу по твоим глазам, что так оно и есть, просто признай это. Тогда тебя оскоят и поместят в монастырь, ибо ты не мужчина... — под взглядом Райта, Эдмунд сжался в комок, — есть и другой вариант. Я потребую твоего отречения и изгоню, но ты должен доказать мне, что сожалеешь обо всем, что сотворил.

— Что? — Эдмунд неуверенно держал меч, растерянно переводя взгляд с Райта на королеву. — Но как? Я не понимаю...

— Ты многого не понимаешь, — усмехнулся Райт, — но то, что должен сделать сейчас, прекрасно понял. Ты знаешь, как надо поступить, так ведь?

Дрожь в руках принца лишь усилилась. Он взглянул на свою мать, крепче сжал меч.

— Я должен убить ее? — тихо спросил он, шмыгая носом.

— А сможешь? — регент изогнул бровь.

— Это слишком жестоко, Райт, даже для тебя, — вымолвила королева, впиваясь

ногтями в подлокотники и обреченно откидываясь на спинку трона. — Ты будешь помнить об этом до конца своих дней, ты никогда не сможешь забыть... — ее зрачки расширились, из горла выбилась струйка крови. Опустив стекленеющий взгляд, она увидела меч, торчащий из груди, затем взглянула на сына, который отпустил рукоять, отпрянул, горько рыдая: — Живи, — умирая, проговорила она Эдмунду, — живи с этим...

Он рухнул на колени, беззвучно рыдая. Он не спускал глаз с матери, которая сделала еще несколько мучительных вдохов и затихла.

Присутствующие разом преклонили колени перед новым владыкой.

Райт долго, молча глядел на королеву, которая окончила свои дни, сидя на желанном троне.

— Кайетан, — бросил он в толпу, из которой появился капитан.

— Да, ваше величество.

— Прими честь быть распорядителем двора и моим советником.

Мужчина дрогнул от удивления, приподнял голову, встречая взгляд Райта, и произнес:

— Приму за честь, ваше величество.

Берингер внимательно оглядел советников, сощурился, разглядывая покорного, молчаливого де Хога.

— Собери совет. Хочу назначить новых советников.

— Будет исполнено, ваше величество.

Эдмунд все еще несдержанно рыдал, но регент Хегея не обратил на него ни малейшего внимания, покидая тронный зал.

Он быстро шел в покои, которые принадлежали ему, и в которые он заблаговременно приказал привести Джину. У входа дежурил Аарон, который при приближении регента, сделал знак страже, мол, отворяйте двери. Не замедляя шага, Райт вошел в приемные покои, прошел через кабинет и оказался в спальне, где на его постели лежала девушка.

Филис уже командовала целым штатом служанок, которые маячили по комнате с тазами, чистыми тряпками.

— Ей нельзя уснуть, ваше величество, — сообщила травница, в глазах которой регент прочел отчаяние, — иначе она умрет. Мне нужно вскрыть рану, она воспалилась. Если леди потеряет сознание, она может не проснуться.

Райт подошел к постели, увидев свою девочку, которая жадно глотала воздух и глядела вверх, будто ее душа уже готова вырваться из тела. Он лег рядом, опираясь на локоть, коснулся ее подбородка, поворачивая ее голову.

— Девочка... — зашептал ласково, касаясь ее нежной бледной щеки кончиками пальцев, — посмотри на меня...

Ее взгляд, такой напуганный, измученный, потеплел.

— Ты видел письмо? — тихий слабый, но такой родной голос.

— Письмо, милая? — его пальцы ни на секунду не переставали гладить.

— Я написала, что люблю тебя... — она невинно закусила губу, вглядываясь в его темные глаза, — ты видел?

Что он чувствовал сейчас? Что может перевернуть землю, что способен сорвать покров звезд с ночного неба, дотянуться до самого солнца, но... он не может ничего поделать против смерти, которая нависла над маленькой наивной девчонкой из Хоупса.

— Я видел... — соврал он, — конечно, видел, — склонился, целуя ее трепетные мягкие губы.

В это время Филлис накалила над огнем нож.

— Послушай меня, милая, — Райт положил голову на подушку, обхватил лицо девушки руками, заставляя смотреть ему в глаза, — помнишь, лекарь зашил рану на твоей руке?

Она кивнула, дрогнула, но он зашептал:

— Шшш, ты ведь не боишься? Ты знаешь, что так нужно? Ты потерпишь еще? Ради меня?

— Да.

— Моя умница, — он осушил губами слезу, скатившуюся по ее щеке. — Только смотри на меня, Джина. Я буду рядом.

Она слабо кивнула.

— Мне нельзя уснуть, Райт...

— ...я знаю...

— Я ведь не умру?

А что теперь? Боль огнем затопила его сознание. Боль и страх, а ведь он никогда не боялся.

— Нет, милая... мы умрем вместе через много-много лет, когда состаримся, и у нас будет полно внуков. Как в сказке.

— И у меня будет розовый пони, — она еще была способна подарить ему улыбку.

Он отдал бы многое, чтобы услышать ее смех.

— У тебя будет все, — заметив, что Филлис смахивает слезы и ждет его приказа, он сказал: — Ты будешь сказочной принцессой, Джина. Моей принцессой.

Кивнув травнице, мужчина прижался лбом к виску любимой, прошептал:

— Говори со мной, не оставляй меня...

Аарон скучал. Символ начальника тайной канцелярии в виде большого круглого медальона был вечным напоминанием того, что он уже не свободен. О, да. Аарон из клана темных ветров теперь вел оседлый образ жизни, и у него даже была жена — заносчивая, эксцентричная и упрямая кобра. Этой ночью она довела его до белого каления. Стропивица.

— Мой лорд, донесение, — один из его шпионов нашел его даже здесь, на кладбище королевской семьи.

Что ж, немаловажная часть его работы — быть в зоне доступности.

Аарон прочел письмо, сжал в кулаке. Какого дьявола, спрашивается?

Мужчина выплюнул травинку, которую сжимал в зубах, распахнул калитку и пошел в поисках своего повелителя по извилистым дорожкам, заросшим вьюнками.

Чудесный солнечный день, полный запахов наступающего жаркого лета, возможностей и надежд вряд ли так интересовал Аарона, как желание побыстрее отыскать Райта. Бывший наемный убийца чувствовал себя несколько неуютно среди надгробий, хотя здесь всюду щебетали птички, а где-то в поднебесье висела радуга.

— Потерялся?

— Черт! — начальник тайной канцелярии схватился за сердце, закатывая глаза. — Ааа, ваше величество, обознался.

Райт едва заметно улыбнулся. Весь в черном, высокий, плечистый он разрушал гармонию чудесного солнечного утра.

— Посмотрите-ка, сир, — передал послание Аарон. — Это что шутка?

— Гмм... — Райт снова улыбнулся, пробежав глазами по строчкам. — Не совсем. Это очень важная шифровка.

— Дайте-ка гляну!

— О, нет, — регент спрятал послание в карман, и Аарон насупился. — Для тебя у меня будет другое задание.

— Вот с этого все и начинается, — пробурчал бывший наемник. — Но для начала, мы не могли бы убраться отсюда, сир?

Райт помрачнел, подтолкнул Аарона в направлении выхода. Некоторое время они шли молча, пока начальник тайной канцелярии не опомнился:

— Так что за задание, ваше величество? Что на этот раз? Украсть кого-нибудь, взять в плен, убить?

Регент поморщился.

Они шли по одной из аллей, ведущей во дворец. К ним примкнули стражники во главе с лордом Кайетаном.

— Еще один лорд, поглядите-ка, — ехидно протянул Аарон. — Как поживаете, ваше сиятельство?

Дэш метнул возмущенный взгляд на друга, молча передал регенту папку с письмами. Райт извлек первое, с вензелем понтифика, прочел.

— Если бы мы могли еще год игнорировать папу, это было бы великолепно, — начал лорд Кайетан, — но увы, он желает знать, какие у вас намерения в отношении некоторых ваших соседей. Пока вы нейтральны, он готов мириться с положением вещей. Вы хорошо

приняли епископа Луция Марсеро...

— Я посулил ему папское кресло в перспективе, а у Марсеро есть голова на плечах, поэтому мы поладили.

— Церковь даже готова обойти вопрос вашего развода, и поддерживать вас и малолетнего короля Уильяма, но при одном нюансе, который, как я полагаю, вы тоже обсудили с Марсеро.

— Разумеется, — отозвался регент, — кроме того епископ заверил мой развод своей рукой, что никогда не оспорит ни один священнослужитель.

— Да уж, отличный ход, сир, — добавил свою реплику Аарон.

— Ваше величество, не пора ли отправить начальника канцелярии куда-нибудь с очередным заданием? — по губам Кайетана скользнула тень усмешки и тот час пропала.

— Я как раз над этим подумываю.

В руки Берингера попало второе письмо.

— Леди Стелла пишет, что обрела свою цель в этой жизни в услужении богу, и теперь ей нужно десять тысяч лир содержания вместо пяти, ваше величество. Она желает заняться благотворительностью.

Усталый вздох Райта был ответом. Он молча потребовал третье письмо.

— Леди Мэг Ингрэм просит ваше величество выделить деньги на школу для девушек в восточном Говер-холле. Не смотря на то, что она оставила службу, она рассчитывает на вашу милость, ибо...

Райт взмахнул рукой, прерывая речь Кайетана.

— Что-то еще?

— Письмо от лорда де Хога, сир, — Дэш подал ему послание. — Вернее от его поверенного. Несколько дней назад де Хог и его сын погибли при осаде крепости близ Мейхета, куда были отправлены в наказание за измену.

Аарон несдержанно хмыкнул:

— Хоть одна хорошая новость.

— Дальше, — равнодушно проговорил Райт.

— Письмо от нашего человека, сир, по поводу принца Эдмунда. Наш человек пишет, что принц проводит все дни в уединении, и, кажется, медленно сходит с ума. К нему, конечно, относятся с должным уважением, но в исполнении вашего приказа, не спускают с него глаз и ограничивают в удовольствиях, к которым он привык.

— На этом все? — не комментируя новости, спросил Райт.

— Еще кое-какое письмо, мой лорд, но я даже не знаю, к кому его адресовать, — замялся Кайетан, — некая леди Сибилла...

— Это та, которая второй год пытается протолкнуть на одобрение в совет свои изобретения? — недоуменно протянул Аарон.

— Кажется, да, — согласился Дэш, — год назад ее сестра Камилла вышла за лорда Бейдока, а леди Сибилла осваивает поприще науки.

— Ее письмо отложите, — вымолвил регент.

Они вошли во дворец, встречая на пути группу фрейлин, которые покраснев, присели в реверансах. Лишь поклон одной был недостаточно почтительным, но Райт не воспринял на свой счет, замечая, как напрягся Аарон. Неуважение Розетты касается лишь последнего.

— И долго это будет между ними? — спросил Кайетан, двигаясь рядом с регентом, покуда горе-муж остался выяснять отношения с супругой.

— Надеюсь, до конца жизни. Это называется любовь, Дэш.

— Да они изводят друг друга!

— Им обоим это нравится. Кстати, как леди Кайетан?

— О, Филис? — королевский распорядитель смутился. — Она довольна новой должностью, сир. Благодарю. Для нее большая честь быть личным врачом юного короля.

Райт уверенно двигался в свои апартаменты, поэтому Дэш поспешил сказать:

— Сегодня придут послы из Гордании, ваше величество...

— Да, да, — бросил Райт, охваченный иными думами. — Все как обычно...

Двери перед ним распахнулись, он нетерпеливо прошел через кабинет в спальню и замер на пороге. Его рука медленно скользнула в карман, он извлек записку, приподнимая брови.

— Вы расшифровали мое послание, сир? — Джина задорно приподнялась на постели, весело улыбаясь.

Прекрасная, с распущенными длинными волосами, веселой улыбкой, она касалась подаренной им подвески с рубином императрицы, которая украшала ее изящную шею. Девчонка... как была девчонкой из Хоупса, так и осталась.

Райт потянулся к пуговицам черного камзола.

— Расшифровал и, надеюсь, правильно, — хрипло вымолвил он, наблюдая за своей женой.

— Сегодня ровно три года, — произнесла она, — а я не видела вас уже два дня. Сначала вы в одном замке, потом в другом, следом на тайном совете, а сейчас, вместо посещения своей супруги, рванули на кладбище, почтить память отца... Это утомляет и притупляет чувства, вам не кажется? — плутовка встала на колени, обхватив руками колонну под балдахинном, демонстрируя полупрозрачную кружевную сорочку, которая почти не скрывала изгибов юного тела.

— Притупляет чувства? — отбросив камзол, Райт приступил к рубашке. — Нет, не думаю. И не дам тебе усомниться, милая.

Она соскочила с постели, подошла к нему, берясь за пуговицы.

— Регенту Хегея негоже раздеваться без камердинера. Позвольте мне стать вашим слугой, сир... — не успела договорить, мужчина притянул к себе, жадно припал к ее шевелящимся губам. — Я соскучилась, — прошептала девушка, — очень... не дождалась тебя у очага и переместилась сюда...

— Умница-девочка... — он исследовал губами ее шею, слыша ее нетерпеливый смех.

— Уилльям тоже скучал...

— Угу, — Райт стянул с ее плеча рубашку, целуя обнаженную кожу.

— ...и малыш-Ричард очень-очень скучал по своему отцу...

Мужчина, казалось, уже ничего не слышал. Дотянулся до ее губ, поднял за талию, направляясь к кровати.

— Райт, ты меня слышишь? — притворно возмутилась Джина, обхватывая его за плечи и стягивая рубашку. — Чудовище!

Они вместе опрокинулись на постель, мужчина нетерпеливо снял с супруги сорочку, и коснулся губами трепетного живота.

— Райт... — выдохнула она сладко, запуская пальцы в его густые волосы.

Его нетерпеливый рот оставил влажный поцелуй на белесом рубце, и девушка вздрогнула, закусив губу.

— Год назад вас трое суток везли во дворец? Вы не выспались? Вы устали? Знайте: это только начало пути! Впереди бесконечно долгая и счастливая сказка.

— И розовый пони? — спросил кроха-Ричард, когда я захлопнула книгу и поцеловала его в макушку.

Его темные глаза, так похожие на глаза Райта, жадно за мной наблюдали.

— Розовых пони не существует, — подал голос Уильям, облакачиваясь на мое плечо.

Юный король, которому едва стукнуло пять, унаследовал непокорный, властный характер Виндоров, поэтому обожал со всеми спорить

— Существует, еще как существует, — улыбнулась я, прикрывая веки и устраиваясь на подушке между своими ненаглядными, — твой отец, Рич, поймал для меня одного...

Конец.

Больше книг на сайте - Knigolub.net